

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

МАУП

Б. А. Гаевский
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ
Монография

Киев 2001

ББК 66.01

Г13

Рецензенты: *В. А. Ребкало*, д-р филос. наук, проф.
А. П. Бовтрук, д-р философии, проф.

Ответственный редактор *И. В. Хронюк*

Одобрено Ученым советом Межрегиональной Академии управления персоналом (протокол № 2 от 20.02.01)

Гаевский Б. А.

Г13   Философия политики: Монография. — К.: МАУП, 2001. — 176 с. — Библиогр.: с. 174.

ISBN 966-608-093-1

В предлагаемой монографии рассмотрена связь философии и политики, проанализировано теоретико-практическое использование философских знаний в конкретной политической деятельности, влияние философской культуры политиков на процесс принятия политических решений и обеспечение их эффективности. Аргументируется идея получения безошибочных решений с помощью основных категорий диалектики.

Для студентов, преподавателей, а также всех, кто интересуется проблемами политики и философии.

ББК 66.01

ISBN 966-608-093-1

© Б. А. Гаевский, 2001
© Межрегиональная Академия
управления персоналом (МАУП), 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политизация современного мира активизировала веками существовавшее в народе желание непосредственно участвовать в политической деятельности, заботиться о собственном благополучии, которое создается не только средствами производительного труда в материальной и духовной сферах, но и с помощью политики. Традиционное занятие политикой привилегированной части общества разрушается постоянно возникающими политическими силами, которые, по крайней мере на первых порах, представляют определенные социальные слои и их интересы. Последние реализуются или ставятся как основная задача в политической деятельности этих сил. Содержание и объем политики в таких условиях существенно изменяются и увеличиваются. В этой связи необходимо пересмотреть, уточнить основные понятия политики, ее философский, теоретический фундамент. Политология сосредоточивается на теоретическом осмыслении организации политической деятельности, на ее технологии. Наука управления также занята организацией, но управленческой деятельностью. У них должно быть философское основание — система концептуальных положений, составляющих методологию любой науки. Поэтому философия политики, подобно гегелевской философии права, входит в структуру знаний о политике, влияет на политическую деятельность и требует пересмотра в соответствии с новым состоянием политических отношений и политической деятельности.

Нынешнее состояние политических отношений и политической деятельности не имеет исторического прецедента, является результатом развития политического прогресса, а не повторением уже известного истории, хотя такая известность относительна, поскольку политика как

отражение определенных общественных явлений так же неповторима, как и общественные явления. Повторяется только понятийная форма, но отнюдь не содержание явлений подобно тому, как неповторима человеческая судьба, как бы серо и монотонно не выглядела жизнь миллионов людей, поскольку это жизнь отдельных миров, каждый из которых никогда не станет объектом познания ни “застывшей” истории, ни живого общества. Отсюда саморазвитие, самодвижение политики на основе саморазвития и самодвижения общества. Поэтому осмысление движения общества и составляет сущность науки о политике, ее философию. Различается только интенсивность этого осмысления, высшим накалом которого является переосмысление политики, особенно ее фундаментальных философских оснований. Необходимость такого переосмысления возникает тогда, когда политическая жизнь радикально изменяется.

Однако подобное отношение к политике применимо к нормальному состоянию общества. Желательность этой нормы не может не быть общественным, политическим идеалом, так как ее наличие свидетельствует о стабильности общества, его политического развития. Сегодня же не только Украина, но и мировое сообщество в целом — это не просто противоречивый мир, как мы его называем, а мир политических столкновений, политической дисгармонии, нарушающих естественный ход событий, в котором объективный первоисточник все более отодвигается на задний план, уступая место политическому давлению. Этим объясняется и повышение роли политики, и необходимость не просто пересмотра философии политики, но и практически ее создания, поскольку традиционные представления о политике явно не обеспечивают ее необходимой эффективностью. Уже одно то, что мировое сообщество берется за разрешение международных проблем с помощью политики, свидетельствует о ее высокой роли, хотя причины этого объективны. Но тем и надежнее такое разрешение проблем...

Составляющей философии политики являются общечеловеческие ценности как философское основание современного мирового сообщества. В этой связи перед философией политики встает задача найти и предложить миру тот набор ценностей, который мог бы лечь в основу гуманистических политических решений. Там, где гуманизм не может предложить непосредственного ожидаемого эффекта, философия политики дает философское истолкование основных факторов, предопределяющих его “внедрение” в качестве глубинного основания, которое может положительно проявиться в будущем. Осмысление такого пути

обнаружения и учета гуманистической потенции в политике — одна из задач философии политики. Лишь общечеловеческое как принцип познания, как философская позиция позволяет обнаружить в политике, политических отношениях, политической деятельности именно то, что только и может быть объектом философского осмысления, поскольку именно общечеловеческое обладает широтой самовыражения, достаточной для подлинно научных философских обобщений. Возвращение практической политике такого знания, обеспечение ее общечеловеческим видением политических проблем и путей их разрешения и является задачей философии политики как науки. Организацией такого “возвращения” знаний призваны заниматься политические и научные учреждения страны. Особенно это важно в связи с трагедией, которую пережила (и переживает) наша страна (да и не только наша) из-за слабости этого звена в организации общественной жизни. В этом заключается одна из основных причин политического напряжения во многих регионах мира. Именно философская слабость политики и многих политиков приводит к ошибкам, которые сегодня, на новом витке демократической гласности, принято признавать, причем это “признание без наказания” зачастую выглядит как политическое кокетство. Многих ошибок, которые обходятся народам очень дорого, можно было избежать, если бы в политическую практику с учетом философских и правовых аспектов было внедрено положение, согласно которому каждая ошибка политического деятеля становилась бы предметом немедленного разбирательства народного суда (в различных формах), а не украсила бы очередное его выступление как обязательный атрибут самокритики, умиляющей аудиторию и снимающей тем самым немедленную правовую и политическую ответственность за ее совершение.

В политике продолжается исторически сложившаяся тенденция, когда общественный надзор за соблюдением конституции страны затмевает реальный контроль за политической деятельностью ее исполнителей. Практически постоянное “народное ворчание”, недовольство политическими или экономическими акциями не берутся в расчет. Более того, так называемые непопулярные меры заранее объявляются непопулярными, а практика занижения их отрицательного эффекта становится почти нормой. Политика, таким образом, отчуждается от народа, и это в то время, когда, например, известный глава государства, осуждая советское прошлое страны, указывал на политическое отчуждение народа как на одну из его основных деформаций. Здесь ему явно не хватило философского знания политики, так как именно политическая

деятельность страдает ущербностью от объективированного натиска жизненного потока, который должен быть философски “схвачен” политическим деятелем с тем, чтобы безошибочно направить его в нужное русло. Несмотря на очевидность подобного поведения, в политике продолжает использоваться метод проб и ошибок, цена которых не рассчитывается ни одним политическим институтом. Таким образом, система этих институтов превращается в производную систему, а политическое отчуждение народа не снимается. В результате философия политики как наука политической мудрости не работает.

Заставить работать философию политики должны не социальный натиск и даже не прямые инвестиции в научную деятельность, а обнаружение человеческим, в частности национальным, гением тех философских оснований (в частности, украинской политики), которые непосредственно воспроизводят в национальном изображении основные категории диалектики. Такое воспроизведение так же национально, как и общечеловечно, поскольку элемент социального, общецивилизационного как системы не может не нести в себе ее энергию, в свою очередь постоянно подпитывая систему своей элементной энергией, которую он вырабатывает, развиваясь на собственных энергетических источниках.

В этой связи основные принципы диалектики — связь и развитие — представляются в украинском элементном состоянии не только как общая связь и взаимодействие в политике, но и как определенное конкретное формообразование, превращающее философскую инструментальную абстракцию в характеристику живого потока политической жизни страны, а проявление естественности этих принципов в виде объективированной действительности является доказательством их присутствия в объекте философского постижения.

Категории и законы философии в политике “стремятся” найти не только в системном, но и в элементном “подразделении” доказательства своей инструментальной, профессиональной жизнеспособности. Так называемое практическое преломление их в деятельности корпуса украинских политиков представляется той философией политического бытия, которая тем эффективнее влияет на политическую жизнь страны, чем органичнее ее вторжение в фундаментальные основания этой жизни. Следовательно, наполнение этих категорий и законов национальным материалом является профессиональной необходимостью в работе политиков всех уровней. Такое наполнение — не развитие их (хотя и оно может присутствовать), а придание “жизненной” убедительности диа-

лектике Г. Гегеля как логике и теории познания. И это не лабораторное доказательство, а одно из формообразований диалектики.

Как логика и теория познания политики диалектика предлагает виды знания украинского феномена, направляя субъект и объект познания в политике в диалектическое русло с тем, чтобы выйти на то соотношение политики и истины, которое в украинском варианте достаточно полно представит ее познавательную мощь. Истинность политики для философского доказательства наличия в ней политических гарантов — наиболее яркое доказательство инструментального потенциала диалектики как логики и теории познания. Иными словами, философия политики — это и философия украинского политического мышления в его историческом и онтологическом измерениях.

И наконец, одна из наиболее мощных попыток диалектики как логики и теории познания при самоутверждении в практической политической деятельности — представить чувственный аспект политической деятельности как “местный” источник национального политического мышления, эмпирический и теоретический уровни политического мышления украинского корпуса политиков, их способность к творческому освоению политической действительности.

Поэтому предлагаемая монография может стать полезной как для политиков и политических менеджеров, так и для массового читателя.

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА

1.1. Философия политики как наука

Философия политики представляет собой науку о политике, является частью философии. Предметом ее являются исходные понятия политики, их объективные основания.

Как известно, философия имеет различные формообразования, проявления в том или ином объекте, его понятийном обосновании. Основными формообразованиями, использующими общеполитические методы исследования, являются “философия истории”, “философия религии”, “философия культуры”.

Родовым методом философии политики как науки является диалектика, которая применяется к политике в качестве системы теоретических конструкций. С помощью этих конструкций обосновываются определенные политические взгляды, институциональная и индивидуальная политическая деятельность. Учет объективной диалектики, проявляющейся в этой деятельности, и определение в соответствии с ней теоретической модели поведения составляют содержание философии политики как науки. Учение о единстве и борьбе противоположностей, о противоречиях как внутреннем источнике развития, будучи ядром диалектики, также является основным структурным подразделением философии политики. В свою очередь, диалектика предопределяет научность методологии философии политики, ибо научная методология — это применение обусловленной диалектическим методом (как теорией познания) совокупности определенных теоретических принципов, логических приемов и конкретных способов исследования к предмету науки.

В то же время система методологии конкретной науки должна быть построена в соответствии с закономерностями и структурой изучаемой области знаний. Объединение первого и второго, общего и особенно статистически возможно только в оригинальном, неповторимом, действительно особенном, и только в характере такого объединения следует искать ответ на вопрос об автономии любого знания — философии политики в том числе.

Таким образом, философия политики как наука приобретает такой статус в силу оригинальности политики как объекта исследования и свойственной ей способности воспринимать, не оказывая сопротивления, общеполитический диалектический метод. (Изложенное не означает, что другие науки не обладают такой способностью: у каждой из них она, отражая предмет этой науки, специфична.)

Следует отметить, что философия политики обычно включается в структуру политической науки, которая изучает политику, политические отношения и политические системы. Основным предметом этой науки является политическая власть во всех ее формах. В ее пяти разделах (теория политики как философски-методологическое основание, теория политических систем, теория международных отношений, теория политического управления и политическая идеология) философии политики отводится роль введения, которое к тому же в остальных разделах зачастую не учитывается, оставляя читателю возможность самому каждое политическое явление или решение философски осмысливать, увязывать философию и политику в единый узел. Усложняется это и тем, что философский раздел политической науки, как правило, состоит из общеизвестных характеристик философии как науки, ее сути вне связи с политикой, а в лучшем случае с обоснованием значимости философского метода в политике, необходимости им пользоваться при выработке политических решений, в политической деятельности в целом.

Главное же — не осмысливается непосредственная связь философии и политики, прямая зависимость эффективности политики от использования философского знания в качестве научных рекомендаций политике. Вместе с тем применение в политике принципов диалектики позволяет раскрыть ее сущность, взаимоотношения с другими социальными явлениями, экономическую и духовную роль, место в системе социальных ценностей, что свидетельствует об огромном политическом потенциале философии политики и актуализирует необходимость ее изучения, а также использования в политике. Зачастую политическая несостоятельность решения может быть обнаружена именно на уровне философии. Например, в настоящее время остро дискутируется вопрос об использовании армии при разрешении внутренних конфликтов. В основе аргументов тех, кто выступает против такого использования, лежат правовые нормы, в то время как достаточно одного философского аргумента, чтобы их опрокинуть: существование любой вооруженной организации теряет смысл, если не защищены жизнь и права даже одного человека, если она не сделала все возможное для его

защиты. С философской точки зрения не имеет значения, какой институт это сделает, хотя правовых проблем здесь много. Тем более это важно, так как философское восприятие явления, факта всегда шире, глубже правового, поскольку оно, как правило, включает такой социальный опыт, особенно нравственный, который охватить правом, политическими решениями практически невозможно. Поэтому, в частности, в судебной практике появились такие понятия, как “суд по закону” и “суд по совести”, хотя последнее играет служебную роль, свидетельствуя тем самым об ограниченных возможностях права.

Особенно повышается роль философии политики, а отсюда и необходимость ее изучения как отдельной науки, в связи с процессом утверждения в общественном сознании и политике общечеловеческих ценностей, ослабления роли идеологической составляющей в выработке политики, в принятии политических решений.

Философское видение политики и есть ее общечеловеческое видение. В человеческом познании и политическом использовании утверждаются различные философии. В частности, марксистско-ленинская философия, служившая определенным социальным образованиям, превратилась в идеологизированное знание; в ней не присутствует человек как высшая ценность, как самоцель, на которую должна быть направлена любая философская система. Человек — высшая биосоциальная данность, высший смысл существования любого знания, любой науки. Все остальное — исторично, трагично, преходяще и соответственно должно изучаться как исторически преходящее, в том числе и в социальном познании. Поэтому сегодня, очевидно, вопрос следует ставить так: что в общечеловеческих ценностях вечно и что исторично, преходяще.

Философия политики должна возвести в принцип своего вторжения в любое социальное явление сочетание вечного и преходящего и, таким образом, выработать рекомендации политике. Только в таком подходе видится оптимальная эффективность философии политики как науки для политики как деятельности, поскольку только через историческое возможно утверждение вечного общечеловеческого, хотя прямые выходы на общечеловеческие ценности также эффективны. Поэтому и автономность философии политики как науки представляется оправданной.

Однако не следует упускать из виду, что философия политики — это философия исторического явления, т. е. она сама как наука исторична, преходяща. В этом и заключается сложность ее предмета: по-

стоянно представлять общечеловеческие ценности в политике, методологически помогать ей служить конкретно-историческому в контексте вечного, определенно социальному в фарватере общечеловеческого. Философия политики — это не сплав “частной философии” и “частной политики”, а способ переводить политику как историческую данность в русло общечеловеческого движения к утверждению высших социальных ценностей. Философия политики должна постоянно держать политику под прицелом, не давать ей уходить от общечеловеческого. И, наконец, в союзе с другими силами избавить мир от политики вообще, после чего остаться в философии как знание, научно гарантирующее человечество от политизации отношений.

1.2. Соотношение понятийных аппаратов философии и политики

Указанное соотношение — один из основных аспектов философии политики. В этой связи обратим внимание на следующее.

Понятийные аппараты философии и политики как науки (политологии) и их предметы различны. Но в таком случае их не следует и изучать, поскольку объекты, на которые направлено внимание этих наук, также различны. Отсюда следует, что задача заключается в том, чтобы найти и в философии, и в политике, а также в теории политики (политологии) то, что можно представить как систему знаний, обеспечивающих политику и политическую деятельность достаточным философским обоснованием. Поэтому соотношение понятийных аппаратов философии и политики — это соотношение вертикальной иерархии знаний, основанием которого является философия, а все последующие этажи занимает политика.

Означает ли это, что философия — высший судья политики, критерий ее правильности? Можно ли считать политические решения, снабженные философским знанием, правильными, общечеловечески оправданными? Насколько понятийные аппараты философии и политики взаимно корректны?

На первый вопрос следует ответить утвердительно, так как высшей формой человеческого познания является философское осмысление человека (человечества) как высшего творения природы. А что может быть более совершенным в политике, чем ее соответствие этому осмыслению? Оговорка здесь возможна при ответе на второй вопрос: следует ли считать политические решения, снабженные философским

знанием, правильными, общечеловечески оправданными? Думается, что такая возможность зависит как от уровня философского постижения мира в конкретных условиях, так и от степени научности политологического обоснования того или иного решения. Указанная возможность может оказаться достаточной для решения конкретного жизненного вопроса в связи с воздействием на него конкретного уровня материального и духовного развития общества. А отсюда вытекает ответ на вопрос, насколько понятийные аппараты философии и политики взаимно корректны. Эта корректность отражает уровень развития философии и политики, философии и политологии при одном неперенном условии: их настроенности на человека, общечеловеческие ценности, а также оптимальном расчете их потенциалов в конкретных исторических условиях.

Понятийные аппараты философии и политики имеют корневое родство — и тот, и другой связан с человеком, обществом, их взаимопереплетение естественно, хотя не всегда форма непосредственно выражает это родство. Специализация знания и здесь специфицирует форму связи, что зачастую превращается в проблему при ее постижении, причем часто с представлением об объекте, как о чем-то абсолютно независимом, не связанном с другим объектом. Поэтому следует подчеркнуть, что философия и политика являются отдельными науками, отдельными дисциплинами, но отнюдь не как не взаимосвязанные объекты. Кстати, независимости какого-либо объекта от философии вообще не существует, поскольку философия осмысливает, как уже отмечалось, человека (человечество) как высшее творение природы. Различие в отношении философии к объектам может состоять только в степени их философского осмысления, в более или менее высоком уровне философского постижения того или иного объекта, в непосредственном родстве их понятийного аппарата или в возможности философии использовать свой понятийный аппарат для изучения неродственного объекта (например, технического).

Понятийный аппарат философии отличается от понятийного аппарата политики также характером развития.

Понятийный аппарат философии располагает гораздо большим набором абсолютных истин, возникших в результате указанного осмысления за все время существования человечества. Именно это делает философию общечеловеческой ценностью, своеобразной наукой — критерием любого другого знания. Политика и ее профессиональная наука — политология историчны: было время, когда их не было, и наступит время, когда их не будет, хотя это не означает, что и политика,

и политология не являются общечеловеческой ценностью. Это историческая общечеловеческая ценность, которая возникла на определенном этапе человеческой цивилизации и исчезнет также на определенном этапе.

Но различие между философией и политикой состоит не только в изложенном выше. Не менее существенным представляется различный характер их развития.

Философия как наука — метод как наука — критерий не может развиваться такими темпами, как политика (политология), поскольку последняя — ее объект, эмпирический материал, хотя прогностическое видение является существенным элементом науки. Но и для прогноза необходимо реальное существование объекта, потенциал которого может стать предметом философского осмысления и прогностического видения. В философское знание человечество постоянно вкладывает то лучшее, что оно создает в процессе своей эволюции. Политика же развивается стремительно, что зачастую не позволяет ее осмысливать с достаточной степенью философской, а иногда даже и политологической основательности.

Однако и в этом случае есть набор истин, которые значительно меньше поддаются влиянию времени, а часть из них превратилась в вечные принципы политики, которые вошли в философию политики.

Последнее свидетельствует о том, что не только философское осмысление политики является источником саморазвития ее философии, но и политологическое видение отдает философии политики свои наиболее устоявшиеся истины, хотя их дисциплинарная передача происходит не всегда вовремя.

Таким образом, общечеловеческая “мастерская” философского опыта, философия политики как методологическое обеспечение и политологическая мысль в своем саморазвитии не только взаимно оплодотворяют политику, но и выступают в качестве “первоисточника” философии политики, а общеполитологические методы познания, философия в целом являются научным гарантом их развития на пути к истине.

Но такой гарант возможен только на основе объектного видения, того самоосмысления, которое происходит в любом социальном объекте, получения в связи с этим той “местной” информации, которой достаточно для выработки истинного знания. Наиболее мощным потоком такой информации в современном мире является национальная информация, в которой представлено состояние современной цивилизации, уровень ее развития и разнообразия. Именно в национальной информации фокусируется системное развитие человечества. В таком

развитии существует основное структурное подразделение современного человечества, стремящееся к сбалансированному состоянию всех своих элементов, к той упорядоченности, которая наконец снимет противоречия, накопленные историей цивилизации, и превратит их в абсолютный источник развития как системы в целом, так и отдельных ее элементов.

В этой связи понятийные аппараты философии и политики соотносятся как целое и часть. Первое работает на то, чтобы утвердить в мире системную гармонию, а второе — на элементное саморазвитие, позволяющее утвердить первое. Другими словами, философия политики, ее понятийный аппарат — это единое знание, находящееся в той степени единства, которая превращает саму науку в действующую конструкцию, эксплуатация которой выступает в качестве фактора истинного развития любого политического объекта в соответствии с организационным потенциалом как человечества, так и основных его структурных элементов. И в этом смысле единство понятийных аппаратов философии и политики, уровень их развития и есть высший показатель уровня единства современного мирового сообщества и его основного элемента — нации. Поэтому постоянная проверка истинности понятийных аппаратов философии и политики на системном (общечеловеческом) и элементном (национальном) уровнях является условием саморазвития философии политики как науки. Причем элементное (национальное) также автономизируется по отношению к философии политики, как к системе знаний об общих философских основаниях политики, создавая таким образом часть структуры политологической науки.

Последнее особенно важно, поскольку речь идет не только об общей политологии, но и о ее национальном элементе, в данном случае украинском, который пользуется не только общим политологическим потенциалом человечества, но и создает собственную, национальную политологию. Последняя, в свою очередь, пользуется общей философией политики и одновременно создает свою, элементную, национальную философию политики. И это обстоятельство также нуждается в акцентных характеристиках, поскольку украинский гений создал национальную философию и национальную политологию, представленные такими именами, как В. Антонович, С. Бандера, В. Вернадский, В. Винниченко, И. Вишенский, Н. Гоголь, П. Грабовский, Б. Гринченко, М. Грушевский, Д. Донцов, И. Киевский, П. Копнин, Н. Костомаров, М. Коцюбинский, П. Кулиш, В. Липинский, П. Могила, В. Мономах, М. Павлик, С. Подолинский, Т. Прокопович, С. Рудницкий, Г. Сковоро-

да, Я. Стецко, Л. Украинка, И. Франко, П. Чубинский, Т. Шевченко и многие другие.

Понятно, что структурность философского и политологического знания не означает их наборной бессвязности. Напротив. Эта структурность — суть разнообразие человечества и адекватность знания о нем, которая цементируется системным его (человечества) состоянием и оригинальностью социального и интеллектуального разнообразия его элементов и основного из них — нации.

А это означает, что философия политики — не только отдельная философская наука, определенное формообразование философии, но и информационное явление, воспроизводящее структурное состояние политики. Общая философия политики и философия украинской политики — это отдельное в отдельном, в том интеллектуально рассчитанном потенциале, который только в таком виде и может достаточно эффективно обслуживать политику как общественное явление. Причем здесь происходит не только воспроизведение политической действительности в общем — отдельном — отдельном, но и взаимообогащение, взаимодополнение знания, хотя принято думать, что философия политики как общее относительно украинской философии политики “весьма разборчива” и вводит в свой арсенал только то, что может служить общему в политике. Но это не так, поскольку отдельное — философия украинской политики — это не только приложение общего — философии политики к украинской политической действительности, но и единственный элементный источник развития философии политики как и любой другой национальный элемент общечеловеческой социальной структурности, хотя и на уровне общего она имеет отличный от элементного собственный системный потенциал.

Таким образом, философия политики как наука является общей относительно национальных философий политики, что, конечно же, не свидетельствует об их иерархическом соотношении: национальная философия политики не сравнивается с общей по степени мощности эффекта воздействия на политический объект, а тем более мощности интеллектуальной, так как она может достичь и такого уровня, такого истинного содержания, которые могут стать образцом, предметом для подражания и, таким образом, возвыситься над общей философией политики (и даже с претензией на более эффективное воздействие на другие национальные элементы) и войти в структуру общего как общее. Интегративность общецивилизационных начал человеческого общежития в реальном движении материальной и духовной цивилизаций — прямое тому свидетельство.

СВЯЗЬ И РАЗВИТИЕ — ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИКИ ПОЛИТИКИ

Диалектика является универсальным методом познания политики, на основе которого возникают основные принципы диалектики политики, объединенные их основными качествами — связью и развитием. Связь здесь является всеобщей, порожденной определенным взаимодействием основных элементов политики.

В основе диалектического развития политики как принципа лежит идея политического развития, в логику которого входит основной детерминант — историзм, который таким образом сам превращается в принцип. Для того чтобы этот принцип воспринимался как самовыражение объекта, в данном случае истории, необходимо присутствие в нем причинности и объективной целесообразности, причем не вообще, а именно относительно политики. Первое и второе — причинность и объективная целесообразность — в наивысшей степени проявляются в наличии системности в политических отношениях, и политической деятельности. Их высшее и наиболее четко и полно представленное самовыражение обнаруживается тогда, когда и политические отношения, и политическая деятельность выходят на уровень закона или закономерности.

2.1. Общая связь и взаимодействие в политике

Материальное единство мира выражено в человечестве в виде общей связи и взаимодействии его потребностей и интересов, в их общечеловеческой взаимозависимости и взаимообусловленности. Они, в свою очередь, породили отношения, в том числе и политические, которые выражают форму этих связей, их высшее проявление — отношения зависимости, различающиеся по типам и видам связей. Тип связей определяется уровнем организации материи в пределах определенной формы движения. Кроме того, существуют связи, характерные для всех

предметных образований, такие, например, как притяжение и отталкивание в обществе — любовь и ненависть, добро и зло, а также внутренние и внешние связи, их непосредственный и опосредованный эквиваленты, пространственные, закономерные и случайные связи, выражающиеся в одно-, двух- или многостороннем варианте. В зависимости от основания связи ее форма может быть необходимой или случайной, постоянной или временной. Однако при любом их субъективном обозначении связи органически взаимозависимы, как бы изолированно то или иное явление, предмет или факт не выглядели. Сказанное свидетельствует об объективном взаимодействии связей их взаимообусловленности, взаимном переходе и порождении. Без такого взаимодействия невозможно установить сущность явления, предмета или факта, так как именно в нем объект обнаруживает свою качественную определенность на основе противоречия как основного проявления противоположности — “первоисточника” его (объекта) возникновения, самодвижения и развития.

Общая связь и взаимодействие в политике отражают материальное единство мира, которое в человечестве находит одно из своих “живых” проявлений. И поэтому установление “клеточного” политического состояния такого проявления, особенно когда на первый план выходят общечеловеческие ценности, — одна из основных задач политики и политиков.

В истории политики общая связь и взаимодействие проявлялись неоднократно, хотя зачастую в трагических формах. Стремление к мировым экономическим, в частности торговым, связям — давняя традиция независимых государств и народов. В современных условиях человечество организовалось в мировое сообщество на основе объективных интеграционных процессов, нашедших политическое закрепление в системе международных, в том числе политических, организаций. Во главе этой системы стоит Организация Объединенных Наций (ООН) как институт, выражающий высшую политическую волю народов, потребность в общечеловеческих связях.

Однако общая связь и взаимодействие в политике на международном уровне, как отмечалось, часто проявлялись в истории человечества в трагической форме. Две мировые войны, непосредственной причиной которых были политические факторы, обошедшиеся человечеству почти в 100 млн человеческих жизней — наиболее убедительное тому подтверждение. Современные так называемые локальные конфликты также могут превратиться в политический катализатор мирового

столкновения, что требует особого политического благоразумия народов, в первую очередь политиков.

Общая связь и взаимодействие в политике проявляются и на более низком уровне вплоть до личностного. Любое нарушение прав социальных образований, в том числе национальных, а также прав личности может стать мировым политическим явлением, что зависит от информационного его состояния в процессе общественной жизни. Мировое сообщество постоянно проявляет внимание к таким международным проблемам, как расизм, беженцы, преследования инакомыслящих и т. п. Для защиты людей от политических преследований, в каком бы государстве они не жили, существуют различные правовые акты. На личностном уровне международное сообщество ввело правовую форму защиты человека, преследуемого за политические убеждения, и обязало государства предоставлять такому человеку политическое убежище.

Политическая общая связь как потенциальная возможность реагирования на то или иное политическое действие любого элемента мирового политического сообщества, подпитывается таким его свойством, как принципиальное общечеловеческое содержание политических потребностей и интересов. Конечно, установить все разнообразие потребностей и возникающих на их основе интересов — невозможно. Но их политическая форма упорядочивает это разнообразие на уровне, дающем возможность политической типизации общечеловеческих интересов. Политическая типизация уже состоялась в таком факте, как научная характеристика мирового сообщества, а в непосредственной политической практике — в создании норм международного права и институтов, контролирующих их выполнение в странах сообщества. Об этом свидетельствует также и то, что мировая политическая и правовая практика в каждой стране — это набор норм, прежде всего конституционных, имеющих общедемократическое содержание, хотя, конечно, не все мировое сообщество демократически конституцировано, что, впрочем, не исключает наличия в таких странах политических норм.

Поэтому общая связь в политике — это не только реагирование на конкретные политические договоренности, имеющиеся между отдельными странами, и даже не реагирование на требования международных политических и правовых норм. Это более глубокое политическое явление. Оно заключается в общечеловеческом уровне политического развития, когда мировое сообщество реагирует на определенные политические события в любом районе мира, в любой стране. И в этом смысле политические решения, даже внешне не обладающие междуна-

родным статусом, имеют известное значение для мирового сообщества и могут стать причиной события, на которое оно вынуждено будет реагировать.

Конечно, организационно-политическое членение решений имеет два уровня — внутренний и международный, на основе которых существует внутренняя и внешняя политика, но это отнюдь не означает их исключительного отнесения к одному виду потребностей и интересов, а указывает лишь на то, что существует функциональная организация политики, органическая же связь между ними очевидна, естественна.

Говоря о взаимодействии как о проявлении общей связи в политике, следует видеть его опосредованный и непосредственный варианты. Первый — это предел досягаемости решения, который должен быть рассчитан при его подготовке; второй — это конкретная, целевая, заданная эффективность, которая тем более должна быть рассчитана в политическом, социально-экономическом и духовном планах в соответствии с конкретной целью решения.

Взаимообусловленность в политическом взаимодействии выступает как смысл политики, ее первооснова, причина появления политики как социального явления. Именно взаимообусловленность породила политические отношения, создала механизмы непосредственной и опосредованной зависимости политических решений и в политическом пространстве, и в политическом времени.

Показателями общей связи и взаимодействия в политике являются известные глобальные проблемы человечества, разрешение которых возможно только в процессе совместной деятельности государств и народов. Причем состояние этих проблем непосредственно воздействует на политическую жизнь каждой страны, хотя воздействие это может быть незаметным, особенно для высокоразвитых стран. Следует обратить внимание на то, что глобальные проблемы современности порождают такую форму взаимодействия, как оказание помощи различного вида одним народами другим, что не может не отразиться на политических отношениях между ними, не говоря уже о необходимости вмешательства одних государств во взаимоотношения других, если состояние этих взаимоотношений не отвечает общепризнанным нормам международных отношений.

Общая связь и взаимодействие на международном уровне системно более зримы, чем в конкретной политической деятельности институтов, а тем более лиц, ею занимающихся. Здесь эта связь выступает скорее как расчет возможного, чем реального, и поэтому воспринимается зачастую

как нечто абстрактное, не имеющее непосредственного значения для конкретной политической деятельности. Такое представление ошибочно и возникает потому, что установление не только ближних, но и дальних последствий политической деятельности весьма затруднительно. Более того, оно выступает как показатель политической мудрости, политической прозорливости, политического профессионализма того или иного политического института, политического деятеля. А в политике эти качества имеют решающее значение, поскольку сама политика как явление — это то всеобщее, которое присутствует в любой политической акции, это выражение всеобщей связи и взаимодействия в мире. Поэтому и выигрывает та политика и тот политик, который эту связь устанавливает, и чем отдаленнее последствия, которые он видит, — тем эффективнее сама политика. Причем такое видение в верхних политических структурах встречается чаще, чем в нижних, так как политическая глобалистика в верхних политических структурах — это сам объект деятельности, а в нижних политика зачастую проявляет себя во внешне отдаленных от политики явлениях, хотя и на верхнем уровне политическая незрелость, политическая близорукость могут проявить себя довольно откровенно. Достаточно вспомнить знаменитую афганскую компанию, проводившуюся руководством бывшего СССР, чтобы убедиться в этом. Да и создание СССР было результатом политической недалекновидности большевизма как политического явления, его неспособности видеть неестественность такого типа интеграции народов, неестественность исключения огромной страны из общецивилизованного процесса, нарушения в этой части земного шара всеобщей связи и взаимодействия человечества как системного образования.

И все же “внизу” политика не представляется отчетливой и правильной, по крайней мере, в обыденном представлении. Президент страны, парламентарии — это политики, явно политические деятели, а представитель местной власти — это функционер, исполнитель высших политических решений. Он не учитывает всеобщую связь и взаимодействие, так как объекты его воздействия внешне аполитичны, играют конкретную экономическую, социальную или духовную роль.

Вообще, следует исходить из основного критерия политики — общественно гарантированного самочувствия человека, выраженного в правовых нормах страны. Поэтому политическая акция — это не уровень решений, не уровень явлений или объектов, на которые они направлены, а сам человек (много людей), взятый в определенном, политическом, срезе, в том состоянии, когда отношение к нему (к ним)

становится показателем сущности общества, в котором он (они) живет. И поэтому не прав был В. Ленин, когда говорил, что политика — там, где миллионы людей. На наш взгляд, политика там, где есть человек, и только в нем заложены всеобщая связь и взаимодействие как политические явления.

Вспомним, сколько громких политических процессов, связанных с отдельными личностями, знает мировая история и как эти процессы потрясли основы стабильности в обществе. Но не только выдающиеся личности демонстрируют своей судьбой всеобщую связь и взаимодействие. А сколько их безымянных, сколько трагичных, но не обративших на себя внимание общественности, судеб, делавших историю не менее эффективно! Разве их фигуры не политичны? Разве солдат, погибший на поле боя, не политическая фигура? Разве всеобщее возмущение репрессированных противников реакционных режимов не стало звеном в цепи всеобщей демократической связи народов в их борьбе за достойное существование? Таких “разве” — множество, и все они свидетельствуют о том, что политическое посягательство на личность может быть в любой ситуации, а если сама ситуация и это посягательство хоть в какой-то мере фокусируют общественные отношения, свойственные тому или иному обществу, она становится политической.

Отсюда задача всех политических акций и актов — максимально вобрать в себя знания этих ситуаций и форм посягательства на личность и сделать все зависящее от политики и политиков, чтобы политический суверенитет личности был надежно защищен.

В национальном измерении общая связь и взаимодействие в политике имеют такие глубинные основания, которые позволяют “делать политику” в любом национальном образовании с помощью расчета и учета национальных политических интересов как внутри страны, так и в международных (межгосударственных) отношениях. Общая связь в политике на уровне взаимодействия внутри страны определяется всеобщностью политики, которая возникает на основе существования системного интереса (интересов). В локальном виде политического интереса не существует, поскольку его (интереса) выход на политический уровень и есть свидетельство его системного состояния, системного содержания, что с неизбежностью вводит его в поле политического, системного, межэлементного взаимодействия. Такое взаимодействие существует не как действие, которое ассоциируется с деятельностью, в данном случае политической, а как форма активной связи, как объективный “обмен веществ”, информационный политический поток, органически

объединяющий все элементы социальной системы в единое образование.

В Украине общая связь и взаимодействие в политике также проявляются на таком фундаментальном основании. Этот фундамент представляется как определенный ограничитель политики, политической деятельности, как духовное и государственное начало. Духовное начало — это украинская национальная идея, в рамках которой протекают основные политические процессы, причем и в политическом плане национальная идея выступает в качестве объективного основания общей политической связи и взаимодействия ее элементов. Национальная идея в политическом контексте — это ориентир целевых интересов украинства, как этнического, так и политического. Она — гарантия суверенности нации, национальный и общецивилизационный потенциал саморазвития украинства, духовное основание его оригинального вхождения в мировое социальное пространство. Поэтому общая связь и взаимодействие элементов украинской политики могут быть достаточно органичными для Украины лишь в том случае, если политический корпус страны построит на национальной идее методологическое основание политической деятельности, организует эту деятельность и даже политическую борьбу в собственных рядах с постоянным, принципиальным ориентиром на реализацию ее духовного и политического потенциала. Следует исходить из того, что национальная идея и как политическое явление — это не идеологический штамп и тем более не идеологический пресс. Речь идет именно в политическом плане о фундаментальном гаранте согласования и даже гармонизации различных социальных интересов, которые могут состояться только на ее основе. В этом смысле политика может дать рассчитанный эффект только как национальная политика, с помощью которой украинский социум самоорганизуется в определенное социальное образование, внутренние противоречия развития которого даже в острой форме означают наличие обычного источника развития, если, конечно, эти противоречия воспроизводят объективный процесс роста национализации нации. Для украинства термин “национализация” означает необходимость реализации национальной идеи всеми гражданами страны, к какой этнической общности они бы не принадлежали. Более того, национализация украинства как политической нации — основной процесс, который создает необходимую энергию для его существования как системы отношений, в которой есть общая связь и взаимодействие таких социальных

элементов как свойства общеукраинского характера. Политика здесь выступает как источник и результат такой связи и взаимодействия.

Поэтому следует признать, что общегражданский правовой документ — Конституция Украины, — может оказывать непосредственное регулирующее воздействие на жизнь украинского общества только как общесвязующая и взаимодействующая система норм, в которой присутствует национальная идея в качестве духовно-упорядочивающего, управленческого воздействия общей связи и взаимодействия на основные опоры собственного существования и развития украинства как политической нации. Иначе в многонациональном государстве не может быть достаточно эффективным даже на местном уровне ни один конституционно обеспеченный правовой акт, как бы внешне автономно он не выглядел. Конституция Украины в таком методологическом контексте является политико-правовым выражением общей связи и взаимодействия всех членов украинского гражданского общества, а политика в этом контексте является их цементирующим материалом.

Не менее убедительно общая связь и взаимодействие в политике обнаруживают себя в партийной организации украинского общества.

Многопартийность в этом смысле только тогда и возможна, когда она существует как политическое отражение общей связи и взаимодействия в политике.

Общая связь с партийной организацией украинского общества внешне объективирована определенным уровнем его политического развития, политической культуры, социально-экономическим и духовным состоянием нации. В программной заданности партийной деятельности эта связь находит свое воспроизведение. Выйти за рамки своей заданности не может ни одна партия, хотя их программы и относятся иногда к различным не только политическим, но и социальным системам. Но поскольку носители этих систем (сознательные или стихийные) существуют в украинском обществе, следует считать такую системную разнополярность объективной, а слияние этого объективного именно через политическую деятельность представляется как путь развития украинского демократизма.

Вместе с тем носители “вчерашней” системы также не могут выйти за рамки общей связи, даже политической, поскольку единое государственное пространство нуждается в определенной мере стабильности, нарушение которой именно системно наказуемо. Поэтому постепенное,

эволюционное снятие межсистемной противоречивости развития украинского общества, в первую очередь политическими средствами, эффективность которых питается социально-экономическим и духовным развитием нации, представляется наиболее приемлемым путем для развития политики Украины.

Сложнее выглядит взаимодействие в партийной организации украинского общества. Общая связь в политике имеет различные формы. Высшая из них — взаимодействие, энергетически наиболее мощное. В Украине это взаимодействие представлено на едином, государственно-суверенном фундаменте, но с разнообразными подходами к развитию украинского общества. Наиболее сложным является взаимодействие между правым и левым крыльями партийного организма Украины, поскольку именно в этом разделении принципиально отражаются основные настроения народа, настроения, вызванные трудностями становления в Украине новой формации, которая, как и любая новая формация, на первых порах воспринимается значительным количеством населения отрицательно, в частности это касается материальной поляризации уровня жизни различных слоев общества, кризисных явлений в экономике и культуре. Поэтому неустойчивость, неровность развития страны в переходный период порождает особый тип партийного взаимодействия, которое, однако, существует в рамках унитарного суверенного украинского общества, выход за пределы которого не может состояться, по крайней мере, в радикальной форме. Более реальным представляется партийное взаимодействие в рамках объективно обусловленного движения Украины к высотам современной цивилизации путем укрепления собственной самостоятельности, повышения уровня своего развития до достигнутого мировым капитализмом. В таком контексте партийное деление на левых и правых со временем исчезнет в результате включения левого партийного движения в общедемократическое развитие социализированного капитализма в Украине.

В государственном же механизме партийное взаимодействие юридически организовано на четко сориентированном начале, зафиксированном в Конституции Украины. Различие взглядов и настроений левого и правого толка здесь практически исключается, поскольку любой государственный орган, государственный элемент обязан действовать и взаимодействовать в рамках конституционно обязательно правового поля страны, на принципах демократической, правовой, социальной государственности, в которой заложен высший смысл

современного украинского национально-освободительного движения, самоутверждения украинства как великой нации.

Таким образом, общая связь и взаимодействие в политике на национальном уровне является свойством самоорганизации нации, и чем они более всесторонни и прочны, тем выше уровень развития нации, которая политически самоуправляется, руководствуясь собственными и общечеловеческими фундаментальными ценностями.

2.2. Идея политического развития

Как известно, всеобщая связь и взаимодействие предметов и явлений порождают развитие, в результате которого они приобретают новое качество на основе необратимости, определенной направленности, закономерности. Для политического процесса особую важность представляет поступательность развития, появление нового качества не просто как иного, а как прогрессивно нового, поскольку развитие может быть и регрессивным, но при этом в общеполитическом смысле необходимым для нормального функционирования объекта. Понятно, что восходящая (прогрессивная) и нисходящая (регрессивная) линии в развитии — это две его стороны (при преимущественном положении первой), разворачивающиеся во времени, которое помогает установить их направленность и необратимость. Причем необратимость и направленность выступают как основное свойство самого времени, на чем и построен принцип историзма в познании.

Политическое развитие имеет две стороны: развитие политических отношений, их усложнение, вхождение в их структуру все новых и новых интересов, имеющих политическое содержание, и развитие собственно политической деятельности, ее организационных форм, системы демократии, в первую очередь институтов политической системы.

Первая сторона — это, по сути, история политических отношений, процесс их самовоспроизводства, в основе которого лежат факторы социально-экономического и духовного порядка, порождающие постоянное изменение и наращивание интересов. Для правильного понимания этих отношений в науке сформулированы принципы взаимозависимости экономики и политики, политики и духовной жизни. Механизмы политической организации здесь накладываются на принцип постоянного гибкого и оперативного реагирования на изменения в характере указанных взаимозависимостей, причем эти изменения происходят как проявление объективного развития. Экономическое и

духовное усложнение интересов прямо отражается в политических отношениях. Они, по сути, являются основным глубинным фактором общего развития политики, в определенной степени опосредованным в силу относительной самостоятельности политических отношений. Поэтому установление в каждом конкретном случае степени воздействия этого фактора на уровень политических отношений — основное условие саморазвития последних. Конечно, речь может идти только о тех экономических и духовных интересах, которые по содержанию могут квалифицироваться как политические и быть источниками развития политических отношений, приобретающих новое прогрессивное качество.

В этой связи политическое развитие может состояться только в том случае, если напряженность через политику станет необратимой, хотя необратимость может иметь собственные ступени развития. Эти ступени развития могут воспроизводить обе стороны развития — и восходящую, и нисходящую его линии, хотя последняя служит своеобразным резервуаром, преимущественно количественного характера, для последующего перехода в восходящее состояние. Следует заметить, что именно в политических отношениях эти две линии развития необязательны. Более того, с помощью политических решений нисходящее развитие объекта может быть приостановлено или переведено в состояние количественного накопления будущего нового прогрессивного качества.

С помощью политики происходит также воздействие на политические отношения и во времени: возможно предоставление более широких временных возможностей восходящей линии развития путем постоянного содействия переводу количественных элементов нисходящего развития в структуру восходящего. Возможности самих политических отношений здесь весьма ограничены, так как существует опасность их отрыва от реальных экономических или духовных интересов, что приводит, как правило, к трагическим последствиям для общества. Поэтому направленность политических отношений — основной показатель их органической связи с интересами объектов, которые они выражают.

Вторая сторона политического развития как идеи заключена в потенциале политической организации общества и основном виде ее субъективного воспроизведения — политической деятельности.

При внешней простоте формулы “политическая деятельность тем совершеннее, чем органичнее ее активное вторжение в политические отношения и предоставление возможно большего простора для их воздействия на различные объекты” в реальной политической жизни такое “вторжение” намного сложнее.

Речь идет о том, насколько автономна сама политическая деятельность, а отсюда и источники ее саморазвития. Наибольшим потенциалом при анализе этой автономности обычно наделяется субъективный фактор политической деятельности, тот уровень культуры, компетентности, профессионализма, который, по общему убеждению, предопределяет ее эффективность.

Но именно в идее политического развития заложен несколько иной подход к политической деятельности, к возможностям ее саморазвития. При всей правильности научных представлений о политической деятельности как о потенциале ее автономности здесь явно не хватает такого элемента развития политической деятельности, как самоорганизация. Этот элемент накладывается на механизмы самоорганизации общества, причем не только на его основные организационные опоры, но и на те, которые вызваны к жизни определенными привходящими обстоятельствами.

Потенциал самоорганизации политической деятельности для ее развития обладает основной энергией, которой может питаться и субъект политической деятельности, его культура, компетентность и профессионализм. Более того, уровень этих качеств тем выше, чем больше он содержит знания об этом потенциале, который, в свою очередь, должен располагать как можно большими возможностями для их “потребления”.

Изложенные две стороны политической деятельности, их взаимодействие и взаимовлияние и есть основной источник саморазвития политической деятельности. Ее восходящее или нисходящее развитие как самовоспроизводящейся системы зависит именно от этого фактора (конечно, на основе всеобъемлющего учета экономических и духовных интересов общества). Причем это положение касается как внутригосударственного развития политической деятельности, так и ее международных аспектов.

Идея политического развития включает в себя также философское знание о глобальном политическом явлении — политическом прогрессе, который исторически лежит в основе политической цивилизации. Политическая история человечества, в конечном счете, заключается в сущности политического прогресса и его основного следствия — политической цивилизации.

Даже в краткой характеристике политического развития как политического прогресса можно увидеть постоянное возвышение человечества ко все более полному и надежному набору политических норм,

регулирующих политические отношения. Международное право, международные политические институты, система многосторонних и двусторонних политических договоров — практическое подтверждение уровня современного политического прогресса, его цивилизованности. И чем устойчивее и надежнее эти нормы, институты и договорные отношения, тем выше уровень политической цивилизованности мира. Развитие здесь происходит в постоянно воспроизводящемся процессе приведения в соответствие международного права, системы институций и договорных начал с объективными потребностями мирового политического развития, со стремлением народов сделать политику решающим средством регуляции международных отношений.

И снова глобальность явления — идея развития на международном уровне — представляется более зримо, чем ее внутригосударственный, а тем более внутридеятельностный вариант. Внедрение идеи развития во внутригосударственные политические отношения, в их деятельностное начало — задача настолько сложная, что научная мысль ее практически не касается, по крайней мере, эмпирические данные о политическом развитии не освящаются философским содержанием.

В Украине сегодня налицо резкий взлет политической цивилизованности уже хотя бы потому, что создается независимое, правовое государство, в котором должен быть гарантирован политический суверенитет личности. По сравнению с тоталитарным режимом — это новая историческая эпоха, принципиально иная политическая формация. В таком явлении идея развития находит свое наиболее полное внутригосударственное политическое подтверждение, что и следует теоретически осмысливать, привлекая идею развития в качестве методологического обоснования объективности, необходимости и неизбежности политического самоутверждения украинского народа.

Но идея политического развития и на внутригосударственном уровне просматривается достаточно прозрачно, если в видении исследователя присутствует достаточное философско-политологическое содержание.

Наиболее сложным представляется выход с идеей политического развития на конкретную деятельность, на процесс политической организации, на принятие политических решений, их реализацию. Здесь идея политического развития должна быть профессионально вмонтирована в политическую технологию, должна стать ее энергетическим началом. Отсюда и начинается процесс создания необходимых политических температур, которые позволяют достаточно эффективно проявлять себя в

идее развития на международном и внутригосударственном уровнях. Поэтому профессионально компетентное видение политиком прошлого, настоящего и будущего политического объекта, его потенциала является необходимым условием работоспособности идеи политического развития.

В политической практике как деятельности идея развития входит не только в методологию, но и в конкретную ее организацию. Рассчитать возможности политического акта, среду, в которой он проявит себя наиболее эффективно, вовремя отказаться от услуг бесперспективной политики и политика означает создание необходимого простора для самореализации идеи развития. В таком случае на политическое развитие не влияют ни экономика, ни культура, ни социальные факторы, оно выступает как система, имеющая собственные источники, о существовании которых свидетельствует значительный политический материал, изучаемый как автономное, организационно независимое образование, потребности саморазвития которого вызвали к жизни политологическое знание, политологию как науку.

Следует подчеркнуть, что идея политического развития применительно к политическим деятелям имеет одну особенность. Она заключается в том, что по отношению к конкретному носителю политических функций необходим подход, который исключал бы саму возможность использования этой идеи для расчета настоящего или будущего такого носителя. Проще говоря, упование на развитие конкретного политика, если это упование связано с принципиальными недостатками в его деятельности, не представляется целесообразным в силу особой ответственности, связанной с “политическим производством”, “продукция” которого всегда имеет судьбоносное содержание. Поэтому метод проб и ошибок здесь недопустим, что вызывает необходимость создания “производственных” механизмов, достаточная эффективность которых зависела бы от потенциала их развития, от способности к саморазвитию, от оперативности реагирования на появление в системе политической деятельности политиков, не адекватных такой системе, а тем более не способных “питать” ее развитие. Издержки, которые несет общество в таком случае, настолько несоизмеримы с издержками, которые оно несет даже при самом радикальном “решении вопроса”, что ставить их, даже с большой натяжкой, на одну шкалу политических ценностей просто не допустимо. Если, например, политический деятель, допустим глава местной администрации, своей консервативной политикой довел территорию, им управляемую, до

уровня, скажем мягко, ниже среднего по стране, то его личное преследование нельзя выразить практически ни в какой правовой норме, поскольку возмещение “убытков” на личностном уровне в такой ситуации невозможно. Если же речь идет о догматизме, консервативности, а тем более реакционности на более высоких политических уровнях, то ответ совершенно очевиден.

Поэтому идея политического развития может быть достаточно эффективной в персонифицированном виде только в том случае, если она попадает в “наукоемкое политическое производство”.

По отношению к Украине идея политического развития имеет особое значение, и прежде всего как идея.

Речь идет о том, что украинство как национальный социум выходит на столбовую дорогу мировой цивилизации через идею политической организации новой социальной системы, новых общественных отношений. Превращение национальной идеи в руководство к действию для миллионов граждан Украины должно состояться в русле общей ее политизации как наиболее надежного пути национального возрождения. Подключение политики в данном случае — это не политический пресс и тем более не политическое насилие, а расчет средств политического характера, содействующих формированию надлежащих политических пространств для максимально возможного “вторжения” национальной идеи в жизнедеятельность общества.

На основе национальной идеи как фундаментального основания политического развития Украины происходит (и должно объективно происходить) развитие политических отношений и политической деятельности. И то и другое — известная самодостаточность, которая, однако, в качестве собственного источника развития имеет указанную двусторонность, взаимосвязь и взаимодействие этих двух составляющих. В Украине этот источник недостаточно развит для того, чтобы *политическая деятельность* была адекватной *политическим отношениям*. Вторые явно более зрелы и упорядочены, чем первая, что является следствием молодости современного украинского демократизма, который все более адекватизируется на основе глубинного влияния собственного объекта деятельности. Но особая миссия политической деятельности в Украине как ведущего фактора национальной самоорганизации вызывает необходимость особого типа адекватности, когда она может состояться только в опережающем политические отношения состоянии; последние признают в ней лидирующее начало в этой самоорганизации, от которого зависит не только поли-

тическое, но и социально-экономическое развитие страны. Противоречие развития заключается в данном случае в том, что вместо демократического стремления к ослаблению лидерского начала в политическом управлении обществом украинство стремится осуществлять его через исторически необходимое укрепление. Другими словами, то, что в диалектике называется нисходящей линией развития, приобретает энергию восхождения в связи с особым этапом развития украинского демократизма. Политика приобретает характер основного организационного источника развития, несмотря на то, что исторически она должна ослаблять свои усилия, по крайней мере как непосредственное организующее начало, непосредственная управленческая сила.

Необратимость политического эффекта в таком контексте является конкретным выражением универсальности политического развития Украины, которая сумела так самоорганизоваться, что практически социально бесконфликтно включила в собственный политический организм обе стороны диалектического развития — восходящую и нисходящую, превратив последнюю в отмеченный выше фактор политического и социального укрепления украинства как единого целого. Постепенное, эволюционное “переделывание” социалистического сознания и социалистической практики в социализированные капиталистические и есть превращение нисходящего в восходящее. Причем, делается это с помощью политики при ее решающем воздействии и на социалистическое сознание, и на социалистическую практику, тем более что они не работают на историческое время, необходимое для утверждения в Украине новой социальной системы. Социалистическое сознание вообще против такого исторического движения, а социалистическая практика направлена на то, чтобы обойти это время, “перегнать историю” и выйти на уровень высокоразвитых стран как можно скорее под влиянием социального нетерпения и политического давления социалистического сознания. Значительный процент голосов за левые силы в предвыборных компаниях последнего времени — тому доказательство.

Политическое развитие как идея достаточно убедительно проявляет себя в Украине в одной из форм современной самоорганизации украинства — политической деятельности. Политическая деятельность как развитие — основное условие и инструмент политического развития, посредством которых такое развитие воплощается на практике. Кроме того, именно в политической деятельности, в особенности в ее профессиональной форме, проявляется уровень политического развития общества, его отдельных подструктур (структур). Принципиально,

политическая деятельность обнаруживает политическую энергию развития общества, определяет характер несовместимости или совместимости интересов, вышедших на уровень политических, их возможность быть источником развития. Поэтому политическое развитие как идея в политической деятельности украинских политиков настолько автономно, насколько политика может быть автономной в условиях ее решающего положения в переходном от социализма к капитализму обществе. Субъективный фактор здесь — это соревнование идей и проектов, выявляющее наиболее целесообразное направление развития Украины как смешанной социальной системы. Идея политического развития здесь явно не совпадает с основными факторами развития, поскольку они не ослабляют, а усиливают ее роль в обществе, что она, идея политического развития, “не воспринимает” как объективированное явление.

Политический прогресс в означенном контексте исторически деформирован, он не отражает естественного “хода событий”, а воспроизводит их, выводит украинское политическое развитие в русло мирового политического развития. Политический прогресс в украинских условиях имеет собственную организационную функцию, является не следствием и даже не характеристикой политической самоорганизации общества, а в известном смысле самодовлеющей силой, которая “требует к себе уважения” как объективная потребность, удовлетворяемая в довольно пестром наборе форм, который далеко не всегда, по крайней мере полностью, отвечает этим потребностям. Неровность политического развития Украины, постоянно изменяющиеся политическая жизнь и соотношение “левых” и “правых”, желание одних скорей избавиться от социалистического прошлого и стремление других удержать или вернуть его — лишь часть характеристики политической жизни современного украинского общества. То, что первые — это двигатели политического прогресса, а вторые — его сдерживающее начало, разночтений не вызывает. Хотя это более сложное явление, чем просто деление на “левых” и “правых”. Сам по себе тезис о неизбежности нового социального прогресса ускорения не приносит, поскольку его восприятие происходит на индивидуальном уровне в определенных временных рамках, не совпадающих с результатами прогрессивного развития (по крайней мере) в историческом контексте, и поэтому он должен ежедневно подкрепляться реальным прогрессивным движением, настолько видимым, ощутимым, чтобы такое успокоение наступило. В Украине именно такое движение происходит. И не потому только, что речь идет о ее потенциале, естественные пласты которого практически не были

затронуты в советское и досоветское время, но и потому, что движение в сторону более совершенной социальной системы на основе наконец обретенной свободы является основным катализатором современного национального прогресса украинства как этнической и политической нации.

И наконец, идея политического развития на индивидуальном уровне имеет для Украины также особое значение. Речь идет об исторической миссии организаторов новой социальной системы, в частности депутатов Верховной Рады, создающих фундаментальные правовые основания управления страной, то правовое поле, в пределах которого осуществляется судьбоносный для украинского прогресса вид деятельности — предпринимательство, обеспечение успеха которого означает успех того движения, в котором Украина обретет свое истинное лицо великой страны. Поэтому идея политического развития на индивидуальном уровне, в данном случае на уровне индивидуальности украинского политика, может найти для себя достаточный простор только в том случае, если его личностное движение будет находиться в фарватере отмеченной исторической особенности украинского прогресса, с обязательным соблюдением правила — не брать в ущерб собственной деятельности время на саморазвитие, поскольку именно в украинских условиях это означает брать время у общества, которое не может себе позволить такую роскошь. А это значит, что политическое развитие украинского политика даже в полигонном варианте невозможно. Оно должно быть предварительно обеспечено соответствующим профессионализмом, исключающим метод проб и ошибок, который в переходном состоянии общества приводит, как правило, к трагическим последствиям.

2.3. Принцип историзма в политике

В истории существует внутренняя связь процессов, явлений, факторов. На этой основе можно объективно определить относительную целостность, завершенность этапа в развитии общества и установить его потенциал как основание для будущего. Главное же — то, что входит в принцип историзма как его структурные подразделения — заключается в следующем: это возможность с помощью этого принципа установить закономерность исторического процесса через анализ свойственных ему общих и этапных противоречий; это необратимость направленного исторического развития, которое постоянно рождает

новое качество и высшее из них — новую социальную систему; это непрекращающаяся прогрессивность исторического движения, выражающаяся в переходе от низших форм социальной организации к более высоким; и, наконец, это противоречивость общественного движения, его развитие через преодоление и воспроизводство противоречий. Такая структура принципа историзма дает возможность представить исторический процесс как системное самодвижение, элементами которого являются прошлое, настоящее и будущее, причем каждый из них имеет свое место в причинно-следственном ряду истории.

Для политики поэтому крайне важно учитывать диалектику явления или факта, их внутреннюю логику, что позволяет увидеть начало процесса, условия его возникновения и возможный потенциал развития. А поэтому необходимо правильно оценивать прошлое, его влияние на настоящее, не догматизируя как самое прошлое, так и его влияние на настоящее, поскольку прошлое — это не “застывшее настоящее”, а живой элемент социально-системного самодвижения, который временно очерчен, но диалектически “дышащий” в затылок настоящего. Увидеть это прошлое как настоящее, в живом развитии, значит диалектически связать его с настоящим и будущим, сделать “работающим” элементом системы, именуемой *историческим развитием*.

Хрестоматийным стало утверждение о принципиальном влиянии эпохи Богдана Хмельницкого на историю Украины, или о решающем воздействии на сегодняшний процесс становления реальной независимости Украины истории национально-освободительного движения украинского народа. В этой хрестоматийности — показатель связи времен, их органического единства, хотя конкретная историческая действительность внешне к ним отношения не имеет. Отсюда, кстати, и возник тезис об исторической ответственности не только политических лидеров, но и народов. И поэтому, в частности, так важна проблема исторического выбора ими того пути, который не только удовлетворяет их, но и послужит социальному прогрессу, т. е. оставит грядущему достаточно мощные основания для настоящего и будущего новых поколений.

К сожалению, понятие исторической ответственности не очень беспокоит политиков, “задавленных” сиюминутными острейшими социальными проблемами, от которых непосредственно зависит их рейтинг. Исторический политический эгоизм здесь вполне оправдан, но для того чтобы он решающим образом не влиял на историю отрицательно, необходимо вооружить политика таким методологическим инструмента-

рием, с помощью которого он становился бы социальным альтруистом, объективно содействующим прогрессу человечества, а значит, и служащим не только настоящему, но и будущему. Научно достоверный методологический инструментарий даст возможность политику опираться на то историческое прошлое, которое служит настоящему, является его объективным основанием, объективным предшественником. Такой предшественник в политике — вся история человечества, различные этапы и “регионы” которой могут находиться ближе или дальше от конкретного политического действия. И чем методологически мудрее политик, тем меньше в его подходах этого “дальше” и больше “ближе” и тем эффективнее он использует внутреннюю историческую связь процессов, явлений, фактов. Причем в этой связи главное не “подбирать” под собственный интерес состоявшееся в истории, а независимо устанавливать жесткие, в основном объективные, причинно-следственные связи, что дает возможность устанавливать главное в историческом “материале” — закономерность, чем собственно для политика и “хороша” история.

При анализе общих и этапных противоречий, составляющих ядро закономерности, следует методологически накладывать, “применять” их на реальную политическую действительность, в которой они должны воспроизвестись, хотя и в ином историческом “одеянии”. Если общие противоречия проявились, они лишь свидетельство собственной исторической объективности. Если же воспроизвелись исторически этапные противоречия, — они уже не этапны, их можно вводить в методологию политики как общие, потому что такая повторяемость — не “возврат на круги своя”, а историческая закономерность, которая “ближе” или “дальше” находится от конкретного исторического процесса, явления, факта. Эта закономерность может быть воспринята не только политиками, но и учеными как нечто этапное, не имеющее аналогов ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем.

В этом, кстати, может проявиться и необратимость исторического процесса, его направленность, магистральная линия развития, которая устанавливается не просто объективной причинно-следственной зависимостью (таких зависимостей может быть много), а именно теми из них, которые порождают новое, прогрессивное качество. Поэтому в политике как сигнал прошлого используются только такого типа зависимости, поскольку любые другие могут быть “подобранным аналогом”, что чрезвычайно опасно при выработке политических решений. В этой

зависимости необходимо обнаружить противоречия, повторяющиеся по типу, и обязательно установить, существует ли потенциальная способность зависимости к воспроизводству. Именно на их движении исторически возникает новое социальное качество как результат системного самодвижения.

В конкретной политической деятельности принцип историзма используется преимущественно в виде исторического урока или исторических аналогий. Причем историческое в общественном и индивидуальном сознании настолько крупно, масштабно, что прямое перенесение его на конкретную политическую акцию, тем более “местного масштаба”, не практикуется. Но общая связь и взаимодействие в политике настолько органично сплетены во времени, что пространственные факторы подчас теряют свое значение для установления исторической закономерности, а иногда и повторяемости. Известно, что весьма сходные политические явления и даже события обнаруживаются в различных регионах планеты, в политических ситуациях, внешне не имеющих под собой исторически родственных оснований. Например, политические режимы определенного типа действуют сходными методами и зачастую одинаково организованы в различных государствах и на довольно длительном историческом расстоянии. Политические диктатуры, разного толка деспотии, демократические политические устройства, характерные для сегодняшнего мира, в политической истории давно известны, хотя социальные силы, их создавшие, не стремились подражать, а иногда и просто не знали о своих исторических предшественниках.

Но кроме крупных исторических политических полотен, которые использует “большая политика”, в конкретной политической деятельности есть и “малые полотна”, которые служат почти непосредственным историко-эмпирическим материалом для политической деятельности. Таким материалом может быть политический предшественник, история его деятельности, вообще политические деятели режима, в котором они функционировали, их деятельность как состоявшееся в истории данного режима или режимов, недавний опыт которых может быть использован в сегодняшней деятельности политика, сходные политические ситуации, имевшие место в разных странах, и т. д. Принцип историзма проявляет себя в виде связи сущности и содержания установленного политического явления с тем, которое находится в состоянии, не поддающемся такому установлению. Поэтому политический барометр может показать только ориентиры возможного, но

отнюдь не состоявшегося, и пользоваться им можно только как историческим ключом к познанию происходящего, но отнюдь не установленным решением вопроса. Поэтому и бытует такое мнение, что исторические параллели на всех уровнях организации политической деятельности весьма опасны, тем более что политическая история как опыт не всегда поучительна, хотя любое ее историческое состояние достойно внимания политика.

Принцип историзма в политике, наконец, требует постоянного осмысления собственной деятельности как политическими институтами, так и политическими деятелями. Как известно, для изучения истории КПСС были созданы институты, в которых теоретически осмысливалась политика, и результаты этого осмысления иногда использовались в конкретной политической деятельности. Современная гражданская политическая история также может выступать в таком качестве, причем как отдаленная во времени, так и собственно вчерашняя, если факт, событие, явление достаточно полно себя проявили и в таком виде могут быть учтены в политической деятельности. При этом историческим следует считать факт, событие или явление, имеющее определенную сущностную законченность, а его продолжение выступает уже в ином качестве.

В украинском “варианте” принцип историзма в политике особенно важен, поскольку трагизм украинства — это историческое явление, возникшее в результате известных исторических обстоятельств, наиболее существенными из которых для Украины были последние 350 лет колониального состояния в составе Российской и Советской империй. Поэтому без учета в политике этого факта невозможно организовывать сегодня в Украине современную социальную систему, тот социализированный капитализм, который приобретает в Украине национальный оттенок, постоянно имеющий место как реагирование украинской истории на состояние мировой цивилизации.

В этой связи следует заметить, что в украинской политике использование главного из принципов историзма — его структурности, основным элементом которой является указание на необходимость определения закономерности национального исторического процесса через анализ свойственных ему общих и этапных противоречий — представляется наиболее эффективным, поскольку речь идет об истории определенно-го социума, повторение которой невозможно в каком-либо ином социуме. Украинская история — единственная и самодостаточная информация, осмысление и использование которой в политике, в управлении

является гарантом их правильности. Какие бы общечеловеческие варианты не предлагались для гарантии такой правильности, они не могут быть достаточно истинными, поскольку украинское именно в политике, в управлении и есть общечеловеческое, т. е. то поле самоорганизации, которое имеет соответствующую только ему социальную энергию; именно ее расчет только и может дать желаемый эффект. Историческая информация здесь развивалась в рамках определенной заданности, и поэтому только она может дать необходимую энергию политике, управлению. Весь остальной информационный мир — это набор исторических явлений, выраженный в определенной исторической конкретике, которая воспроизводит бесконечность исторического разнообразия, национального в первую очередь.

Украина в этом разнообразии имеет свое историческое лицо и воспроизводит собственную, национальную историческую и общечеловеческую энергию как элемент исторического разнообразия. И в этом смысле Украина ничем не отличается от любой другой страны, любой другой нации. Но на этом историческое разнообразие и заканчивается, поскольку факт участия в историческом разнообразии сам по себе уникален, неповторим, что делает историю Украины исторической энергией только для нее. Более того, сама политика в Украине невозможна без опоры на это состояние. Например, глубинное историческое в украинском развитии (к сожалению, только в историческом времени) не воспринимает не органичные для ее истории идеологические доктрины, игнорирующие национальную историю, работающие “с чистого листа”, безразличные к ее собственной энергетике и поэтому навязанные при политическом ловком использовании не органической данности, а в виде ситуационного стечения привходящих обстоятельств, которое (в удачном для политических ловкачей наборе жизненных коллизий) по сути превращается с их помощью в идиотскую закономерность. Последнее — не эмоциональное определение, а точное воспроизведение некоего антиразума, спекулировавшего на краткости индивидуального существования человека, что срабатывало, как правило, против него, так как историческое на индивидуальном уровне не просматривается и поэтому преимущественно не работает как политический аргумент. Это качество исторического позволяет обращаться с ним только как с аналогией, а не с собственным источником развития, что для украинской политики (как и для любой другой национальной политики) имеет принципиальное значение. Поэтому постоянный историзм политического мышления украинских поли-

тиков входит не только в структуру их патриотизма, но и в структуру профессионализма, что должно стать постоянным фактором в политических отношениях любых политических течений или партий.

В этой связи уровень материального и культурного благосостояния украинского народа также входит в структуру украинского исторического процесса, поскольку различные его показатели влияли на национальное развитие, ускоряя или замедляя, но не останавливая самого национального развития. Политические спекуляции сегодняшних украинских левых на невысоком уровне материального и культурного благосостояния народа именно в историческом контексте необоснованы, поскольку этот уровень — результат не только колониального дооктябрьского прошлого Украины, но и ее советской истории, которая довела этим колониализмом украинство до анационального состояния, к счастью, не в форме глубинно-исторического самосожжения, а в конъюнктурной форме, успевшей сформироваться за исторически незначительный период собственной трагической истории. Глубинно-историческое взяло верх над конъюнктурно-историческим, что и лежит в основе гарантированного украинской историей движения великой нации к высотам современной цивилизации, в том числе и национальной.

Политическое использование принципа историзма в таком контексте есть не привлечение исторической информации к принятию политических, управленческих решений, а движение в заданном направлении с постоянным расчетом реальной энергии этого движения во времени и пространстве. История здесь не предмет интерпретации и даже не опора для конкретной политической деятельности, а глубинный регулятор современной украинской политической самоорганизации, что и позволяет находить в ней эволюционное, “вечное”, национальное начало без поправок на все исторически привходящее, в том числе и в особенности на российско-колониальное и советско-антинациональное, что, в известном смысле, одно и то же.

В этом контексте Украина исторически также ответственна за состояние мировой цивилизации, как и мировая цивилизация ответственна перед ней. Состояние мировой упорядоченности не может наступить без “выравнивания” истории, приведения ее в соответствие с законами истории, через которые должны пройти все страны как элементы единой социальной системы, именуемой человечеством, поскольку единственным, универсальным источником исторического развития являются человек как человечество и человечество как человек. Для Украины

это прохождение постоянно сопровождается трагическими катаклизмами, которые не просто “беспокоили” ее существование, но и задерживали ее развитие. И поэтому сегодняшняя историческая задача Украины состоит в таком прорыве в собственной истории, который украинский народ и мировая цивилизация ощутили бы в виде стремительного взлета одного из своих элементов в центре Европы. Вся история Украины — это накопление энергии для такого взлета именно потому, что в украинском трагизме происходило (объективно) постоянное накопление энергии, расход которой исторически сдерживался. Эта историческая нерастраченность — не примитивизм развития, а постоянное вынужденное сокрытие национальных сил, сопровождаемое спорадическими их всплесками в виде национально-освободительных восстаний или постоянной (часто победоносной) борьбой за признание украинского национального гения. Тарас Шевченко в этом смысле историческая фигура, тот ярчайший пример украинской интеллектуальной победоносности, которая духовно обеспечила окончательную победу украинского национального суверенитета, государственность великой нации.

Необратимость исторического в украинском элементе человечества в этом себя и проявляет: Украина входит в мировую цивилизацию объективно, и только целевая политика такого вхождения может рассчитывать на успех. Здесь не должно быть ни левых ни правых, поскольку речь идет о законе упорядоченности системы, всех ее элементов, а эта упорядоченность может состояться только в движении всех элементов человечества к единой цели — универсальному самоутверждению личности через различные большие и малые формы социальной организации человечества.

2.4. Причинность и объективная целесообразность в политике

Установление причины явления, факта или поступка — одно из основных требований к политике, политической деятельности. Как причина, так и ее следствие выступают в качестве “сырьевого” материала для принятия политических решений.

Как и в других явлениях, в политике причинность выступает в виде органической связи, порождающей иное качество, которое является результатом причинно-следственных зависимостей, хотя не все связи причинно обусловлены непосредственно: по отношению к одному след-

ствием это может быть функциональная зависимость, к другому — причинно-следственная. Однако в любом варианте причина выступает как внешнее или внутреннее по отношению к следствию, которое она породила, причем независимо от временных факторов проявления этой связи, необходимости или случайности ее возникновения.

Весьма важно для политика уйти от соблазна установить первопричину явления или факта, так как причинность — это непрерывность причинно-следственных связей, которые не имеют ни начала, ни конца, как не имеет их движущаяся материя. Это обстоятельство создает для политика особую, профессиональную трудность установления целесообразного ограничителя в определении причины и следствия, с учетом закона обратной связи, при неизменности временного направления самого процесса, что предопределяет появление особого механизма взаимодействия причины и следствия.

Поэтому необходимо отличать причину от условия возникновения явления, факта. Причина обязательно предполагает передачу какого-либо вида силовой потенции объекту воздействия, а условие создает сумму факторов, обстоятельств, содействующую такой передаче информации или энергии. Причем передача (перенос) информации или энергии может происходить различными способами, основными из которых являются динамичный и статистический (однозначный и вероятностный). Для политики вероятностный способ особенно ценен, поскольку в обществе такое явление как закон имеет вероятностное содержание и в способе проявления зависит от массы как закономерных, так и случайных обстоятельств, которые статистически подвергаются определенному осмыслению.

Кроме того, для политики существенно определение типов причины: а) как общей, главной, особенной, единичной, объективной, субъективной, непосредственной, опосредованной, простой, однофакторной (многофакторной), системной (несистемной), ближней, дальней, глубинной; б) по сферам отношений — экономической, социальной, политической, духовной (культурной) и т. п. Все эти типы причин входят в структуру философской и политической детерминации, которая опираясь на причинность, расширяя рамки ее воздействия на течение процесса вводит в анализ причинно-следственных зависимостей такие категории, как относительная или абсолютная необходимость, случайность и вероятность. На этих категориях основано развитие, в том числе общественное, так как следствие — не прямое воспроизведение причины, а некое новое ее порождение, как и сама причина, возникающая в рамках объективной целесообразности.

В политике и вообще в человеческой деятельности объективная целесообразность означает возможность целевого воздействия на мир и возникновение на этой основе причинных связей. Такое воздействие может быть эффективным только в случае его объективной целесообразности, не зависящей от воли и сознания человека.

Говоря о причинности в политике следует выделять в ее классификации не только классы причин, которые порождают то или иное политическое действие или решение (как форму действия), но и само политическое действие как фактор причинности с учетом автономности политических отношений и политической деятельности. Именно они могут выступать в качестве органической связи, порождающей новое качество. Политическая деятельность была бы бессмысленной, если бы она такое качество не порождала. Однако принципиально важным является недопущение превращения политики и политической деятельности, ее реализующей, в основную, детерминирующую причинно-следственную зависимость, по крайней мере, это должна быть внешняя связь, которая приводит к тому или иному следствию. Отличительной чертой внешнего характера этой связи является то, что она имеет временные рамки и ее проявление не зависит от необходимости или случайности. Речь может идти только о политическом расчете процесса, явления или факта, в котором заложен глубинный интерес объекта, “обслуживаемого” той или иной политикой. Внутренней причиной политика быть не должна, и в этом свидетельство ее здоровой органической связи с интересами, объектами, которые она обслуживает. Именно поэтому и в самой политике не следует искать первопричину явления, как не следует искать ее вообще в любых причинно-следственных зависимостях. Но по отношению к политике, к общепринятому взгляду на ее автономность это особенно важно, так как политику зачастую считают “первопричиной” социальных, в том числе политических, бед, хотя понятно, что такой взгляд весьма искаженно представляет истинное состояние причинно-следственных зависимостей в любом объекте, в том числе и в политических отношениях.

Обычно политика имеет дело с условиями, которые существуют как обстоятельственное пространство для проявления причинно-следственной зависимости. Правовые формы политического обеспечения пространственного поля причин — яркое тому свидетельство. Из этого следует, что законодатели должны не создавать законы, а выражать в государственных актах объективные потребности общества, различных

его слоев, личности. Причем даже высшие правовые нормы имеют вероятностный характер, иначе сама политическая деятельность потеряла бы смысл. Стоит только задаться вопросом, почему правовые нормы и даже самые жесткие политические режимы не являются абсолютными гарантами политической стабильности, а выступают в таком качестве только в определенном времени, как станет ясным, что историческая обреченность политического ограничения, политического регламента является закономерностью развития любой социальной системы. Поэтому политическое маневрирование с учетом исторически преходящего и вечного — объективная потребность политики.

На высшем, системном, уровне политическая причинность может проявить себя в виде революционного действия, которое разрешает накопившиеся противоречия в общественном развитии. Например, социалистическая революция в России в 1917 г. оказалась исторически неудачным действием потому, что социально-экономические причины, ее породившие, не были ликвидированы в ее строительной части. Именно то обстоятельство, что это строительство не вывело Россию — СССР на общецивилизованный путь развития, явилось объективной необходимостью, причиной поиска обществом иных путей приобщения к мировой цивилизации. Такие пути найдены: это рыночная экономика, национально независимое развитие, признание общечеловеческих ценностей, примат человека и т. д.

В непосредственной политической деятельности установление причин в решающей степени зависит от знания о том, политична ли причина, вызвавшая определенное следствие, или это такая причина, которая только впоследствии превращается в политическую. Профессионализм, компетентность политика здесь играют решающую роль. Установить во внешне неполитическом явлении, факте, событии возможные политические последствия или определить их реальное состояние как политическое — задача, решить которую не всегда могут высокопрофессиональные, многоопытные политики. Например, недооценка большевизмом огосударствления партии, пропаганда особого исторического пути рабочего класса, попытка отрыва социализма от общецивилизационного процесса и другие факторы погубили это политическое течение и его политическую партию.

В еще более непосредственном виде политической причиной может быть организационно-функциональное несоответствие политической деятельности базовым политическим отношениям или представляющим их структурам. Например, современный уровень социального

демократизма в Украине не терпит централизации политической власти и может стать фактором ее плюрализации, о чем свидетельствуют постоянные обсуждения деятельности централизованного корпуса президентских представителей на местах. Наиболее демократичное движение в Украине — Рух вынужден был сделать свое высшее руководство коллегиальным, дабы не ограничивать демократические устремления своих членов.

И наконец, в качестве примера причинности можно использовать многочисленные случаи политической недооценки самими политиками некоторых фактов, явлений, событий в собственной политической деятельности. Наиболее яркое тому свидетельство — деятельность М. Горбачева. В Украине подобную политическую незрелость проявили бывшие секретари бывшего ЦК КПУ В. Ивашко, С. Гуренко и др.

Политическая причинность порождает причину только тогда, когда отражает объективную политическую целесообразность. Объективная целесообразность в мире — это форма самоорганизации человечества, которое в своем объективном единстве руководствуется общечеловеческой заданностью как самоцелью развития. Индивидуальная цель здесь может реализоваться только в рамках этой заданности, как и политическая целесообразность. Политическое стремление нарушить эту заданность объективно обречено на провал. Агрессивные войны, политическое господство, нарушение прав народов и человека и прочее порождают причины, вызванные нарушением объективной целесообразности, которая рано или поздно восстанавливается через массу политических целей, и разнообразие политической воли. Типизация таких причин дает возможность их политического снятия и приведения конкретных политических целей в соответствие с общей политической целесообразностью. Индивидуальная политическая мудрость в том и состоит, чтобы находить в каждой данной политической ситуации те причинно-следственные связи, те механизмы, учет которых даст возможность добиться реализации политической цели в рамках общей политической целесообразности. Обычно такая методология приписывается только деятелям высшего политического эшелона, в то время как она необходима на всех уровнях политической организации общества, в деятельности политика любого ранга.

Причиной индивидуальных политических неудач может быть состояние политической системы, общества в целом, если, конечно, это состояние не учтено в деятельности политика. В то же время существует и обратная зависимость, которую не может не учитывать ни

один политический режим, ни одна политическая система, поскольку любая политическая деятельность имеет системный характер. Она — наиболее полное отражение общественных интересов, и поэтому уровень политика, его официальный статус в этом смысле принципиального значения не имеет.

Известно множество фактов, когда на первый взгляд незначительное политическое событие превращалось в крупное, иногда потрясающее политические основы общественной организации, выступая, по сути, в качестве повода для нарушения сложившейся или отжившей политической целесообразности. С политического убийства в Сараево началась Первая мировая война. Это была попытка нарушить сложившуюся политическую целесообразность, и переход человечества на общедемократические принципы социальной организации явился победоносным следствием отказа от отжившей политической целесообразности.

Менее крупные подобные явления происходят при смене политических лидеров, например И. Сталина, Н. Хрущева, Л. Брежнева, М. Горбачева и др.

Причинность как конструктивная связь для украинской политики имеет особое значение, поскольку сама украинская политика является следствием оригинального, именно причинного состояния факторов национального порядка, ее детерминирующих. Разумеется, что и в украинском варианте причинность избавлена от первопричинности, поскольку Украина — часть мировых материи и духа, не имеющих известных исторических границ. Это явление, существующее миллионы лет, в котором причинность имеет исторические указатели, что и делает причинность работающей диалектической категорией. Для Украины эти указатели имеют непосредственно политическое значение, поскольку ее современное состояние — прямое следствие приводящих причин, не имеющих внутреннего, корневого начала в отличие от обычной причинно-следственной социальной эволюции. Именно привнесенная особыми условиями развития Украины причинность и существует в украинской политике как источник ее оригинального политического развития. Работают в политическом плане не просто определенные факторы саморазвития системы в их “нормальном” воспроизведении, а причинность как набор известных национальных причин, на которых вынужден строить свою деятельность корпус украинских политиков. Отсюда следует, что украинская политическая история предопределяет влияние на политическую жизнь страны своим причинным, а не факторным, естественно-историческим движением. Это превращает саму политику в

следствие причин, в способ их учета и снятия (если причины отрицательные) и дальнейшего развития (если они положительные). Уход от причинного состояния политики для Украины сегодня — вопрос возвращения на круги свои, к факторам естественного движения украинства от низших форм жизни к высшим.

Постоянное непрофессиональное отношение к причинности как к политическому явлению, превращение причинности в определенную самодостаточность создает в современной украинской политике множество искусственных проблем, в том числе и принципиального характера. Даже межпартийная политическая борьба иногда выдается за причину социальных отрицательных явлений, в то время как наличие, например, коммунистического политического движения, хотя и в довольно слабых формах, — не причина, а следствие ряда факторов и главный из них — непоследовательное движение Украины от социализма к капитализму, а отсюда ностальгические настроения части населения, составляющей социальную базу коммунистической и социалистической партий. Характерно, что опросы, проведенные различными социологическими учреждениями как в Украине, так и в других постсоциалистических странах, показали, что даже эти люди не желают возврата к казарменному социализму, и для поддержания своей коммунистической идейности говорят о другом, “истинном”, социализме, о другом, “истинном”, коммунизме, к которому следует обратиться как к “спасению трудового народа” и т. п. Как известно, на официальном уровне об “истинном” социализме впервые в последние десять лет заговорил М. Горбачев, назвав его социализмом с человеческим лицом, демократическим социализмом. Сказано это было для того, чтобы убедить людей в том, что в СССР не было “истинного” социализма и поэтому он развалился. И в этом нельзя не согласиться с М. Горбачевым, поскольку социализм не внедряется в общественную жизнь как доктрина, а вызревает в процессе развития цивилизации. Об этом свидетельствует то, что развитые капиталистические страны наиболее близко подошли к “истинному” социализму, хотя сегодня мир еще не знает, каким может быть это “истинное” социалистическое общество не в доктринерском, а в реальном виде. Но то, что происходит в этих странах, тот уровень социального благополучия, которого они достигли, во многом соответствует общечеловеческим представлениям о собственном справедливом настоящем и будущем, о социальной организации, которая открывает максимум возможностей для самореализа-

ции личности. С марксизмом-ленинизмом эти представления и этот уровень имеют мало общего, что лишний раз свидетельствует об объективности движения цивилизации к высшим формам социальной жизни, которые сегодня еще не нашли своего достоверного научного прогноза.

Такой прогноз тем более труден, что уровни развития стран настолько различаются, что сегодня более убедительным представляется взгляд на это развитие сквозь призму местного, национального, и причинность как категорию философии политики следует рассматривать в “национальном” варианте, что сделает ее более работоспособной.

И действительно, Украина в общецивилизационном мировом потоке является страной, развитие которой шло во многом не через преодоление естественных противоречий, возникающих в ходе социально-экономической и духовной эволюции, а через преодоление очередных приводящих причин, которые появлялись в результате трагического для Украины стечения обстоятельств, не вызванных “поведением” ее народа. Поэтому постоянная борьба с причинами, изложенными выше, — закономерность развития Украины и постоянное стремление избавиться от них и войти в нормальное созидательное состояние — также можно квалифицировать как закономерность украинского развития.

Сегодня именно такое отношение к причинности со стороны политиков, государственных деятелей Украины должно стать нормой их деятельности, поскольку в конечном счете Украина должна преодолеть причинность как источник развития и войти в общецивилизационное созидательное русло, что и будет означать для нее конец колониального прошлого и утверждение своего равнозначного состояния в системе развитых стран мира.

В практической политике такой подход к причинности в Украине означает превращение категории причинности в инструмент принятия решений и оценку их как причинных или эволюционно-созидательных. Чем больше будет объективных возможностей для принятия вторых, тем более это будет свидетельствовать об ослаблении факторов принятия первых.

Конечно, при любом уровне развития страны причинность присутствует в политической жизни, политической деятельности. Но она не должна быть органикой движения, а может выступать только в качестве живого движения жизни, которое постоянно подбрасывает массу причин, вызывающих необходимость политического реагирования на них.

Но их снятие должно происходить на стабильном социально-экономическом и духовном фундаменте, возможно более развитом, который утвердился как результат соответствующих созидательных усилий общества, той мощной эволюции, которая только и может быть гарантом постоянного восходящего общецивилизационного развития народов*.

И только такое развитие является основанием для утверждения объективной целесообразности в политике, превращения ее в инструмент, с помощью которого эта целесообразность приобретает характер определенной адекватности движению нации, народа, страны, в данном случае Украины.

Эта адекватность в истории Украины выражена в национально-освободительном движении, а в современных условиях — в его продолжении в новых, созидательных формах по организации в Украине новой социальной системы. Поэтому объективная целесообразность в украинской политике — это приведение социума в соответствие с его потенциалом с помощью национального гения и мирового опыта через организационные, управленческие усилия корпуса украинских менеджеров. Объективная целесообразность здесь также выступает в форме борьбы с неорганической причинностью, за утверждение в Украине общецивилизационных факторов общественного развития, что предопределяет ее созидательную (прогрессивную) роль.

Украине необходимы последовательное доведение до конца национально-освободительного движения, полное освобождение от тоталитарного социалистического прошлого, расчет в первую очередь на внутреннее возможности страны, акцент на “украинскую миссию” с тем, чтобы в державе, наконец, утвердилась та высшая целесообразность, в которой она должна находиться.

2.5. Системность в политических отношениях и политической деятельности

Политические отношения и политическая деятельность как саморазвивающиеся объекты располагают корреляционными, пространственными и функциональными связями, составляющими такую конструкцию, как система. Система как целостность создает связь элементов,

---

* Предложенное определение роли причинности в украинской истории и политике, разумеется, касается определенного ряда причин, на которые указывалось в начале главы и которые доминируют в украинской политике.

дающую ей возможность выступать в качестве единого образования. Причем элемент системы — это первичная ее клетка, имеющая свои функции.

В политике важно знать степень сложности системы, насколько автономны ее элементы, могут ли они сами выступать в качестве системы или это элементы, самостоятельность которых питается другими элементами. Поэтому для анализа системы необходимо знание ее структуры и функций каждого из элементов, причем с учетом единовременности их существования. Это обстоятельство дает возможность элементам системы вступать друг с другом в коррелятивные связи, т. е. в связи, предопределяющие изменение всей системы в зависимости от изменения одного из ее элементов. В политике, да и в других явлениях, частными проявлениями корреляции выступают координация, субординация и функциональные связи. Но обязательным свойством системы при этом выступают ее соответствие самой себе, развитие в заданных параметрах на основе закона функционирования и развития структуры во времени и пространстве в определенном ритме. В этом смысле системность — это взаимное изменение элементов в данном состоянии, а причинность включает в себя прошлое как фактор возникновения настоящего.

Политические отношения в научном представлении, как и любые другие отношения, являются определенным отвлечением от реальных объектов, той абстракцией, которая дает возможность квалифицировать их как систему, имеющую нужные для такой квалификации параметры. Политическая деятельность непосредственно отражает и обслуживает эти отношения, вытекает из них, как из своего базового источника, и поэтому входит в систему политических отношений. Системные корреляционные отношения здесь присутствуют в виде функциональной и пространственной связи. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать политические отношения и политическую деятельность как системное образование. Это качество легко обнаружить, если проанализировать реагирование политических отношений и политической деятельности на реальные процессы во всех сферах общественной жизни. Это качество имеет автономный характер и может быть более или менее эффективным, что свидетельствует об этой автономности. Кроме того, автономность политических отношений и политической деятельности есть отражение их системности, и поэтому общественная практика постоянно связана с проблемами воздействия на нее. И политические отношения, и политическая деятельность находятся в элементной

взаимозависимости, весьма усложненной особенностями каждого из элементов. Речь идет о том, что политические отношения располагают большим объективным потенциалом, в то время как политическая деятельность более субъективирована. Поэтому их взаимная корреляция особенно нуждается в таком способе существования системы, как координация, субординация, функционализация. Приведение с их помощью системы в заданное состояние и есть показатель эффективности этих системных свойств.

В реальной политической практике такое приведение выступает в разнообразных формах, эффективность которых определяется соответствием системы самой себе и возможностями ее связи с другими системами.

Пространственные связи системы имеют внутренний и внешний аспекты. *Внутренний аспект* — это характер и механизмы взаимодействия ее элементов, в данном случае элементов в системе политических отношений и политической деятельности. *Внешний аспект* — это не только взаимосвязь с другими системами (экономической, духовной), но именно та взаимосвязь, которая необходима и достаточна для нормального (стабильного, динамичного) функционирования и развития системы политических отношений и политической деятельности.

Функциональные связи выражаются в каналах самоорганизации системы, причем и они имеют объективную сигнальную форму. Поэтому следует оценивать каждую данную функцию с точки зрения ее энергетического потенциала, возможностей реализовывать потенциал системы в строго определенных параметрах, достаточных для системы, нормального взаимодействия ее элементов и в то же время не перенапрягающих ее, не взрывающих изнутри, причем не только систему в целом, но и отдельные ее элементы.

В качестве примера можно привести любой исторически известный факт: культ личности в политике — это взрывное состояние элемента системы; тоталитарный режим — это взрывное состояние всей системы. Причем ссылка на то, что следует видеть такие элементы системы и сами системы в историческом контексте как объективное для определенного уровня развития общества состояние, тезиса не ослабляет, а усиливает. В любой социальной системе сложившееся состояние политических отношений и политической деятельности — не оправдание этого состояния, а только его объяснение. В нем (в состоянии) можно найти и такие характеристики, такие потенции, которые могли бы изменить если не саму систему, то, по крайней мере, характер ее внешнего

функционирования, о чем в истории постоянно напоминали политические (зачастую победоносные) массовые движения, изменявшие в результате своей борьбы именно характер внешнего функционирования системы, но отнюдь не ее структуру. Общечеловеческая борьба за демократию — прямое тому свидетельство, хотя и она не едина в своем историческом проявлении и может быть формой политической несвобо-ды.

И в современных политических режимах независимость политических отношений и политической деятельности явно налицо, причем она не только не ослабевает, а в некоторых странах даже усиливается, особенно если там происходят радикальные реформы (например, в бывших советских республиках).

Реальные системы существуют в политических отношениях на двух уровнях, хотя эти уровни скорее аналитические, поскольку любые политические отношения — суть системы, имеющей свою элементную иерархию. В нее входят как родовые сами политические отношения, в рамках которых функционируют политические институты (именуемые иногда политической системой общества), и политические деятели.

Родовая политическая системность — это противоречивое образование, возникающее как следствие этой противоречивости, социальной дисгармонии, которая собственно и порождает политические отношения. Это не часть общественных отношений, существующих наряду с экономическими, социальными или духовными отношениями, как принято считать в политологии, а это сами эти отношения, их состояние. Поэтому и объекты, которые входят в орбиту влияния политики, не выступают в чистом, “политическом”, виде, они всегда имеют собственное устройство, функционирующее на уровне политики. Политическая системность в таком контексте — это часть социальной системности, отражающая и обслуживающая ее. Но такое положение политической системности не означает отсутствия в ней необходимых собственных системных качеств, имеющих, однако, только автономный характер, хотя эта автономия иногда представляется в общественном сознании как нечто господствующее, решающее, тем более что общественная практика достаточно полно подтверждает именно такое ее реальное положение. Именно в таком качестве, как правило, политическая системность и изучается, хотя недостатка в заверениях о том, что политика — суть отражение экономики или духовной жизни общества, не ощущается.

В таком традиционном взгляде на политическую системность есть свои резоны, которыми следует пользоваться при изучении политической системности.

То, что политические отношения системны, следует утверждать с определенными оговорками. Эти оговорки связаны, в первую очередь, с необходимостью точного установления объективных гарантов политической системности, поскольку в истории предостаточно фактов, когда системами называли искусственно соединенные элементы, не имеющие единого источника питания. Таким образованием, например, была так называемая капиталистическая система, которая существовала в нашем представлении как рыночное родство, порождающее принципиально цементирующее мировой капитализм начало. Увидеть это начало в реальном уровне объективной цивилизованности капитализма нам удалось только в последние годы. Не родство частной собственности (она не объединяет), а “родство” уровня общего развития породило системные свойства капитализма, и если этот уровень резко изменялся в пользу одной или группы стран, он вызывал адекватную политическую реакцию.

Родство собственности не породило гарантированных системных свойств и в бывшей социалистической системе. И именно потому, что это была не объективная общецивилизованная интеграция, а политическое образование, системность здесь себя не проявила. Примерно то же можно сказать и о бывшем Советском Союзе.

Системность в институциональном аспекте более автономна, но только в деятельности, организационной форме. Это системность организации, выступающая как общественная подсистема, наряду с политическими отношениями, также выступающими как подсистема по отношению к обществу.

Институциональная политическая системность — это система функциональных связей, в которой изменение положения и поведение элементов зависят от одного, двух или трех основных питающих элементов. В условиях политической демократии такими элементами могут выступать: государство — тогда мы получаем один режим; партия — тогда мы получаем другой режим; политически организованные социальные подструктуры — тогда мы получаем третий режим, и т. д. Наиболее мощным источником питания системности в современных демократических режимах является государство. Причем, чем сложнее период развития страны, тем выше потребность в укреплении именно этого источника питания политической системности.

Системность в политической деятельности имеет место не только как отражение системности в политических отношениях и в институциональной системности, но и как организация собственной деятель-

ности на основе ряда принципов. К ним относятся принципиальность, программность, оптимальность, эффективность, полнота и правдивость используемой информации, органическая и постоянная связь с объектом деятельности, коллегиальность, объективность, конкретность, наличие основного звена, функциональная компетентность и др.

Для политической деятельности системность означает в первую очередь системное видение вопроса, способность, в том числе и профессиональную, постоянно опираться на те причинно-следственные зависимости, в которых наиболее полно проявляются все уровни системности: общественный, политических отношений, институциональный и, наконец, индивидуальный.

Многие индивидуальные неудачи политиков связаны, в частности, с отсутствием такого системного видения. Например, недостаток системного видения отчетливо проявился в политической деятельности М. Горбачева. Идея перестройки была системной идеей и поэтому требовала точного расчета системного потенциала объекта, на который она была направлена. Для М. Горбачева же она оказалась ключом, “выпустившим из бутылки джина”, демократическая мощь которого была, очевидно, неожиданной для создателя ключа. Выступив против командно-административной системы управления, М. Горбачев не учел силы того демократического потенциала, который был ею придавлен, но не уничтожен. Демократические устремления народа постоянно подогревались игрой в демократию, социалистической демагогией, которая манипулировала демократическими идеалами народа, но уничтожить их не смогла. Кстати, подобные поражения в истории политики терпели многие крупные государственные деятели (практически все лидеры бывших социалистических стран, в XIX ст. — Наполеон, парижские коммунары, в иные времена — некоторые императоры Римской империи и др.).

Системность политического видения труднодоступна и для современных украинских политиков. Частое балансирование на грани спонтанно возникающих проблем, неполнота программного обеспечения деятельности, слабая концептуальная основа политических решений, в том числе и высших правовых актов, вызывают не только неровность процесса становления украинской государственности, но и массовую неудовлетворенность результатами деятельности политического корпуса страны. Философское мудрствование типа “не ошибается тот, кто ничего не делает”, или ссылки на отсутствие опыта, его историческую первичность не могут быть оправданием для политиков, поскольку этот вид

деятельности должен быть принципиально безошибочным, так как он касается народных судеб.

Системность в политике для Украины имеет определенную нагрузку, что связано со становлением новой социальной системы. В данном случае это не просто системность как существование некоторой формы организации, а целевое направление развития объекта, находящегося в состоянии нарушения баланса между элементами системы, в изменении их содержания в процессе перехода из одного состояния в другое. В Украине этим изменениям подвергаются все элементы системы, что, в конечном счете, и есть их переход в иное системное качество. Другими словами, материальный субстрат элемента остается, изменяя свою сущность путем приобретения нового содержания в связи с наполнением его иной организационной, социально-экономической и духовной энергией. В политических отношениях эти изменения должны воспроизводиться в соответствующих решениях, исключающих саму возможность политического посягательства не только на результат, но и на сам процесс приобретения элементами системы нового содержания, в котором материализуется утверждение новой социальной системы.

Такие посягательства на процесс системообразования в политических отношениях в Украине происходят постоянно, поскольку их вызывает само межсистемное (и одновременно системное) состояние этих отношений. Оно характеризуется, хотя и в разных энергетических режимах, тремя факторами нарушения системности (межсистемности).

Первый фактор — это сам процесс перехода от социализма к капитализму. Его противоречия, политические в частности, порождают известные сложности, во многом объективного порядка, поскольку этот процесс должен располагать необходимым историческим временем, которое человечеству неизвестно ни в теоретическом, ни в опытно-модельном виде. Социальное нетерпение здесь играет роль не только катализатора движения, но и его отрицательной энергии, которую приходится преодолевать во многом именно политическими средствами, хотя социально-экономические и культурные средства представляются и самим политическим носителям новой социальной системы более привлекательными и более надежными.

Второй фактор — это откровенное сопротивление левых политических сил процессу перехода от социализма к капитализму, их незаулаживаемая борьба за реставрацию социализма, естественно, при руководящей роли коммунистической партии. Поскольку коммунистическая партия — это не только политическая организация, но и лидер

сторонников возврата к социализму, хотя и руководствующихся разными мотивами, следует считать ее наличие и участие в политической жизни страны фактором системного характера. При условии исчезновения соответствующих социальных настроений, не говоря уже о принципиальных сторонниках социализма, командно-административной системы управления обществом этот фактор перестанет иметь политическое значение.

Третий фактор — территориальный, по крайней мере, управленческий сепаратизм, который отрицательно влияет на унитарность украинской государственности, что существенно подогревается конституционно закрепленным самоуправленческим статусом. Здесь системность украинской социальной организации ощущает особенно мощные удары со стороны элементов системы, которые не имеют права (объективно) на статус самоуправляемых единиц уже хотя бы потому, что они являются элементами системы, которая может претендовать только на самоуправление с помощью управления собственными элементами, в качестве которых выступают регионы. Существенная ошибка, допущенная в Конституции Украины (и не только Украины), заключается в том, что управление регионами определяется как самоуправление и это принципиально не соответствует основным постулатам науки управления, приводит к ослаблению системной энергии украинского унитарного государства, причем не только как институции, но и как формы самоорганизации украинства. Закон изменения всей системы в зависимости от изменения одного из ее элементов в таком организационно-системном образовании может привести к последствиям, которые будет трудно снять с помощью политических средств. Заданные украинские генетические параметры, на которых развилось национально-освободительное движение и утвердилась украинская государственность, являются источником системности развития украинского общества, причем такой генностью может обладать народ Украины как системное образование, питающее свою системность всеми элементами, в него входящими.

Отсюда следует, что такая системная необходимость, как координация, субординация и функционализация элементов системы, имеет прямое отношение к политическому управлению, в частности, региональными элементами. Это и есть один из основных показателей унитарности украинской социальной организации, основным элементом которой является государство как организационно-правовое олицетворение этой унитарности.

В Украине доведена до крайней степени накала автономность политических отношений и политической деятельности, поскольку именно через них, с их решающей помощью осуществляются основные реформационные процессы в стране, без которых переходный период не будет переходным. Будучи в общецивилизационном воспроизведении обычным управленческим элементом социальной системы, политические отношения и политическая деятельность в Украине имеют характер не просто управленческого элемента, а основной энергии реформационных процессов и поэтому они не только отражают определенный уровень системности общества, его известную упорядоченность, но и создают необходимые для Украины базовые, организационно-правовые основания переходного периода, его прохождения в заданном исторической русле. В результате и политические отношения, и политическая деятельность, более субъективированная по своему существу, также превращается в элемент системы, без которого невозможна, по сути, субъективная организация в Украине новой социальной системы. Поэтому украинские политики не имеют исторического права на политическую борьбу между собой, поскольку речь идет не просто о вызревших новых интересах части общества, не совпадающих с интересами другой части общества, а о переходе всего общества в принципиальное иное социальное качество, которое называется социальной системой, в данном случае капиталистической, в ее современном социализированном варианте.

Украинское общество, кроме того, заинтересовано в том, чтобы и существующее переходное состояние вследствие накала политической борьбы не ввело во взрывное состояние ту систему, которая существует как переходная, хотя ее логичнее было бы назвать межсистемной системой, в которой весьма сложно сосуществуют капитализм и социализм, что и предопределяет все особенности общественной жизни в Украине.

Поэтому Украина заинтересована в том, чтобы именно *политическая деятельность* поскорее избавилась от межсистемности, двухсистемности, переходности и приобрела “нормальный” для развитых демократических стран вид, т. е. чтобы она “обогнала” отсутствие традиционной системности в современном, переходном периоде, что даст ей возможность все более полно влиять на формирование нового состояния социальной системы. Утверждение такой системы в Украине будет означать и утверждение в ней адекватных политических отношений и политической деятельности.

КАТЕГОРИИ И ЗАКОНЫ ФИЛОСОФИИ В ПОЛИТИКЕ

Закон как отношение между сущностями или самой сущностью — суть свидетельство устойчивого развития мира, его гармоничности. Он является видом связи между явлениями, выражающими объективные процессы действительности с точки зрения их объективной необходимости и качественной регулярности. Закон не детерминирует явление, а выражает меру его устойчивости, повторяемости, хотя он и может выступить в качестве опоры при оценке потенциала объекта, т. е. быть мерой не только настоящего или прошлого, но и будущего состояния объекта, системы.

Политика строится на учете специфики проявления законов в различных объектах исходя из их всеобщности или частности, а также видов: строения, функционирования и развития. Причем учитывается и то, что законы развития могут выступать как тенденции, которые формируются на основе динамического или вероятностного (статистического) функционирования законов. В таком же внутреннем механизме возникает и закономерность; хотя она и подвержена существенному воздействию случайностей, однако выступает как форма проявления закона.

Категории и законы философии политики — это система теоретических конструкций, с помощью которой обосновываются определенные политические взгляды и политические решения. Связь понятийного аппарата философии и политики, система этих конструкций, влияние философии на политику рассматриваются в ходе дальнейшего изложения.

Система конструкций, с помощью которой обосновываются определенные политические взгляды, — это результат философского осмысления как политики вообще, так и ее конкретных видов, форм, принципов, методов и т. д. Чем больше та или иная система вбирает таких конструкций, а также результатов философского осмысления политики и творчески использует их для выработки конкретных политических взглядов, конкретной политики, тем она плодотворнее и эффективнее.

Анализ системы этих конструкций наиболее плодотворен в процессе научного определения их связи с политикой и политологией, как ее дисциплинарной методологией и теорией. Здесь же уместно дать философскую квалификацию основным элементам системы, ее несущим конструкциям. Думается, что такая квалификация должна быть построена по принципу группового обозначения глубинных теоретических постулатов, лежащих в основе связей философии и политики, философии и политологии, философии политики и определенных политических взглядов.

3.1. Сущность и явление в политике

Политика может быть плодотворной при условии установления в ее абстрактном и конкретном проявлениях соотношения сущности и явления, поскольку для политика чрезвычайно важно знать глубинные процессы, внутренние, скрытые связи, которые служат основанием всех форм их внешнего проявления. Сущность для политика — это в первую очередь мера и механизм взаимодействия качества и количества факта, события, явления, помогающие проникнуть в основные свойства не только политического процесса, но даже отдельного факта, установить причину их возникновения и тем самым создать возможность выйти на закон или тенденцию функционирования и развития политического явления, факта, события.

Как и в других сферах развития природы и общества, явление в политике — это выражение сущности, ее многообразия, пространственного и временного проявлений. Поэтому оно единично, внешне, преходяще, изменчиво и даже зачастую случайно. Следовательно, познание сущности через явление — это постоянный, диалектически неисчерпаемый процесс поиска истины, т. е. сущности. В этой связи политологический постулат о политике как о мере возможного приобретает основательную философскую базу. Причем для политики особенно важно установление в данном явлении именно той сущности, которая обозначена в философии термином “быть”, и тех ее проявлений, которые определяются термином “казаться”. Последнее выражает прежде всего несоответствие сущности и ее внешнего проявления, хотя и это проявление при частом “употреблении” может превратиться в сущность и тем самым прикрыть явление, адекватно отражающее сущность.

Для политики крайне важно, чтобы в философском подходе к ней учитывалось внешнее и внутреннее в соотношении явления и сущности. Главное здесь — точное определение внешнего как слепка целого, т. е. не только предмета самого по себе, но и способа его взаимодействия с окружающей средой, а внутреннего — как строения предмета, что в познании выступает как идеализированное воспроизведение, сформулированный закон или законность либо нечто подобное. Поэтому необходимо именно в политической деятельности в каждом конкретном случае исходить из того, что внутреннее можно понять только через внешнее, а внешнее — через внутреннее, хотя эта взаимозависимость внешне напоминает соотношение сущности и явления. Но ведь познание внутреннего строения объекта еще не означает познания его сущности. То же можно сказать и о внешнем его строении, познания которого недостаточно для полного представления об объекте.

Усложняется это познание и тем более использование в политике в силу наличия в мире бесконечного разнообразия вещей, каждая из которых содержит индивидуальную информацию, т. е. выступает в качестве некоего единичного образования, имеющего качественную и количественную определенность.

В то же время единичное — это выражение многообразия вещей, что, в свою очередь, свидетельствует об относительной его обособленности. Поэтому можно утверждать, что общее — это единое во многом, т. е. общее проявляется не иначе, как в единичном и через единичное, хотя эта связь может стать диалектической только в том случае, если единичности будут представлены и в таком качестве, как особенное, выступающее как способ объединения общего и единичного в одном явлении.

Между тем термин “политическое явление” настолько вошел в официальный оборот, что соотношение явления и сущности практически не предпринимается. Определить явление, даже просто обозначить какую-то сумму фактов как явление представляется уже достаточно результативным проникновением в его сущность. Другими словами, как правило, явление и сущность не разделяются, по крайней мере, не считаются чем-то различным, что, естественно, приводит к политическим ошибкам. Даже политическая революция представляется как синоним социальной революции. В таком ключе, например, политическая революция 1917 г. в России воспринимается не как явление, а как сущность революционного движения, что, как известно, привело к трагическим политическим последствиям. Так оценивается и политическая демократия, сущностью которой почему-то считается участие масс в управлении, в то время как

такое участие — это демократическое явление, а сущность демократии состоит в функционировании механизмов социальной самоорганизации, в снятии организационного отчуждения членов общества, политическая форма которого и есть режим демократии как явления. В данном случае демократия как явление единична, преходяща, и в связи с этим задача политика заключается в том, чтобы постоянно создавать все более широкие пространственные и временные просторы для проявления ее сущности и определять на каждом этапе ее развития меру возможного проявления ее сущности, соответствующую этому этапу. Используя соотношение сущности и явления, в демократии относительно нетрудно создавать иллюзию сущности с помощью явления, создавать кажущиеся демократические институты, механизмы “народного самоуправления” и не давать элементарной возможности проявиться подлинному “быть” как проявлению сущности демократии. Определить это кажущееся можно хотя бы потому, что явление демократии не выступает как слепок целого, т. е. ее организационно-методических механизмов и среды, в которой только и может проявиться элемент ее сущности. Здесь сочетание внутреннего и внешнего — достаточно точный барометр эффективности демократии как явления.

Не следует при этом предпринимать попытку ограничиться единичным явлением, видя в ней некий аргумент в пользу отсутствия общего, а значит и незначительности его для политического внимания. Поскольку, например, в управлении любое общее есть некая структура многоэлементности, то единичное и выступает в качестве достаточного основания для информативного обеспечения управленческого решения, но оно должно войти в ряд общего как особенное, но не исключительное, т. е. вышедшее из ряда. Поэтому политический суверенитет не только государства, но и личности является той особенностью демократии, которая дает ей возможность быть явлением, достаточно полно отражающим свою сущность, хотя и не во всех ее опосредованиях. Качественная и количественная определенность демократии здесь и есть показатель “права” демократии на выражение сущности, и поэтому политик в состоянии пользоваться этими характеристиками в своей деятельности. Бесконечное разнообразие вещей в мире здесь представлено определенной информацией, что позволяет политику установить параметры демократии в данное время и в данной ситуации, а главное в силу своего профессионализма и общего развития сделать определенный шаг в познании ее сущности и тем самым приблизиться к ней. В то же время даже вышедшая из ряда единичность создает для политика за-

дачу возвращения ее в ряд с тем, чтобы количественные изменения в объекте его воздействия не повлияли на его качество.

Отсутствие философского видения в политических процессах, фактах сущности и явления можно проиллюстрировать на подходах к командно-административной системе, которая и сегодня еще проявляет свои свойства в деятельности ряда политических структур. И это естественно, поскольку такая система — не творение одного режима. В таком качестве она выступает только как явление, а ее сущность заложена в исторически сложившемся уровне самоорганизации российского — советского общества, которое на протяжении веков принимало верхушечные, навязанные политиками формы организации, не обладая экономическими, социальными и частично даже духовными основаниями, необходимыми для демократической самоорганизации общественной жизни. Разве не был командно-административным царский режим, руководивший не только простым народом, но и той непосредственной социальной структурой, которую он представлял?

Как явление, раскрывающее одну из сторон сущности, можно определить и современные парламентские формы организации политической деятельности, причем не только в молодых демократиях, но и в исторически более длительных. Например, сущностью сегодняшнего украинского парламентаризма является национальная идея, реализация которой требует подобных форм политической организации. Однако общенациональное стремление к самостоятельности, независимости выступает политически не только в парламентской организации как политическом явлении, но и в многопартийности, непосредственном давлении на парламент объектов его законодательной деятельности, муниципальном самоуправлении, придирчиво внимательном отношении масс к реализации своих гражданских прав, в частности права на собственность и т. д. Сущность этого явления — стремление снять или ослабить сложившееся веками отчуждение народа от политики, которое послеоктябрьская история нашей страны довела до “социалистического совершенства”.

И здесь виновата не просто абстрактная “послеоктябрьская история нашей страны”, а конкретные политики, которые страдали самым серьезным недостатком, которым может обладать политик, — философским непониманием разницы между сущностью и явлением, по крайней мере, игнорированием этого знания. А ведь, в конечном счете, если и есть высшая политическая мудрость, то она именно в том и заключается: политик должен профессионально уметь отличать явление от его сущности, и чем сильнее напор явлений, тем важнее это

умение. Можно даже сказать, что политик может состояться только в том случае, если он может отличить явление от сущности, так как сама политика как явление — это проявление определенной сущности, которую мы квалифицируем как столкновение объективных интересов, связанных с противоречивостью (антагонистической или неантагонистической) общественных отношений, порожденной материальными и духовными факторами жизни общества.

Умение отличать явление от сущности тем более важно, что на уровне обыденном, как правило, видится явление, поскольку оно открыто, внешне, а скрытую, внутреннюю сущность далеко не всем удастся увидеть и понять, по крайней мере, немедленно, параллельно с видением явления. Даже история, распределив во времени и в пространстве явления, не всем и далеко не сразу открывает их сущность. Необходимы кропотливая, подчас весьма длительная интеллектуальная деятельность или огромный опыт, чтобы установить сущность явления. И когда мы говорим об индивидуальной или групповой гениальности, речь идет о способности улавливать сущность явления, причем даже тогда, когда оно раскрыто еще недостаточно для познания его сущности. Прогностическое видение и есть такая способность. В политике она — залог успеха политической деятельности. Если бы высшие руководители обладали такой способностью, многих трагических явлений не произошло бы. Например, если бы М. Горбачев и его команда обладали необходимой политической прозорливостью, не было бы трагедий Нагорного Карабаха, Армении, Азербайджана, Грузии и других стран, которые были вовлечены в международный конфликт откровенно политическими факторами. Это тем более непростительно, что прежняя тоталитарная система сравнительно “легко” управляла страной, а с помощью нового демократического управления тем более можно было бы организовывать новые отношения, не допуская трагического развития событий. Возможно и весь процесс становления новой социальной системы также может опереться на потенциал самоорганизации, который обычно проявляет себя с должной степенью эффективности прежде всего в зависимости от политической зрелости, компетентности правящих кругов общества. В этом одно из основных противоречий политического мира, но оно объективно, исторично. И до тех пор пока мир нуждается в политике, а его социальная организация во многом зависит от политической организации и, следовательно, политиков как ее деятельного элемента, постижение сущности и явления в этом соотношении будет важнейшим фактором стабильного динамизма любой социальной системы, любого общества.

В структуре индивидуальной или групповой политической деятельности сущность и явление, их взаимоотношение зачастую определяют успех дела.

В групповой деятельности ярким примером того, как сущность, не найдя адекватного явленческого выхода, уничтожала также институты, его, этот выход, представляющие, является политическая система социализма, игнорировавшая потребности общецивилизационного развития народов. В индивидуальном проявлении — это политический крах всех лидеров большевизма, включая В. Ленина. Причем в этом крахе есть нечто общее, что их роднит. Политическая карьера каждого из них была успешной на уровне явления до тех пор, пока им не приходилось приводить свою деятельность в соответствие с его сущностью. В. Ленин успешно вел значительную часть народа за собой, пока решались задачи уничтожения старого, тех противоречий, которые во множестве явлений представлялись как единственная причина социальных бед. Не раскрывая их сущности, В. Ленин, партия большевиков организовали политический штурм этих противоречий. Но убрать их таким образом не смогли, так как это принципиально возможно путем приведения в соответствие явления и сущности, т. е. в ходе созидательной, строительной работы. Поэтому сравнительно легко состоялась октябрьская политическая революция и не совершились с ее помощью ни экономическая, ни духовная революции, которые могли бы вывести страну на путь общецивилизационного развития, т. е. привести в соответствие явление — движение народа страны к лучшей жизни — и его сущность — общечеловеческое, общецивилизационное начало в этом движении, материальные и духовные возможности мира (и России как его части) при реализации устремлений народа. Идеологическая убежденность в возможности “перепрыгнуть” историю и была игнорированием объективной необходимости приведения в соответствие явления — движения масс к решению реально существующих социальных проблем того времени и сущности — общецивилизационного, общечеловеческого начала, породившего это явление. И поэтому В. Ленин — политический революционер оказался практически беспомощным в строительстве нового общества, как были беспомощными все последующие политические лидеры страны, включая и М. Горбачева, который, как и В. Ленин, был мощным на этапе разрушения тоталитарного режима и оказался беспомощным на этапе созидания новых форм жизни, на этапе строительства.

Эта схожесть политического поведения лидеров вызвана тем, что приведение явления в соответствие с его сущностью, его снятие или развитие — процесс, преимущественно, весьма длительный. Главное в нем — созидание, строительство, постоянное стремление выразить в нем всю глубину его сущности. Политическое же разрушение, в том числе и политическая революция, — это только средство, с помощью которого осуществляется поиск такой адекватности и создание политических условий для ее становления. Политическая революция, политическое отрицание — это акт, а приведение в соответствие явления и сущности — это процесс. Политическое лидерство обычно становится признанным в первом случае и блекнет или исчезает вовсе — во втором. Даже сравнительная длительность политического лидерства еще не свидетельство его существования на базе адекватности явления и сущности, а только его временное проявление. Критерий же адекватности — в уровне общецивилизованного развития страны, в материальном и духовном процветании народа.

Для Украины диалектическая категория “сущность и явление” именно в современных условиях имеет особое значение. Это связано с тем, что Украина — одна из стран, которая на протяжении нескольких столетий существовала как явление, которое неадекватно отражало ее сущность. Высшим назначением украинского национально-освободительного движения и является создание такой социальной системы, которая позволила бы Украине привести хотя бы в принципиальное соответствие себя как явление с собой как сущностью. На этом пути переход Украины к новой социальной системе — одна из наиболее существенных переменных, которая объективно весьма ощутимо ослабит исторически сложившееся в Украине несоответствие между ее сущностью и явлением. Такую же задачу решают все демократические, патриотические силы, да и весь народ Украины, который желает перемен к лучшему, что в данном контексте должно быть обеспечено приведением в соответствие сущности и явления в украинском социуме.

В Украине в политике и политических отношениях категории “сущность” и “явление” выступают в качестве глубинного основания политической деятельности и самой политики как деятельности.

Это глубинное основание располагает рядом характеристик, к которым относятся в первую очередь *исторические факторы*, детерминирующие современную политическую деятельность, и *политические отношения и факторы*, непосредственно определяющие их характер, тип развития, степень влияния на общественную жизнь. Первые отно-

сятся к сущности, вторые — к явлению, имеющему свою энергию развития, которая только в конечном счете определяется сущностной энергией.

Сущностная историческая детерминация заложена в эволюции украинства с древнейших времен до настоящего времени, в постоянном, вопреки негативным историческим обстоятельствам, развитии украинского социума, который существовал в различных, навязанных историей формах, не теряя при этом своего генного основания, проявляющегося в оригинальной духовной и материальной культуре. Степень государственного совершенства организации жизнедеятельности этого социума во многом исторически зависела от привходящих обстоятельств, но сущность украинской государственности также лежала в генной организации украинства, его этнических основаниях. Общей, “поголовной” денационализации украинство не знало, несмотря на то, что его часть и даже весьма важная для нормального развития, в различные периоды впадала в денационализированное состояние. Но народная, генная энергия не допускала полной денационализации, что и сохранило украинство как Украину и Украину как украинство. Политически ее наиболее мощным выражением явилось национально-освободительное движение, которое в XIX в. обрело свое гениальное воспроизведение в Тарасе Григорьевиче Шевченко. Его правота содержится именно в сущностных характеристиках украинства, объективно требующего достойной великой нации места в общецивилизационном развитии человечества.

И в этом контексте естественность для Украины факта обретения независимости также логична, как и естественность появления гения Т. Шевченко. Такой мощи интеллектуальный потенциал мог появиться только на мощи сущностного состояния великой нации, национально-освободительное движение которой — лишь часть этой мощи. Главная сила нации — в историческом созидании, на которое способно украинство и которое предопределяет и сегодня развитие Украины как великой державы. И поэтому все антиукраинское выглядит как жалкое использование верхушечных временных затруднений, виновником которых и является это прошлое и настоящее антиукраинское. И если на протяжении веков как внутри страны, так и за ее пределами не удалось лишить украинство его этнонациональной генности, то и сегодня такая политика обречена, поскольку ей противостоит не только украинская история, но и современная мощь украинства, его государственность.

Поэтому следует с обозначенной достоверностью утверждать, что сущность украинских политических отношений и политической деятельности заложена в объективных основаниях саморазвития и самоорганизации украинства, имеющих многовековую историю. Современное переходное состояние страны создает (особенно в восприятии людей, не имеющих достаточной философской и политологической подготовки) противоречивую картину, что мешает ясно и четко воспринимать объективные детерминанты, которые в конечном счете приведут Украину к полному, соответствующему потенциалу великой нации, самоутверждению в системе многонационального человечества.

Политические отношения, их характер, тип развития, степень влияния на общественную жизнь Украины, определяются факторами, которые представлены как явления, имеющие свою энергию развития. Их связь с сущностью противоречива, что обусловлено факторами, связанными с исторически агрессивным отношением к украинству. И в настоящее время эти факторы, теперь уже внутреннего характера, не дают возможности украинству адекватно соотносить сущность и явление в их “нормальном” состоянии.

В общем плане факторы внутреннего характера — это столкновение двух социальных систем — социализированного капитализма и казарменного социализма, которые предопределяют, причем непосредственно, содержание политики и политических отношений в Украине. Причем если социализированный капитализм — это явление, непосредственно воспроизводящее сущность украинства в его эволюционном движении, то казарменный социализм — это привходящий фактор, который не воспроизводил ни одну из сторон украинской сущности, т. е. был искусственным явлением, навязанным украинству историческими обстоятельствами, и поэтому не обрел на его почве сущностных качеств. Социально-партийное расчленение на правых и левых — прямое тому доказательство, и постоянно-постепенное вытеснение факторов левого порядка, производящих это расчленение, — основная задача политики и политиков. Глубинно, т. е. сущностно, “правые” факторы обусловят себе победу, но процесс ее достижения, цена и временные рамки утверждения сущности правого не безразличны украинству, и поэтому объективная правота не должна быть источником ослабления, успокоения правых. Напротив, она должна быть источником постоянного наращивания усилий по предоставлению украинству необходимого явленческого простора для самоутверждения в современных формах социализированного капитализма. Известное умозаключение

о приоритете индивидуалистского начала в украинстве в отличие от коллективистского в России, связанного с общинностью самоорганизации, — одно из подтверждений естественности для украинства форм социально-экономической организации современного социализированного капитализма. В этом смысле его построение (социализированного капитализма) следует считать наиболее логически и исторически доказанным показателем естественности для Украины такого соответствия сущности и явления. И поэтому политика, политические решения должны методологически обеспечивать свою эффективность именно таким видением соотношения сущности и явления, откровенно становиться на сторону диалектики как наиболее достоверного метода познания и преобразования действительности, гаранта рассчитанной эффективности политических решений. Приводить в соответствие действительность как явление с глубинными ее основаниями, наиболее полно представленными в сущности, и есть норма политического профессионализма, использования диалектики политики в политическом управлении.

Умение как можно более точно устанавливать границы между сущностью и явлением, связь и различия между ними представляются тем качеством политика, без которого он не может состояться как политик.

3.2. Политическая необходимость и случайность

В политике, особенно в политической деятельности, весьма сложно увидеть соотношение необходимости и случайности.

Философская конструкция здесь может быть представлена следующим образом.

Необходимость в политике — это закономерная потребность, выраженная в определенном типе связи явлений, который возникает из устойчивости их внутренней основы и условий существования.

Случайность — это возможность, возникающая при сцеплении условий, т. е. тот тип связи, который появляется как результат приводящих факторов. Случайность может быть внутренней и внешней, вытекать из природы объекта или находиться за его пределами.

Учить в политике необходимость и случайность — это значит установить структуру закономерности, увидеть диалектику необходимого и случайного.

Особенно это важно при формировании и выражении политической воли, которая тем эффективнее влияет на объект или обстоятельства, чем более способность политика принимать решения основана на познанных им объективных свойствах, закономерных связях явлений и событий. А это значит, что свобода политической воли — это сплав свободы и необходимости — обязательное условие любой целенаправленной политической деятельности.

Сама политика в форме политической деятельности есть необходимость, поскольку разность интересов порождает потребность в их гармонизации, иначе общество как системное образование самоуничтожится или придет к “мировому консенсусу” через естественный отбор, а с учетом современных средств разрушения — это то же самое. Политика как искусство возможного и есть необходимость, поскольку здесь возможность выступает как расчет, ограниченный в первую очередь рамками необходимости. Использовать данную условиями и временем возможность — высшая необходимость в политике. Но политическая необходимость только тогда воспринимается в таком аспекте, когда она не только явление, но и жесткое требование сущности. Например, крайне субъективистским пренебрежением к необходимости как к сигналу сущности явилось внедрение политическими средствами в народное сознание идеи перестройки, поскольку речь шла об учете деформированного явления, именуемого социалистическим обществом, а не о сущности социальной системы, которая нуждалась не в перестройке, а в революционной замене, или, как раньше мы говорили, в построении нового общества.

Поскольку необходимость — это закономерная потребность, то возникает проблема их политического соотношения.

Потребность как закономерное явление по отношению к политике весьма разукрупнена. Ее градация и есть основание для расчета политики и даже политической деятельности. Устойчивость внутренней основы и условий существования потребностей выражена в определенной динамичной структуре (в политике — градация), каждый элемент которой непосредственно или опосредованно учитывается политикой. Основной элемент данной структуры — физическое существование человека и человечества, хотя цивилизация облекла эту необходимость в такие культурные формы, что политические подходы к этому элементу потеряли строго определенные границы. Политика учитывает всю сложность цивилизованного понимания физического существования человека и человечества. Достаточно полное воплощение это понимание находит в праве.

И все же уровни политической необходимости только принципиально находятся в прямой зависимости от места элемента структуры потребностей в политической необходимости. Поэтому такие формулы, как “война — продолжение политики иными, насильственными средствами”, “политика там, где миллионы” или “каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает”, не только не отражают структуру необходимости как закономерной потребности, но и существенно искажают ее. Приведенные формулы по своему историческому потенциалу догматичны, поскольку разработка и осуществление политики на основе философски недостоверных формул лишают ее той устойчивости внутренней основы и условий существования, которые находятся в пространственных и временных связях. Даже элемент случайности как возможности, возникшей при сцеплении условий, в них не учитывается. Однако способность человеческого познания постигать не только существующее как данность, но и возможность появления факторов, заложенных в потенциале объекта или за его пределами, на основе подхода к нему как к элементу всеобщей связи, может снять любую формулу, в том числе (и в особенности) политическую. А политика и политическая деятельность — это постоянное познание необходимости и случайности в структуре закономерности на основе философского видения как потенциала человеческих возможностей. Причем случайность в политическом подходе — не обыденная “неожиданность”, “непредсказуемость” факта, явления, а постоянная работа по выведению ее из структуры определяющих факторов, стремление к созданию таких условий, которые не только поглощали бы случайность, но и порождали ее как свойство здорового, противоречивого развития объекта.

Поэтому политическая воля — это не недопущение случайностей и не возведение в ранг абсолютного необходимости, а их диалектическое совмещение в политически мудром, а точнее — научно достоверном, решении.

Но политическая воля (которая так убедительно рассматривается в политологии) философски в связи с необходимостью и случайностью представляется не только как “живая”, “человеческая” способность предупреждать или убирать случайности либо жестко, пусть даже творчески действовать в рамках необходимости. Вместе с тем она (политическая воля) сама выступает как явление необходимости и случайности. Рассматривать ее в таком аспекте означает находить в каждом данном политическом случае основание для нормального прохождения политического процесса, максимально не зависящее от этой

воли, вводящее ее в разряд операционно целесообразной организации, а не в фактор политического действия, тем более политических отношений. Это одно из основных существенных требований демократии.

Поэтому объективная, базовая самоорганизация общества, которая тем выше, чем меньше его скрепляют политические факторы, представляется той “политической волей”, которая должна снять необходимость в ней самой. Современные развитые страны исторически медленно, по сути эволюционно, идут к такой самоорганизации через развитие общецивилизованных начал в экономике, социальной и духовной сферах. Политика здесь все более обслуживает общество, все менее задает тон его развитию, все менее выступает в качестве диктующей политической воли, все меньше предлагает “радикальных”, “перестроечных” программ и все более превращается в форму выражения противоречивого единства, находящего в себе соответствующие механизмы саморегуляции.

В индивидуальной или групповой политической деятельности, как правило, учитывается и даже рассчитывается необходимость и по сути на обыденном уровне сознания оценивается случайность. Она представляется как нечто не поддающееся предвидению, а тем более расчету. Но и на обыденном уровне сознания случайность не представляется чем-то абсолютным и, как правило, сопровождается сожалением о неполноте усилий, предпринятых для ее предотвращения. Философски это сожаление сводится к непознанности ситуации, возможности: “если бы подумал вовремя” или “если бы знал”, или “это невозможно было предвидеть” и т. д. Здесь явно просматривается надежда человека на исчезновение случайностей, на возможность их предвидения, что одно и то же.

Но если на обыденном уровне такие упования философски не оправданы, то в политике, политической деятельности они должны быть задачей, если не принципом. И здесь нет противоречия, так как обыденность — это все существование человека, не ограниченное организационными рамками. Никакой уровень его развития не может стать достаточным для абсолютной защиты от случайностей. Но их должно быть все меньше и меньше в самом бытии по мере развития природы, общества и человеческого мышления.

Ограничение же этого бытия рамками вида политической деятельности, сосредоточение в нем максимально целесообразного бытийного потенциала (материального, организационного и духовного), не говоря уже о том, что этот вид деятельности фокусирует в себе основную организационную мощь того или иного политического общества, создает принципиально иную среду обитания случайностей. Возникает не

только возможность, но и необходимость такого их предвидения, такого расчета, который снимает их воздействие на объект и субъект политики. По сути, критерием эффективности политической деятельности становится возможность политика (и политики) предвидеть и рассчитывать случайность, которая таким образом теряет статус случайности. И если лидер страны, например тот же М. Горбачев, признается стране в том, что он (мы) не смог (смогли) предвидеть последствия, в том числе и межнационально-кровавые, предложенной им (ими) программы перестройки, то квалифицировать это можно только как политическое недомыслие и политическую безответственность. А если она возникла еще и на базе индивидуальной философской неподготовленности — то и как профессиональное невежество.

В этой связи следует подчеркнуть, что наличие и этого качества отличает политического лидера от не лидера. Более того, характер политики, политической деятельности — это и есть стремление общества к такой самоорганизации, которая сводила бы случайности к принципиально не ощущаемым обществом, в том числе и в первую очередь на уровне политики, что существенно сузило бы их появление и в других сферах общественной жизни. Поэтому и сформировалось мнение, что есть сферы деятельности, в которых не дозволено ошибаться, не предвидеть случайности (понятно, что ошибаться не означает только не предвидеть случайностей, но в данном случае речь идет о такой причине ошибок).

Это сфера политики, политической деятельности.

Для Украины диалектическое понятие “необходимость” также имеет принципиальное значение, поскольку именно она постоянно представляла собой сущность украинского развития в ряду трагических противоречий, порождаемых привходящими обстоятельствами, навязанными стране ее историей, особенно политической. Национальный тип связей явлений возникал и возникает из нежелательной для украинства устойчивости его трагической основы и условий существования. Устойчивость эта сложилась исторически и противостоит генетическому варианту, к которому постоянно стремилось и в настоящее время стремится украинство. Однако в собственной истории, в первую очередь политической, украинскому национально-освободительному движению (стихийному или организованному) не хватало единства политической воли, которая бы вбирала в себя с достаточной мерой последовательности ту необходимость, реализация которой могла бы избавить украинство от колониальной зависимости. Сегодня это состояние продолжается, хотя изменился “колонизатор”, который пытается вернуть Украину к

казарменному социализму, или к бывшему СССР. Политическая воля здесь играет решающую роль, поскольку такой возврат, как правило, происходят на политической почве. Это может произойти и вопреки воле значительной части населения страны. Внешне оригинальный вариант такого возврата, похоже, состоялся в государственно оформленном союзе между Россией и Белоруссией.

Поэтому политическая необходимость в Украине должна перейти в естественное для диалектики состояние — в закономерную потребность, как в духовной сущности нации, которая избавилась, наконец, от исторически привходящего, для нее неестественного, и вышла на путь нормального общецивилизационного развития (заметим, что и во многих других странах этот выход тоже сопровождался подобной неестественностью).

В этой связи свобода политической воли украинского корпуса политиков может быть достаточно эффективной как демократическое волеизъявление, а не как самоутверждение отдельных политиков или политических партий. Следует считать достаточно разумным взгляд на демократизм украинского волеизъявления как на нечто единое и не пользоваться его внешне противоречивым характером для индивидуальной или партийного самоутверждения, особенно в виде политической борьбы, поскольку этот демократический источник объективно жаждет единства и самоутверждается как единство. Иного пути самоутверждения у него нет, коль скоро он существует в рамках единого государства под одним названием — народ Украины. Индивидуальный или партийный тип политического волеизъявления выступает в качестве самодостаточного источника политической борьбы, поскольку речь идет о собственном влиянии, о политической власти, политическом господстве пусть даже при политической неадекватности состоянию объекта влияния, власти, господства. Навязывание в таком варианте политической воли — одно из наиболее распространенных явлений в политической истории.

Подмена политической необходимости как закономерной потребности неадекватной политической волей может произойти и в Украине, свидетельством чего и является верхушечная политическая борьба, вести которую именно в такой форме народ не “поручал” своим представителям. Политическая потребность для народа — как необходимость — это прогрессивное развитие, переход на общецивилизационные пути самоутверждения через национальный потенциал на основе единства всех слоев украинского общества, что может состояться толь-

ко при условии политической гармонизации их интересов и возможностей. Политическая воля такого методологического характера может быть достаточно эффективной, если ее постоянно рассчитывать в обозначенном контексте. Это и есть для Украины высшая необходимость в политике как закономерная потребность, которая возникает из устойчивости политической генетики украинской истории, внутренней основы естественно-эволюционного развития украинства как элемента человечества. Украинская история здесь представляется не как известная данность, а как генетическая возможность, которая существовала как необходимость, угнетенная привходящими факторами, но не побежденная ими, а лишь превращенная с помощью антиукраинской политики в то трагическое явление, преодоление которого и стало основной целью украинского национально-освободительного движения.

В этом контексте случайность не представляется вообще чем-то значительным для украинской политики, поскольку каждый раз она выступает как нечто внешнее, позволяющее себе быть случайностью на генетически ослабленном объекте, который воспринимает или порождает случайность как возможность, порожденную именно этой питательной почвой. Поэтому украинство в политическом смысле особенно нетерпимо относится к случайностям и не считает их наличие извинительным обстоятельством в политической деятельности. В таком качестве не признаются даже случайности, появление которых вызвано внешне не зависящими от политика причинами, поскольку речь идет о состоянии социума, не имеющего прав на политическую ошибку. Это связано с особым состоянием украинства, особенно историческим, в котором главное в том и состоит, чтобы не допустить политической ошибки в стратегическом расчете собственного движения и в политической деятельности по реализации этого расчета. То, что возможно как отражение обычной “человеческой слабости” у более надежно существующих наций, в украинстве отрицается самой сверхзадачей развития, которая может быть решена только на основе откровенного принуждения политиков действовать безошибочно. Это возможно только при условии служения делу самоутверждение украинства как этнического и политического образования, как объекта, имеющего право на равноуровневое цивилизационное существование в системе государств и народов мира. Поэтому формула “каждый народ имеет то правительство, которое заслужил” в Украине приобретает иной смысл: это должен быть управленческий корпус, являющий собой образец политического единства, в котором нуждается украинство; он должен обладать политико-организационной энергией единства при отсутствии политической

борьбы. Роль катализатора политической энергии должно играть постоянное стремление политиков к более органичному соответствию объективированному развитию украинства на путях общецивилизационного развития человечества, прежде всего через всестороннее использование собственного национального потенциала.

Случайностью в этом контексте можно считать то, что в украинском политическом организме утвердился неестественный для Украины политический плюрализм, который и плюрализмом назвать нельзя, поскольку речь идет не о разных организационных формах реализации изложенного выше, а о сущностно противоречивом состоянии политики. Это результат субъективной непоследовательности политиков, той их ошибки, которая довольно полно изучена наукой, однако выводы почему-то (случайно, в лучшем случае — по дурной традиции) не были положены в основу политического курса корпуса украинских управленцев, всех его уровней. Даже обычный здравый смысл подсказывает, что возврат к социалистическому и колониальному прошлому такой крупной нации, как украинство, практически невозможен, и не только в силу законов общецивилизационного развития человечества, но и в связи с конкретным состоянием украинского общества, которое только по инерции еще может предпочитать что-то, противное собственному глубинному интересу. И поэтому прямая задача политиков в том и состоит, чтобы постоянно снимать основания инерции, причем сбалансировано — как в материальном, так и в духовном планах.

3.3. Возможность, действительность и вероятность в политике

Политика как мера возможного должна быть подкреплена философским видением соотношения возможности, действительности и вероятности.

Известно, что философски реальность — это воплощение действительного и возможного, хотя последнее — мысленный образ, в котором есть некое допущение, имеющее под собой реальные предпосылки, которые могут обнаружиться (или не обнаружиться) в объекте. Действительность в этом контексте — это реализованная возможность, это прошлое в настоящем, а возможность — настоящее в будущем.

В политике действительность и возможность используются неоднозначно. Для принятия политических решений возможность — основ-

ной резервуар их эффективности. Поэтому задача политика заключается в том, чтобы обнаружить в той или иной реальности действие определенного закона и установить условия его проявления. Отсюда необходимо определять характер возможностей: реальных, мало-перспективных, формальных, устанавливать их меру, т. е. вероятность реализации, причем и саму вероятность “рассчитывать” как внутреннюю, связанную со структурой объекта, и внешнюю, вытекающую из колебаний частоты ее реализации. Именно для политики при принятии тех или иных политических решений очень важно знать, где начинается и где кончается реальная возможность.

Политика как искусство возможного возникает из движения противоречий и существует в этом движении, ведет к возможным результатам. Расчет движения в политической деятельности и есть установление его возможного результата, а гарантом безошибочности политического расчета является установление характера и направления развития противоречий и их возможных последствий. Действительность в данном расчете — это движущиеся противоречия, а возможность — реальный потенциал политики, требующий апробации в новом времени и в новом пространстве. Именно политические последствия как возможное и политическое состояние в качестве данности — две основные стороны политической реальности, хотя каждая из них обладает собственным потенциалом. В политической деятельности развитие противоречий может породить также надежду на возможное, и она станет образом будущей реальности.

Действительность в политике зачастую путают с чем-то состоявшимся, имеющим точное, по крайней мере, определенное содержание, установление которого зависит от уровня проникновения в это действительное. В известном смысле это так, но без учета самодвижения действительного как всеобщей связи. Даже политическая смерть как действительное не выступает в качестве абсолютного предела существования, поскольку бесконечность связей — это бессмертие политики, если даже физически политика уже нет. Поэтому политическое определение действительности характеризуется обязательным присутствием в нем все того возможного, что может превратиться в действительное в обозримом или даже необозримом будущем. Такое видение входит в структуру политической ответственности как его питательный элемент. И поэтому философский подход к действительному как к реализованной возможности в политическом определении дополняется возможно более точным знанием потенциала возможного как в настоящем, так

и будущем развитии объекта, явления, факта и политической необходимости прогностического видения этого развития.

Коррекции подвергается философское представление о возможности как о настоящем в будущем. Политическое мышление, опираясь на это положение, в то же время и саму возможность связывает с действительностью, считает, что наличие возможности является достаточным основанием для принятия политических решений. Например, военная возможность социального столкновения, не говоря уже о политической, является достаточным основанием для содержания вооруженных сил. Поэтому политическая возможность — это не только настоящее в будущем, но и будущее в настоящем, это не только расчет потенциала причинно-следственных зависимостей, но и сам потенциал, который уже существует как данность, как реальность с политически рассчитанной вероятностью к строго определенному изменению качества “поведения” при прочных равных условиях. Малая перспективность такой вероятности с философской точки зрения не ослабляет необходимости политического видения возможности ее увеличения. Понятно, что на таком уровне вероятности не должно быть закона функционирования и развития объекта, так как это будет уже вероятностью иного уровня: она будет внутренней, с жесткой причинно-следственной зависимостью. Более “подходящей” здесь является вероятность возможного, возникающая из функционирования объекта (явления, факта) в среде, которая создает временные и пространственные ситуации для проявления возможностей, их самореализации в процессе вызревания. Помочь этому процессу политическими средствами, если это процесс для политики прогрессивный, и не допустить его развития, если он реакционный, — дело политика, политического органа.

И конечно, предупредить вообще саму возможность появления нежелательного, входящего в сферу политики, политической деятельности, — задача любого политического деятеля, любого политического органа. Поэтому основным объектом внимания политика должна быть действительность, в которой присутствуют и возможность, и вероятность. Их расчлененность выступает скорей как философская, чем политическая категория. Но она помогает методологически правильно организовывать политическую деятельность, обеспечивает ее научно, не говоря уже о том, что тем самым создается и возможность, и вероятность безошибочности политического действия.

Однако в политической практике действительность, или, как часто говорят, “политические реалии”, часто выступает в качестве основного

объекта политики. Возможность же используется как средство изменения действительности. Отсюда и формула политики как искусства возможного. В этом заключается одна из ошибок политической деятельности. Если бы, например, в политической позиции М. Горбачева упор был бы сделан не на действительности, а на возможности, более того, действительность была бы подчинена возможности, — наше движение существенно изменило бы свой характер. Из-за жестких акцентов на действительном, которые еще и сегодня имеют место в нашей жизни, в том числе и политической, постоянно замедляется движение, преобразование всех сфер общественной жизни. В той действительности, которая зачастую представляется как абсолютная реальность, фиксируется, по сути, достигнутое, если хотите, историческое, оно статично без учета возможного и вероятного, хотя и является действительностью противоречий. И для политики как деятельности, непосредственно обслуживающей движение, — это главное, так как, если действительность в этом не нуждается, — исчезает потребность и в политике, поскольку действительность и возможность вышли на такой уровень саморазвития, когда первое и второе выступают в качестве взаимных импульсов, не нуждающихся в политической организации их “взаимоотношений”. Конечно, возможность как потенциал действительности не существует автономно, но в политической деятельности она вычленяется. Таким вычленением является любой правовой документ, в котором возможность представлена как регулятор действительности, как идеальное его видение, которое этот документ стремится превратить в реальное на основе не ставших еще нормой предпосылок. Превращение же предпосылки в объективную норму и есть завершение “миссии” политического акта.

В индивидуальной или институциональной политической деятельности в конечном счете все сводится к гармонизации действительного, возможного и вероятностного. Это методологический принцип политической деятельности, который должен найти свое политическое определение.

Обращение к практике его использования дает возможность самой широкой иллюстрации политической эффективности этого принципа (если, конечно, он используется, причем на указанном методологическом основании).

Самые крупные политические события могут служить такой иллюстрацией.

Революция 1917 г. в нашей стране была политическим актом, который проигнорировал расчет возможностей в российской действительности того времени, несмотря на то что во главе ее стояли сторонники

диалектического мышления. Никакой, даже самый жестокий политический режим не ликвидировал бы объективную возможность социалистического развития, если эта возможность выступала бы как действительность России того времени. Насколько социализм как возможность — высокоразвитый капиталистический мир, настолько социализм — это не общественный строй, а уровень развития цивилизации. Вероятность как мера возможного здесь демонстрирует уровень социалистичности ряда сфер общественной жизни.

Современная политическая жизнь Украины также может служить иллюстрацией эффективности учета действительности, возможности и вероятности.

Как действительность выступает господство украинской национальной идеи, хотя и не все ее поддерживают. Но ею охвачено практически все население, поскольку на основе программ, построенных на национальной идее, осуществляется жизнедеятельность всех слоев украинского общества. Политическая деятельность в этой связи может быть успешной и достаточно эффективной, если она создает простор для реализации указанной идеи. Это, например, законодательная деятельность Верховного Совета Украины, выраженная в частности, в Декларации и Акте о независимости Украины и в других высших правовых актах государства.

Как расчет действительного и возможного выступает программа “перестройки” Украины, и задача заключается в том, чтобы постоянно это возможное находило вероятностные политические характеристики.

В индивидуальной политической деятельности политически точно соотносить действительность, возможность и вероятность представляется задачей повышенной сложности. Но первое, на что следует обратить внимание политику, заключается в умении увидеть в каждомдневном своем политическом поведении это соотношение. С шага по точному вычленению акта и начинается обращение к философии политики в данном соотношении. Например, у руководящих работников политической организации Руха политическое вычленение сложной, не всегда точно обозначенной политической действительности позволило принципиально точно установить возможности политического самоутверждения через национальную идею, вероятность которой определялась всем ходом исторической борьбы украинского народа за свое национальное освобождение. И такое философское видение дало положительный эффект: в политическом организме Украины возобладала украинская национальная идея, вокруг которой объединились все демократические

силы народа Украины. Экс-президент Украины Л. Кравчук, обладая необходимым философским видением политической действительности, довольно точно рассчитал ее прогрессивный потенциал и вышел в результате такого расчета на те политические факторы действительности, которые открывали единственно возможный путь самоутверждения Украины — путь независимости. В расчет входило и то, что факторы бывшего социалистического порядка потеряли свой воздействующий на массы потенциал и стали откровенным тормозом развития, что для объективного становления прогрессивного политика должно играть основную роль. Действительность породила возможность и вероятность иных, подлинно цивилизованных путей развития, что и решило индивидуальную судьбу Л. Кравчука как политика.

В подобном ключе можно представить индивидуальную политическую деятельность и других политических деятелей.

Иногда возникает рассуждение о политической неискренности или карьеризме деятелей, изменивших своим прежним политическим убеждениям. Если ставить вопрос именно так и утверждать, что эта измена — результат политической и мировоззренческой беспринципности, то подобного деятеля ждет осуждение. Такая возможность не исключена по отношению к любому “перешедшему из другого лагеря” политическому деятелю. Если же в новое политическое качество переходит деятель, понявший и не принявший систему, не способную реализовать его прогрессивные социальные идеалы, и конкретная его деятельность в этом новом качестве подтверждает его стремление содействовать утверждению прогрессивного, то “критерий истинности” налицо. Все иное — стереотипная подозрительность или недостаточная политическая культура.

Возможность, действительность и вероятность здесь выступают и как оценочные категории, по которым объект политики судит о ее субъекте.

В более широком плане возможность, действительность и вероятность в украинской политике представлены как движение Украины от менее совершенных форм политической самоорганизации к более совершенным. Данное движение имеет одно, объективно определенное направление, энергия которого вызвана именно этим соотношением. Поскольку действительность есть реализованная возможность, украинским политикам необходимо постоянно устанавливать меру этой реализации, за пределами которой возникает очередная возможность, которую они должны превратить в действительность. Мера здесь играет роль временного показателя, по которому можно судить об уровне реализованных возможностей.

Для Украины возможность и действительность — основное движение, на котором возникает политика и которым она питается. Сегодня украинские возможности, мягко говоря, весьма скромно представлены в украинской действительности. Можно даже утверждать, что Украина находится в состоянии возможностей реализации возможностей, причем это состояние нельзя назвать даже начально состоявшимся, поскольку основного показателя реализованной возможности, т. е. действительности, — утверждения современной, отвечающей “мировым стандартам” социальной системы — еще не существует. Если же иметь в виду потенциал украинства, для которого такая система — только возможность реализации национального потенциала в благоприятных для этого социально-экономических, духовных и политических условиях, то факт нереализованных возможностей украинства становится очевидным. Поэтому современную украинскую действительность следует воспринимать как слабое воспроизведение украинских возможностей. Для политики — это основной источник эффективности, та сверхприбыль, которую она может получать, постоянно обращаясь к этому источнику. Диалектическое развитие здесь в том и заключается: постоянно наращивать действительность за счет реализованных возможностей, и если вести политическую борьбу, то только с таким прицелом. Иного не дано, причем любое посягательство на этот источник саморазвития украинской политики превращается в антиукраинскую акцию, подвергаемую преследованиям. Тем более важно исходить именно из такого видения соотношения возможности и действительности, так как в нем присутствует некое допущение, хотя и имеющее под собой реальные предпосылки. Трагизм формулы для политики, особенно украинской, заключается в том, что эти реальные предпосылки могут не обнаружиться, если политика не создаст для них необходимых условий, хотя, в свою очередь, “неприятностью” для нации является то, что это обнаружение зависит от политиков. В 1991 г. в силу сложившихся политических обстоятельств, в Украине, создались необходимые положительные условия для реализации национальной идеи.

В настоящее время Украина находится в состоянии нереализованных возможностей. Для их реализации ей нужна сильная политика, последовательное движение от действительности как одной реализованной возможности к действительности как другой реализованной возможности в рамках национальной заданности. Все остальное — преходяще, временно и должно с достаточной степенью политической мудрости представляться именно в таком качестве. Возможно тогда

будет предана анафеме та политическая борьба, которую позволяют себе вести народные представители вопреки глубинным интересам населения Украины, стремящегося к общецивилизационному благополучию на основе максимального использования национального потенциала. Служение указанному стремлению — высший долг политика, и его обращение к этому потенциалу на базе мирового опыта представляется как высшая не только политическая, но и патриотическая мудрость.

Вероятность как мера соотношения возможного и действительного в украинской политике — это расчет движения от действительного к возможному. Такой расчет в Украине имеет множество вариантов государственного, партийного и академического характера. Но многовариантность здесь — не набор совершенных вариантов с отличительными нюансами, которые могут возникать как воспроизведение объективированной идеи, а преимущественно кабинетные, созерцательные, не построенные на глубоком научном анализе украинских реалий программы, которые посвящаются снятию или смягчению так называемых кризисных явлений и во многом популистскому стремлению повисить как можно быстрее уровень благосостояния народа.

Такая вероятность в программном изображении иногда воспринимается народом как некая надежда на улучшение. При этом не учитывается то обстоятельство, что подобное программирование не может дать должный простор созиданию — всеохватывающему, постепенному с постоянным наращиванием потенциала, целенаправленному и вдохновляющему в своей исторической правоте и неотвратимости объективному самодвижению великой нации, вышедшей на общецивилизационный путь развития, переборовавшей, наконец, колониальную зависимость и социально-иллюзорную идеологию.

Поэтому уже само наличие очередной “кабминовской” программы свидетельствует о том, что украинские возможности в программной вероятности не могут быть достаточно полно представлены и реальный потенциал Украины не найдет в них адекватный организационный выход. Задача заключается в том, чтобы создать картину полного соотношения на украинской почве возможности, действительности и вероятности в их потенциальном самодвижении от казарменного социализма к социализированному капитализму и таким образом перейти от программной очередности, связанной со сменой государственных деятелей, к глубокому всестороннему, исторически оправданному и потенциально подкрепленному расчету движения Украины к высшей отметке современной цивилизации.

Поскольку возможность для принятия политических решений — основное условие их эффективности, украинский вариант использования этой диалектической категории заключается в том, чтобы видеть в вероятности этой возможности ту глубинную действительность, которая пронизывает украинскую историю как закон ее развития, и на этой основе строить любой вариант вероятностного движения возможностей. Это, в конечном счете, и есть методология украинской политики, ее объективный гарантированный фундаментальный потенциал, в пределах которого будет постоянно, с нарастающей мощью возникать та действительность, которую призван организовать корпус национальных управляющих.

3.4. Часть и целое в политике

Политическая культура тем выше, чем объемнее представление политического деятеля об объекте, на который направлено его политическое поведение. Эта объемность наиболее полно представлена в системном подходе, основой которого является философское определение целого и части.

Как известно, целое — это такая сущность, которая является новым следствием взаимодействующих частей и потому не сводится к ним, хотя и пронизывает их. В целом происходит процесс саморазвития и самовоспроизведения частей, приводящий к параллельному, одновременному развитию первого и второго на основе их соотносительности. Поэтому ни одна часть не может измениться без того, чтобы не изменились другие части. Закон обратной связи “питает” как целое, так и часть. Поэтому политик обязан познавать целое через его части и наоборот — части через целое.

Сам же системный подход не сводится к понятию “целого” и “части”, поскольку целостность — это высшая ступень системы, и поэтому в политике необходимо добиваться такого развития системы (например, системы государств), которая вышла бы на уровень политической целостности.

Для политики, если речь идет о социальных объектах, целое и часть неразделимы и даже учет того, что объект имеет структуру, не может принципиально влиять на политическое решение, а тем более поведение. Высшая политическая ценность — человек — не изменяет своего статуса в зависимости от его социально-структурного положения. Понятия “народ” и “человек” в политике принципиально идентичны. Но

реальная политика, ее эффективность в огромной мере зависят от политически (и философски) зрелого расчета структурного состояния объекта. Мировая гуманистическая мысль исходила и исходит из центрального, основного, глубинного объекта политики — человека, и в любом социальном образовании, вплоть до человечества, видит человека как человечество и человечество как человека. Поэтому принятие политических решений не может быть политически оправданным, если оно несправедливо хотя бы по отношению к одному человеку. В философском плане — это посягательство на нормальное развитие целого, коль скоро основная его часть — человек, подвергалась неестественному ни для целого, ни для его части вторжению.

Конечно, главное в политике — это целое, как идеальный вариант воздействия, но не за счет части, а во имя части, также как и во имя целого. Политика как “интерес миллионов” стремится через единение частей и целого создать то новое качество, на что в автономном режиме неспособна часть, и “питает” ее этим качеством. В этом смысле прогрессивна любая здоровая, отражающая всю гамму интересов частей политическая интеграция, если она суть проявления макроцелого, всех его уровней, от человечества до человека. Безошибочность политического действия на такой методологической основе гарантируется, и в этом спасение политики, смысл ее существования. Она в таком виде содействует развитию как целого, так и частей, находит на каждом этапе их взаимозависимостей те решения, которые выступают в качестве политических импульсов взаимодействия целого и частей, в которых только и может эффективно реализовываться эта взаимозависимость. Поэтому системный подход в политике — это не “снятие пенки” с реального взаимодействия частей, а расчет в первую очередь потенциала частей как основного источника образования и питания целого и в то же время расчет политических дивидендов от функционирования целого, создание политических условий для его системного саморазвития. Но здесь должен учитываться и момент преимуществ целого, тем более системного целого, уровень развития которого, как правило, отличается по своим возможностям от части. Это порождает противоречие, убрать которого возможно только на основе демократизма целого, политически зрелого понимания частью объективной невозможности располагать всем тем, чем располагает целое, хотя уровни этих возможностей зависят от характера целого и потенциала частей, его составляющих. По крайней мере, известные истории политические целостности и их части иллюстрируют именно такую политическую реальность. Ее эволюция

возможна только в направлении образования таких форм целостности, которые снимут сами политические отношения и политику, как обслуживающую их систему.

В таком методологическом ключе иллюстративно достаточной может быть характеристика политического целого и его частей в любом политическом поле, в любом временном и пространственном их виде.

Например, территориальная целостность государства только тогда обеспечена, когда экономические, политические, социальные и духовные его части находятся в таком режиме взаимодействия, который достаточно полно питает эту целостность. Причем каждая из частей этой целостности должна находиться в такой степени сбалансированности, чтобы у политики хватило сил и возможностей обеспечивать нормальное функционирование целостности организационно-политическими средствами. Это тем более важно, что территориальная целостность государства на политическом уровне находит для себя высший гарант сохранения, но он может существовать в этом качестве только при определенной мощности названных частей. И в таком соотношении целого и части постоянно создается новое качество территориальной целостности как государственного явления, только в нем она способна развиваться.

Политическая жизнь, например, современной России, явно не располагает такой целостностью, поскольку ее государственная целостность сегодня не обеспечивается должным уровнем экономического, политического, социального и духовного развития. Поэтому идея национального самоутверждения здесь зачастую выступает в уродливой форме. Подобное происходит и в других регионах бывшего СССР. Наиболее же полно (сравнительно) эта целостность обеспечена в Украине, народ которой наиболее эффективно реализует национальную идею, что во многом связано с уровнем развития межнациональной целостности, характерной для Украины на всех этапах ее развития, хотя последние неодинаково представляли эту целостность. Именно это обстоятельство и предопределило относительное межнациональное благополучие Украины по сравнению с другими государствами бывшего СССР.

На уровне персональной политической деятельности целое и часть как философские категории входят в структуру видения политиком объекта деятельности. Для лидера государства целое и часть — постоянные величины при принятии политических решений, поскольку пределы его деятельности — общество как система, политические институты как система. Любой вопрос, который разрешает лидер государства, также имеет для него системное содержание, но не потому, что системен

любой вопрос, а потому, что за его решение берется один из основных элементов системы.

Системным как целостным следует, например, считать политические решения высшего уровня, на основании которых изгонялись из страны инакомыслящие или преследовались по политическим мотивам люди, находящиеся в политической оппозиции к режиму.

Как соотношение части и целого в персональной политической деятельности можно считать все конкретные правовые акты, которые реализует тот или иной политик в системе отношений, обеспеченной высшим правовым актом — конституцией страны. Как политическую целостность можно представлять и персональную функциональную компетенцию политика, реализация которой происходит в процессе использования правовых актов (политических решений), призванных обеспечивать эту функциональную компетентность. Здесь “ведомственность” выступает как целое, а реализация конкретных правовых актов, политические решения — как часть этого целого.

К изложенному следует добавить, что в структуру политического профессионализма входит философское видение политиком не только своей деятельности, но прежде всего политических процессов, институтов, норм в системе общественных отношений как высшей целостности, по отношению к которой они являются частью.

И, наконец, целое и часть часто не учитываются в политической деятельности представителей части избирателей, которые могут выступить в “целом” — допустим, в парламенте страны, с требованиями, игнорирующими возможности целого, его интересы. Часть в таких случаях может оказать давление на целое. Не менее опасно “поведение” целого, не учитывающего возможности частей, их интересов. И то, и другое тормозит развитие и целого, и части.

В настоящее время в парламенте Украины (да и других государств) монопольные интересы зачастую берут верх над общегосударственными, что отрицательно сказывается на общем ходе развития страны. Баланс частей объединяется не в политических, а в финансовых расчетах, например в бюджете государства.

Но такой расчет по своей природе схематичен, статичен, поскольку не определено возможное поведение целого (да и частей) в собственной заданности, в том потенциале, который только и может быть расчетным основанием целого и частей. В качестве целого Украина не представлена в научно осмысленном потенциальном как некий объект, имеющий свои параметры, энергию, в том числе генетическую, в реальном

представлении экономики, культуры и политики их потенциалов, из которых вытекает цель развития как объективированное явление, лишенное субъектно-программного насилия. И даже в последнем варианте не состоялось такое обозначение (оформление) цели, конституционная размытость которой не создает достаточно точных ориентиров общественного, группового и личного порядка.

Часть и целое в украинской политике в современных условиях постоянно “конфликтуют”, поскольку целое не обеспечивает нормальную жизнедеятельность части, а часть далеко недостаточно обеспечивает как энергию целого, так и, в известном смысле, его целостную упорядоченность. Поэтому задача политики и политиков заключается в том, чтобы находить такие средства политического воздействия на соотношение целого и части, которые если не гармонизовали бы это соотношение, то хотя бы не превращали его в источник нездорового политического развития или, по крайней мере, замедленного его варианта. В этом контексте политическое использование Конституции Украины, правового банка с профессионально достаточным управленческим корегированием объективного состояния украинских экономики и культуры, с правовым вторжением в их активное функционирование представляется довольно точно рассчитанным вариантом выбора таких средств.

В Украине целостность как основная характеристика системы является тем основным качеством социальной системы, которое именуется государственностью, ее достаточным суверенным основанием. Известное различие западных и восточных регионов страны в национальном воспроизведении этнического не следует считать показателем отсутствия целостности, поскольку это показатель уровня развития национальной культуры, который со временем должен войти в системно сбалансированное состояние, что зависит от развития не только духовной, но и материальной культуры.

Однако высшая ступень целостности на определенном этапе, особенно в период становления новой социальной системы, все же обеспечивается уровнем развития национальной государственности, что вызывает необходимость ее постоянного укрепления. И в этом смысле политика не может быть достаточно эффективной, если она не целостная, не обеспечена должным идейно-организационным потенциалом, постоянным и все более эффективным влиянием на гармонизацию интересов различных групп населения, личности и общества.

Поэтому украинские политики, позволяющие себе вести политическую борьбу в самодовлеющем варианте, объективно действуют против

украинской целостности, несмотря на их клятвенные заверения в служении ей. Но видение глубинных процессов, их учет в политике, — как известно, проявление высшего профессионализма. И поэтому при заботе о целостности следует исходить не из видимой данности, не из живого материала, который так убедителен при воздействии на объект политики, а именно из философски-политически точного учета и расчета тех глубинных процессов, которые содействуют (или мешают) укреплению украинской целостности. Такими глубинными процессами, укрепляющими украинскую целостность, можно считать приоритетное развитие этнонациональной идентичности, значительно размытой трагической историей украинства; самоутверждение личности через все более мощную частнособственническую самоорганизацию украинского общества; поступательное развитие национального и личного суверенитета; возрождение национальной духовности и др.

Часть в украинской целостности достаточно полно идентифицирована для восприятия Украины как унитарного образования. Региональная политика на уровне части со стороны как целого, так и самой части достаточно эффективна, коль скоро унитаризм фиксируется как качество социальной системы не только конституционно, но и жизненно. Известное противоречие между частью и целым проявляется в Украине как здоровый источник развития. В этом аспекте украинская политика, в том числе и региональная, достаточно эффективна. Феодализации мышления частей, подобно той, которая наблюдается в России, в Украине не существует, что еще раз подтверждает тезис о здоровом состоянии украинского унитаризма.

Но это здоровье нуждается в постоянном политическом укреплении, что, в свою очередь, вызывает необходимость его экономического, социального и духовного обеспечения через общий подъем благосостояния народа. Именно политический унитаризм имеет решающее значение, поскольку он призван обеспечить общенациональную сбалансированность путем внедрения украинской национальной идеи как программы самоутверждения народа Украины.

В Украине часть (регион) непосредственно питает целое, которое есть основной гарант современного развития страны как целого и региона — как ее части. Имеется в виду не налоговое, а органическое питание целого, в котором заложен высший потенциал крепости части. Поэтому региональная политика — это не только и даже не столько самоорганизация регионов, а государственная централизованная политика, в которой действует основной принцип: “целое во имя частей и за

счет частей, часть во имя целого и во имя части”, реализующийся на диалектической основе.

С точки зрения философии политики, соотношение части и целого на личностном уровне в украинском варианте состоит в том, чтобы целое давало максимально возможный простор для частнособственного и социально-культурного самоутверждения личности на началах национального и общецивилизационного интереса Украины. Здесь украинская политика выглядит особенно оригинальной, поскольку практически неограниченное разнообразие индивидуальных возможностей личности должно получить для себя принципиально новую среду, в которой она может себя проявить, в то время как социалистический коллективизм, который достался нам в наследство, именно тем и был социально вреден, что обезличивал личность, превращая ее в “винтик”, призванный служить эфемерным идеалам, в практической жизни — так называемым высшим интересам, которые в действительности были интересами господствующих сил. Поэтому именно политическими средствами, в том числе и государственными, следует расчищать дорогу для утверждения суверенитета личности, в том числе и в предпринимательской форме.

Таким образом, создать и развить новый тип украинской целостности на основе ее принципиально новой исторической задачи с максимально точным расчетом ее роли в развитии частей и одновременно опираться на потенциал частей как на главный глубинный фактор существования и развития целого — абсолютный вектор украинской политики, использующей в своем деятельном начале диалектические категории целого и части.

3.5. Политическое содержание и политическая форма

В политике зачастую смешиваются содержание и форма, поскольку политическая форма может выступать в качестве решающего фактора разрешения тех или иных политических проблем.

Политическое соотношение содержания и формы, как и философское, внешне не вызывает разночтений, поскольку даже с точки зрения здравого смысла главное — это содержание, оно едино и только выступает в различных формах. Но существует великое множество фактов, когда именно на этом соотношении возникали политические недоразумения, снятие которых могло состояться только при более

основательном методологическом подходе к самим понятиям “содержание” и “форма”.

Диалектика содержания и формы предполагает их относительную самостоятельность при ведущей роли содержания.

Под *содержанием* мы понимаем тождественность компонентов целого самому целому, реальный процесс его существования, его данную определенность, выступающие в адекватной ему форме, которая может быть как внешней, так и внутренней. *Внешняя форма* — это граница содержания, отделяющая его от другого содержания, способ его выражения. *Внутренняя форма* — это качество содержания, его восприятие субъектом.

Та и другая формы, приложенные к содержанию, создают картину некоего тождества, определенного способа выражения содержания. Поэтому не существует так называемых отвлеченных от содержания форм, с абсолютно независимым статусом. Отсюда задача политика — постоянно исходить в своей деятельности из этого тождества, не упускать из виду ни содержательную, ни форменную (формальную) сторону явления, объекта. Игнорирование формы или ее предпочтение в равной степени вредны для политики.

Создается впечатление, что в политических, особенно организационных, отношениях существует сплошная формализация, особенно во внешней политике, когда поддержание отношений покоится на договорных началах, непосредственное выражение которых постоянно выступает в протокольной форме, и с нее, как правило, начинается очередное политическое действие. Поэтому одной из наиболее сложных задач политической деятельности является обрамление содержания в форму, которая превращалась бы в содержание, в содержательную форму. Знание ее должно быть достаточным для нормального воспроизведения содержания и такого представления о нем со стороны политика, которое помогало бы ему правильно ориентироваться в отношениях, его отражаемых.

В этой связи действенность формы иногда становится основным фактором воздействия одного содержания на другое. Это обстоятельство вызывает постоянную необходимость научно достоверного и политического компетентного оформления политических отношений. Буква здесь выступает как императивное отражение содержания, хотя, понятно, она не может быть абсолютным регулятором этих отношений, по крайней мере тогда, когда она противоречит здравому смыслу, очевидному. И в этом одно из наиболее сложных противоречий политики, убрать которое практически невозможно. Невозможность в данном

случае выступает как нечто не зависящее от политиков, от людей вообще. При внешнем восприятии содержания выразить его в формах, достаточных для полного представления о нем, нельзя, тем более что философски они обладают относительной самостоятельностью. И поэтому может сложиться политическая ситуация, когда форма превратится в ведущее начало, займет место содержания. Но именно в политике в таком соотношении следует видеть победу содержания над формой, так как форма теряет свою самостоятельность, передает ее содержанию, которое заменяет его другой, более адекватной формой. В связи с этим в политике так много значит форма, поскольку переход от формы к содержанию наиболее близок.

Вместе с тем в политической практике возможна ситуация, когда происходит процесс принятия решений в период изменения соотношения между формой и содержанием. Политическая деятельность в это время берет на себя функцию ускорения процесса передачи содержанием своих качеств новой форме, что вызывает особую потребность субъекта политики в политической зрелости ее объекта. Смена политических режимов — наиболее яркое тому свидетельство.

И все же содержание как тождественность компонентов целого с самим целым — более сложная политическая категория, чем форма, поскольку они находятся в неравном положении по отношению к субъекту восприятия, что зачастую приводит к умозрительной перестановке их местами. В политической жизни таких примеров предостаточно, причем даже в высших эшелонах политики. Например, нарушение политического или дипломатического этикета может быть внешней причиной ухудшения или свертывания отношений между сторонами, когда такое нарушение полностью связывается с содержательной стороной отношений, хотя может включиться в процесс этих отношений и непредвиденный субъективный фактор, и случайность, вплоть до природной. В таких ситуациях необходимы постижение содержания отношений, отвлечение его от неудачно проявившей себя формы и создание условий для полного постижения содержания. Даже межгосударственные договоренности могут быть формой, не отражающей содержание. Например, пакт о ненападении между СССР и фашистской Германией, заключенный в 1939 г., явно не соответствовал содержанию отношений между двумя государствами. Предпочтение форме перед содержанием имело место во всех советских конституциях, которые провозглашали принцип правовой фиксации уровня развития, достигнутого страной, в то время как содержание этого разви-

тия не соответствовало правовой форме, в которую его постоянно “втискивали”. На индивидуальном политическом уровне зачастую форма существенно влияет на содержание, если она предлагает новые, более совершенные просторы для проявления содержания. В таком варианте личные качества политика, выраженные в оптимальной для данной ситуации форме, могут стать средством гармонизации отношений между формой и содержанием. Такое воздействие, однако, может состояться только тогда, когда форма “искренна”, адекватна содержанию, а не является результатом его умышленного искажения с помощью создания искусственной формальной конструкции.

Иллюстрацией этого положения является личностный бюрократизм как управленческое искажение содержания, причем это искажение может преследовать цель как использования “хорошего” содержания в личных целях, так и прикрытия “плохого” содержания, которое рассчитывает на относительную самостоятельность формы, ее собственный потенциал.

Методологически же наиболее полно соотношение политического содержания и политической формы представляет положение о том, что сама политика и даже политические отношения как ее непосредственная база — это форма социальной организации общества, порожденная набором потребностей и интересов, т. е. их содержанием. Но относительная самостоятельность политики и политических отношений способствовала появлению собственных содержания и формы, которые принципиально стремятся к такой же адекватности, как и более глубокие их основания.

В Украине сейчас явно преобладают формы, поскольку заимствован опыт формальной организации политической деятельности развитых капиталистических государств, выстраданной в процессе национальных эволюций социальной самоорганизации народов. Уже сам факт наличия президентско-парламентской республики, властной триады — законодательная, исполнительная и судебная власти — это слепок с готового образца, существующего в мировой государственной организации. Украинский политический социум не отражает уровень развития, эволюционное движение от низших форм политической организации к высшим (хотя можно ли назвать президентско-парламентскую форму государства высшей с учетом мнения У. Черчилля о демократии как форме правления). И поэтому украинская демократия, появившись в украинской государственности как “импортное” явление, переживает все несовершенство реальной мировой демократии. Заметим, что последняя не испытала естественно-исторических

мук становления и развития, характерных для украинства. Думается, что это достаточно яркий пример преклонения перед формой в ущерб содержанию. Украина стремится наполнить несвойственную ей форму своим национальным содержанием, что далеко не всегда удается, так как для этого необходимы известные экономические, культурные, организационные и политические предпосылки, которые, повторяем, складываются также в известном историческом времени (при прочих равных условиях).

Поэтому и существует в Украине противоречие между целым (народом Украины, его историей, реальным экономическим, духовным и организационным потенциалом) и компонентом целого — политической системой, что является содержанием в диалектическом понимании. И это не неадекватность набору интересов (тогда политическая борьба проходила бы не в депутатских кулуарах), а именно несоответствие политической системы демократическому состоянию объекта, т. е. неадекватность формы содержанию.

Украинская внешняя форма как граница содержания, отделяющая его от другого содержания, как способ его выражения в этом смысле не имеет собственного вида, поскольку в ней нет подлинного, исторически достигнутого уровня национального политического развития. К моменту исторического политического перерыва, который начался в 1917 г., политическое содержание находилось в состоянии постоянно открытого противостояния имперским претензиям России, сопровождавшимся навязыванием Украине не свойственных ей форм политической организации общества. Политически более изощренный способ такого навязывания, примененный большевизмом, сработал настолько эффективно, что по силе разрушения украинского национального демократизма оказался намного сильнее откровенно и достаточно примитивно внедрявшегося российского политического режима, так и не ставшего естественным для украинства, несмотря на насильственное господство на протяжении столетий.

Внутренняя форма украинской политики как общественного явления сегодня более органична украинству, поскольку существует как противоречивая данность, в которой борются два начала: собственно украинский национальный демократизм как воспроизведение традиционного, исторического, генетического и советская или европейская формы политической организации и приемов профессиональной политической деятельности, которые и в первом, и во втором вариантах не содействуют самоутверждению подлинно национальной политики как объективной потребности украинства. А это значит, что форма, приложенная к

содержанию, не создает достаточного простора для его развития, тем более, когда речь идет о политически неоднородном содержании.

Поэтому, задача украинских политиков усложняется, поскольку им приходится прилагать дополнительные усилия для того, чтобы находить способы совмещения форменной и содержательной сторон явлений, так как обе стороны не позволяют относиться к себе, как к определенной самодостаточности, хотя политических акций подобного плана в украинской политике предпринимается много. Но это приемы борьбы политических сил, которые часто используют искусственное возвышение формы над содержанием с тем, чтобы придать своим действиям внешне законный характер. Поэтому стратегическая задача украинской политики — полное приведение в соответствие формы и содержания, что предполагает коренное изменение как первой (формы), так и второго (содержания) исходя из их известной автономности и силы воздействия на политику как на национальное явление.

Понятно, что общественное сознание категорично предпочитает видеть абсолютное господство содержания как естественное его положение во взаимоотношениях между ним и формой.

Именно абсолютное господство содержания, независимо от его осознания объектом (народом, нацией, социальной группой, личностью), не представлено как идеал в Конституции Украины, содержательная сторона которой является социально-правовым осмыслением не реального состояния развития Украины, а скорее ее исторического потенциала, опора на который и позволила создать Основной Закон страны. Но в таком качестве Конституция воспринимается как формальное, как форма, не соответствующая содержанию явлений, которые она обязана точно воспроизвести в правовом аспекте.

Даже украинская организация правовых взаимоотношений на базе Основного Закона страны создает впечатление приоритета формы, поскольку многие правовые нормы не работают, что и вызывает определенную неупорядоченность общественных отношений, и как следствие — недовольство населения страны. Социальная поляризация, разгул преступности, рост безработицы и т. д. — свидетельства этого. Поэтому зачастую создается впечатление асоциальной роли формы, которая камуфлирует действительность, служит прикрытием неблагоприятного содержания, а иногда и помощницей в преступных действиях, предпринимаемых под прикрытием довольно убедительной формы. Пример с экс-премьером П. Лазаренко — горькая демонстрация роли формы в качестве должного прикрытия откровенно антигосударственной практики использования возможностей формы.

3.6. Качество, количество и мера в политике

Для деятельности политика крайне важно умение эффективно использовать качественные и количественные характеристики объекта, явления, устанавливать количественную границу данного качества, т. е. его меру.

Философски качество — это то, что отличает одну вещь от другой, те свойства и состояния, которые дают возможность представить ее целостную характеристику, отражающую внутреннюю и внешнюю определенность вещи, а также потенциал возможных изменений под воздействием среды, создающий ее относительную устойчивость. Это тем более важно, что свойства вещи могут видоизменяться под влиянием различных факторов, вплоть до возникновения новых свойств.

Количество как категория отражает общее и единичное в вещах и явлениях, хотя это отражение имеет “беспристрастное” содержание. Но именно это беспристрастное позволяет количеству выполнять свое основное назначение — быть формальным выразителем объективной дискретности вещей и процессов, их расчлененности.

Для политики в этой связи важны реальная связь качества и количества, их нерасторжимое единство, выражающееся в мере, т. е. в количественной границе данного качества, в пределах которого оно может видоизменяться, не теряя своей сущности, хотя количественные характеристики могут преобразовываться при определенных условиях в качественные, и наоборот. Постепенные количественные изменения и возникающие в связи с этим изменения отдельных сторон данного качества выступают как эволюция, как непрерывное изменение. Прерывание такой постепенности означает переход в новое качество. Оно выступает как единство ушедшего и возникшего, отрицания и утверждения.

Последнее проявляется в виде скачка, определяемого внутренними и внешними факторами развития и выступающего как в единичном, так и в общем вариантах. Первый означает появление отдельных новых свойств предмета или явления, второй — их полное утверждение.

Политическое качество — основной ориентир для принятия решений, так как количество в политике — это не статистический показатель, а прямое указание на необходимость устанавливать новое качество, если даже абсолютная повторяемость его налицо. Именно в политике нет беспристрастного количества. Его дискретность в данном случае не только проявление прерывности процесса, но и того, что объект изменяет свое поведение для приобретения нового качества, восстановления нарушенного равновесия, накопления необходимого в новой обстанов-

ке потенциала. Изменение количества атак, в том числе и политических, если заданный результат не достигнут, — одна из иллюстраций такой дискретности.

Принято считать, что политика не должна быть щепетильной в подходе к количеству в силу ее высшего качественного назначения. По отношению к людям счет зачастую идет на миллионы. Политик заранее программирует людские потери, именуя их количеством. Это величайшее заблуждение, которое возникло на эмпирической основе. Именно политика, политическая деятельность призваны избегать человеческих жертв, тем более не допускать войны как продолжения политики иными, насильственными средствами. Война — это уже не политика, а поражение политики, поскольку реализация интереса как общечеловеческого качества имеет объективные основания, заложенные в биосоциальной среде.

Для политики чрезвычайно важно в каждом рассматриваемом качестве выяснять его определенность, устойчивость с тем, чтобы политическое решение могло обладать должной степенью конкретности. В то же время конкретность по отношению к качеству — это расчет не только на политическую данность, но и на ее потенциал, на возможное изменение. Поэтому данность как определенное качество устанавливается с учетом возможных факторов воздействия на нее в политически значимых времени и пространстве. Значимость же определяется как решение политической задачи с максимальным для нее эффектом и с наименьшими политическими потерями.

В политике важно также не абсолютизировать закон перехода количественных изменений в коренные качественные. Именно искусство политика должно предупреждать накопление отрицательного количества (хотя философски это невозможно) и содействовать накоплению положительного с тем, чтобы первое не перешло в новое качество, а второе — как можно скорей стало им. То обстоятельство, что накопление отрицательного — закон развития, вовсе не отрицает возможности политическими средствами так растягивать его во времени и пространстве, что это отрицательное объект в своем развитии будет чувствовать менее остро. Эволюция в этом смысле вполне естественна и достаточна даже для политического развития.

Поэтому политическое влияние на меру, регуляция границ ее существования как “охранника” определенного политического качества, представляется задачей, которая постоянно возникает в процессе подготовки и принятия политических решений. И если все же переход количественных изменений в качественные происходит в виде скачка (а это

неизбежно), то в политических силах сделать его “естественным”, помочь спокойно разделить единству прошлого и настоящего, уходящего и возникающего, отрицающего первое и утверждающего второе. Причем для политика чрезвычайно важно определить, касается этот скачок одной, нескольких или всех сторон явления (объекта). Политическая стратегия и тактика в этой связи существенно разнятся.

По отношению к практической политике возникают вопросы: существуют ли количественные характеристики в политике; Можно ли считать количество политической категорией? Изложенное выше достаточно полно отвечает на эти вопросы: политика как сущность, явление, содержание, мера и так далее имеют количественные и качественные характеристики, свою меру, иначе приложение к ней этих философских категорий было бы невозможным.

Но есть и другая сторона вопроса, которая также имеет свои резюны. Дело в том, что сама политика — это уже уровень количества, который прикладывается к явлению, количественно вызревшему настолько, чтобы иметь статус политического. Политическое количество — это уже состоявшееся качество, результат тех количественных накоплений, которые привели явление к политическому качеству.

В этой связи, например, наличие многопартийности — не суть свидетельство уровня развития демократии, количество членов политического учреждения — не показатель его силы, количество государственных предупреждений о недопустимости определенного поведения другого государства, количество участников подготовки политического решения и т. п. — также не свидетельство возможности перехода таких политических количеств в качество. Эти примеры показывают, что именно в политике количество и качество находятся в наиболее тесной взаимосвязи, обладают такой автономностью, которая свидетельствует о качественно-количественном и количественно-качественном содержании любого политического явления, включая и человека как политический объект. Даже демократия не имеет количественных измерителей, она — качество и только качество, поскольку в виде количества здесь выступает любое явление, которое, выйдя на определенный уровень (меру), приобретает статус не только политичности, но и демократичности. Мера политического качества здесь заложена в самом явлении: оно политично — значит демократично, оно демократично — значит политично. В этом состоит мера политичности в любом явлении.

Таким образом, состояние политичности и есть показатель количества, качества и меры явления, поскольку политика — это явление, сущ-

ность которого находится в таких слоях социального организма, в которых переход количества в качество уже состоялся, более того, этот процесс происходит постоянно, чем постоянно “питает” и развитие политики. Например, смерть солдата на поле боя — это политический акт, который не вызван войной как политическим явлением. Он отражает уровень отношений между воюющими сторонами, так как само социальное развитие “вытолкнуло” политику, которая должна снять это явление, но сможет это сделать только при известном уровне развития цивилизации. И нет такого “заданного” количества погибших солдат, которое можно было бы представить как достаточное для перехода отношений в новое качество, хотя уровень развития цивилизации в истории человечества такие количества определял. Но это не значит, что при наличии определенного количества солдат и вооружений любая страна мира могла рассчитывать на известное качество. В меру этого качества входило такое количество факторов, которое превращало исторически известное количество в уникальное явление. Именно количество как объективная дискретность вещей и процессов в политике нуждается в определенной среде “превращения”, и эта среда всегда присутствует, иначе переход количества в качество просто не состоится. В этом сила политики, политической деятельности, в этом ее одно из высших назначений: быть средой “превращения” количества в качество, мастерской меры этого нового качества. Перефразируя известное изречение, отметим, что дело политика не создавать законы, а выражать в своих политических решениях причинно-следственные зависимости, заложенные в самих вещах, явлениях.

Количество и качество в политике могут выступать как энергетические явления, как сила. Количество здесь приобретает статус естественной энергии, которая порождает новое качество только потому, что оно количественно требует новых просторов, новой среды обитания и поэтому выступает как новое качество. Например, политическая победа, достигнутая более крупной в военном отношении страной, — не суть превращение количества в новое качество, так как катализаторы этого количества не способны быть средой появившегося качества. Если есть интерес троих, это не значит, что не совпадающий с ним интерес четвертого является показателем превосходства интереса троих. В политике — это, по сути, основной принцип, так как в основе его лежит естественный суверенитет личности, который не зависит от количества этих личностей. Это автономное право человека, не зависящее от социального количества. Это высшая политическая ценность и в сохранении ее — высшая политическая мудрость. Поэтому мера здесь состоит

в том, что как бы не преобразовывались по отношению к человеку количественные характеристики, он всегда будет находиться в том качестве, на которое не повлияют никакие изменения, в пределах которых это качество может потерять свою сущность. Человек всегда останется в качестве основного, единственного объекта политики. Потеряется эта связь — исчезнет политика. И поэтому количество людей в политике не имеет принципиального значения. Гибель одного солдата на поле боя и гибель армии — политически принципиально одно и то же, поскольку политическое количество нельзя представлять в автономном режиме, это — две стороны одной количественно-качественной модели, скачок в развитии которых является объектом деятельной политики.

Особое место в политике занимает *мера*. Уже в хрестоматийном постулате “политика — это мера возможного” выражено политическое назначение меры. Мера как количественная граница определенно качества, в пределах которого оно может видоизменяться, не теряя своей сущности, в политической практике зачастую не имеет расчетных оснований. Мера используется как способ достижения искомого результата, но отнюдь не как способ сбалансирования политических отношений. В качестве меры могут выступать договор, соглашение, программа, стратегическое или тактическое средство, принцип, концепция и т. д. В конечном счете, мера сопровождает любую политическую акцию, любой политический документ. Установление меры должно сопровождаться точным расчетом того количества, которое с необходимостью приведет к появлению нового качества, что и будет мерой этого процесса. Например, количество военнослужащих в одной стране свидетельствует о ее политической платформе, количество управленческого корпуса страны — об уровне ее демократизма, количество общественных учреждений народа (партий, объединений и пр.) — о политическом плюрализме, количество правовых норм, регулирующих жизнедеятельность общества, — об уровне его свободы и т. д. Конечно, все эти показатели имеют качественные характеристики и свидетельствуют о сущности явления, но поскольку мера — это количественная граница данного качества, политическое установление сущности явления через количественную меру является одним из наиболее эффективных философских оснований политической деятельности.

Украина как качественно оригинальное образование претендует на это определение в общей структуре национально (этнически) организованного человечества, что и предопределило ее самостоятельность

как объективного явления. И в политике это обстоятельство представляет собой глубинный вектор любого политического действия, как внутреннего, так и международного характера. Выход за его пределы в отрицательном и даже положительном плане обрекает политику на беспомощность, принимающую характер откровенно некомпетентного действия, на которое объект политики реагирует соответствующим образом. Поэтому качество Украины — это не только отличие от других “вещей”, но и принцип нормального политического развития и достаточно эффективной политической деятельности.

Качества Украины — природные, социальные, духовные, геополитические — дают основания утверждать, что речь идет об одном из наиболее мощных образований, политическое обслуживание которого ожидает успех даже при менее значительных усилиях украинских политиков по сравнению с усилиями политиков других, даже более развитых стран. Эти качества гарантировано дают рассчитанный эффект на уровне современной цивилизации. И это при объективной для Украины необходимости обогнать историческое время в создании современной социальной системы и при прямой зависимости этого создания от политики и политиков. Поэтому качество Украины должно быть обеспечено адекватным качеством политики и политиков, а с учетом их роли в организации новой социальной системы их качество должно опережать уровень проявления качеств Украины в данных условиях, обладать мудрой способностью совершенного использования украинского потенциала.

Украинское качество сегодня вышло на уровень признания количества как политического принципа, поскольку подлинный демократизм — это не участие народа в отправлении властных функций и даже не народовластие, а самоуправление, самовластие личности, превращение ее в реальный источник крепости социальной организации. Экономическая самостоятельность здесь выступает в качестве источника политической самостоятельности, и поэтому Украину можно квалифицировать как страну высокоразвитого демократизма, несмотря на противоречивость его проявления. Возможно, в этой противоречивости как в уровне упорядоченности социальной системы и закладывается сама невозможность жесткой регламентации общественных отношений, тот стабильный катализатор свободы, который и является подлинным источником существования суверенитета личности как абсолютного показателя развитости социальной системы.

Демократические нравы украинского переходного качества, избавившись от всего исторически привходящего, превратятся в норму

национального сознания и национального поведения: переход как радикальное движение зафиксирует в общественном движении те здоровые, прогрессивные нравы (начала), которые превратят украинское качество движения к высшим формам социальной организации в достойный для подражания пример самоутверждения нации. Объективная необходимость в расчете и учете социальной энергии конкретных личностей как высшая потребность украинской политики может стать нормой развития украинского демократизма. Счет на миллионы в качестве показателя политического равнодушия может уйти из политики именно в Украине как стране исторического политического трагизма. Украина в этом контексте создает собственную формулу перехода количества в качество: здесь качество, зависящее от политики, предопределяет его количественное восприятие с постоянным превращением в закон перехода количественных изменений в коренные качественные, в известное эволюционное развитие, к которому стремится Украина через самоорганизацию с помощью политики.

Поэтому мера как соотношение количества и качества в украинской политике регулируется переходностью системы. Скачок здесь и есть сама переходность, в которой постоянно, национально специфично проявляется единство прошлого и настоящего, уходящего и возникающего, причем любое явление приобретает характер системного, коль скоро оно приобрело политические качества. И поэтому, в частности, количественные показатели, даже весьма высокие, не являются свидетельством системных качественных изменений, по крайней мере, до тех пор, пока они не приобрели статус политического качества. Такова, например, партийная организация украинского общества, которая не отражает современного политического спектра украинства. Также не отражает экономической сущности украинского развития основной процесс утверждения новой социальной системы в количественном аспекте — формирование рыночных отношений, поскольку политическое воздействие на него явно неадекватно в силу известного несоответствия между экономическими и политическими процессами, происходящими в украинском обществе. Политическая среда для нормального превращения экономического количества в новое экономическое качество заметно тормозит это превращение, хотя историческая закономерность указывает на развитие, которое должна полностью признать украинская политика как организационная среда обитания новых экономических отношений.

И наконец, качество и количество в украинской политике настолько автономны, что часто создается впечатление их полной независи-

мости. Основное внимание общества обращено на качество, которое приемлется или не приемлется, и в “серийное производство”, т. е. превращение в нужное количество, запускается то качество, которое политически освящено, аргументировано и гарантировано. Иное воспринимается как политиканство, как личностное стремление к самоутверждению с использованием политического “кресла”. Политический риск и даже политическая смелость оцениваются только в эмпирическом варианте, как фиксация акцента на содеянном, а не на предполагаемом, проектируемом. Исторический опыт советского прожектерства весьма плодотворно влияет на восприятие политических средств разрешения переходных социальных проблем.

Политика должна не рисковать, а гарантировать — в этом видится предназначение украинской философии политики как средства организации новой социальной системы на основе не идеологической доктрины, а с учетом национального и общечеловеческого опыта развития цивилизации.

3.7. Политические противоречия и гармония в политике

Особое значение в политике и политических отношениях имеют противоречия.

Как известно, реальный мир развивается на основе единства и борьбы противоположностей, путем раздвоения единого на различное и противоположное, что является “первоисточником” существования систем и их развития. Основное выражение этого качества представлено в противоречии, предельным уровнем развития которого является конфликт.

Противоречия возникают в результате взаимодействия различных сторон предмета или явления, а также между ними. Это различие может быть существенным и несущественным. Оно также имеет предельный уровень: это противоположность, которая существует, однако в рамках единого, условием саморазвития которого является это единство и противоположность его сторон. Причем развитие может состояться только при условии постоянного снятия и воспроизводства противоположностей, поскольку в жизни любого объекта наступает этап самоотрицания.

Теоретическое воспроизведение противоречий в философской категории антиномии по отношению к политике выступает как способ установления их реального состояния и поиска политических путей

разрешения. Поэтому для политики чрезвычайно важно определить характер противоречия, который может выражать внутреннее или внешнее, неосновное или основное, непримиримое его содержание, и на этой основе найти способ его разрешения, причем такой, который бы содействовал развитию объекта или явления, содержащего противоречие. Здесь необходимо учитывать “потребности” самого противоречия и разрешить его в зависимости от этого учета полностью или частично, единовременно или поэтапно, исходя из того, что именно в политике через выбор способов разрешения противоречий проявляется закон единства и борьбы противоположностей.

В конечном счете, сама политика появилась как способ разрешения противоречий, но противоречий определенного типа, так как первая часть утверждения превращает политику в вечное явление, поскольку без противоречий невозможна жизнь.

Какого же типа противоречия “обслуживает” политика? Все ли противоречия должны разрешаться с помощью политики? Конечно, нет! Представьте себе некоторые противоречия, возникающие в межличностных отношениях, и вторжение политики в их разрешение сразу же обнаружит свою абсурдность, не говоря уже о противоречиях роста организма и т. п.

Однако существуют противоречия, которые можно снять только с помощью политических средств. Наиболее рельефно в этом смысле представлены антагонистические противоречия в социальных объектах — на основном поле политики, на том поле, где она и зародилась и с исчезновением которого необходимость в ней отпадет. Эти противоречия появились как результат различия интересов, объективных и субъективных. Поэтому в наиболее общей форме политика занимается интеграцией интересов, их взаимовлиянием, взаимозависимостью, удовлетворением на основе смягчения или учета их разности. Идеальное политическое снятие противоречий выступает в виде гармонизации интересов, что, однако, не уменьшает их различия, но создает условия, например, параллельного разрешения в рамках единого социального образования, не посягая в то же время на системные свойства этого образования. Антагонистические противоречия в таком аспекте существенно либерализуются по сравнению с недавними взглядами на возможности их разрешения, предполагавшими уничтожение одной из сторон противоречия, не имевшей права на существование не только в механизме этого противоречия, но и в социальной системе, его породившей. В таком подходе не учитывались резервы развития сис-

темы, и то, что их использование может привести к созданию новых базовых оснований и проявлению противоречий этого развития. Сторона антагонистического противоречия и в таком случае отпадает, более того, она может “захватить” с собой и один из элементов системы, который не угоден новому базовому основанию, но система при этом сохраняет необходимую сбалансированность, реорганизуется себя в соответствии с новыми базовыми возможностями.

В этой связи возникает вопрос о невозможности подобной реорганизации, о том состоянии, когда старое общество “беременно новым”, о несоответствии производственных отношений новому уровню производительных сил, т. е. обо всем том, что мы квалифицируем как объективные основания социальной революции. Без учета многообразия тех факторов, которые порождают социальную революцию, ее политический аспект, как правило, содействует приведению нарушенного соответствия в состояние принципиального баланса. Политическая революция потому и называется политической, что она реорганизует политические отношения в соответствии с новыми социально-экономическими и духовными реалиями, а не создает эти отношения, так как политическими средствами создать нечто, не имеющее элементарных базовых оснований, чрезвычайно тяжело. Поэтому, не следует полагать, что наши реформы — суть создание новой формации. Эта формация как уровень развития уже существовала в неестественных как для нее, так и для общецивилизационного развития условиях, выход из которых вполне возможен через политическую революцию, политическими средствами. И поэтому мы говорим о необходимости вернуть производителю отобранные у него социалистическим государством средства производства, ликвидировать его политическое отчуждение, в частности от управления, и т. д. Опыт 1917 г. в этом смысле не следует абсолютизировать, поскольку из основных методов политической революции был использован только метод вооруженного давления на политическое развитие, что было вызвано далеко не общеполитическими закономерностями радикализации общественных отношений. Другими словами, история нашей страны не является классической с точки зрения философии политики, а есть конкретная историческая данность, которая и изучаться должна как данность, а не как выражение всеобщего закона политического развития. Антагонистично ли было то основное противоречие, которое вызвало революцию 1917 г.? Конечно! Антагонизм его обнаружился уже в феврале 1917 г. Политическая система Российской империи изжила себя и должна была уступить место более прогрессивной — буржуазно-демократической, которая имела

достаточные базовые основания для демократического развития, но конкретное положение страны не позволило ей, по крайней мере во времени, проявить свой потенциал и поэтому привлекательность политических лозунгов большевистских сил была достаточным основанием для организации немедленного политического действия против молодой российской демократии. В послеоктябрьское время можно было бы организовать совместную политическую армию для организации жизни на новых демократических началах, но политическая нетерпимость ликвидировала эту возможность, а установление тоталитарного режима ее исключило. Дальнейшее известно.

На примере политической революции 1917 г. в России можно увидеть, что этап самоотрицания в политической жизни общества должен был “прибегнуть” к средству приведения в соответствие экономики и политики, духовной жизни и политики, политических отношений и политики. Этот же пример — свидетельство того, что именно политика, политическая деятельность призваны разрешать антагонистические противоречия.

Отметим также, что вторжение политики зависит от значимости объекта или явления в системе общественных отношений и поэтому политик выбирает и средства воздействия на них, особенно учитывая внутреннее или внешнее “место” противоречий.

Очевидно, что политика, политические отношения появились как следствие определенного уровня развития противоречий. В этой связи возникает вопрос о временном соотношении политики и противоречий. Ответ может быть однозначным: поскольку противоречия как источник развития, вечны, то и политика как их следствие также вечна. Но в таком ответе нет указания на то, что в истории человечества политика появилась как следствие определенного уровня развития противоречий. Этот уровень может быть обозначен как состояние противоречий, разрешение которых не может состояться “естественным” путем, а требует общественного договора, договора сторон, представляющих противоречия, определенных организационных усилий по их преодолению, причем усилий субъективных. Исторический же выход противоречий на уровень естественного самоснятия в системе гибких объективных факторов высокоразвитого материально и духовно человечества, в котором утвердятся гармония интересов, приведет к исчезновению политики. Ряд противоречий такого уровня развития уже не нуждается в политическом вмешательстве. Это часть экономических противоречий, снятие которых регулируется рынком, часть духовных противоречий, особенно связанных с отношениями творчества, и др. Конечно, антагонис-

тические противоречия без политического вмешательства не снимаются, но и судьба этого вида противоречий также не является неизменной. Их проявления видоизменяются, зачастую выступая как результат вторжения в них привходящих факторов, которые могут иметь случайный характер. Такая вспышка антагонизма, конечно, имеет свои, менее очевидные основания, но они существуют, и поэтому случайность здесь выступает как непредусмотренная связь явлений, но для политики, имеющей дело с реальным поведением, это обстоятельство имеет значение. Если политик, зная о глубинных факторах антагонизма, все же предусматривает их реальное проявление, причем в течение длительного времени — его деятельность следует считать удачной. Например, долгое время миролюбивые государства, зная об агрессивной природе фашизма, сдерживали (и сдерживают) его заметное влияние на межгосударственные и даже внутригосударственные отношения, хотя снятие этого антагонистического противоречия возможно преимущественно путем уничтожения одной из сторон этого противоречия, что в решающей мере состоялось во время Второй мировой войны. То же можно сказать о расизме, известных видах преступности и т. д.

В индивидуальной политической деятельности снятие противоречий происходит на основе учета общественного (системного) или личностного их происхождения, хотя источником могут выступать оба основания. Например, внутригосударственная политическая борьба альтернативных политических сил имеет оба основания. Карьеристские же претензии в политически безальтернативной обстановке, как правило, имеют личные основания.

В целом же снятие противоречий политическими средствами, сама возможность такого снятия свидетельствуют о здоровом состоянии политики, о том, что она выступает и в качестве гармонизации отношений, хотя понятно, что социальная гармония и политика — несовместимые явления: если есть первое — нет необходимости во втором, и если есть второе — нет необходимости в первом. Их сегодняшнее возможное сосуществование — это уровень развития как социальной гармонии, свойственного ей типа противоречий, так и политики в качестве необходимого средства разрешения реальных противоречий современного мира.

Противоречия в украинской политике сегодня играют особую роль уже хотя бы потому, что современный этап развития Украины сводится к разрешению противоречия между двумя социальными системами: социализированным капитализмом, который утверждается в Украине как естественное проявление общецивилизационных начал в историческом

движении человечества, и доктринальным социализмом, навязанным Украине привходящими историческими обстоятельствами и политизированным, научно несостоятельным их осмыслением. Была теоретически представлена историческая данность, а не закономерное развитие цивилизации, ее глубинные источники. В частности, в марксизме был теоретически зафиксирован капитализм без расчета его потенциальных возможностей к саморазвитию и снятию в процессе этого развития противоречий, которые марксизм представил в своем идейном арсенале как имманентно присущие капитализму на всех этапах его развития, что крайне политизировало марксизм и превратило его в доктрину классовой борьбы, а не в систему научных взглядов.

Поэтому сегодня необходим принципиально иной взгляд на развитие общества, в том числе и на социальные противоречия как источник его развития.

В политике этот принципиально иной взгляд состоит в том, чтобы представить саму политику и роль противоречий в ее осуществлении как средство гармонизации общественных отношений, как способ учета и расчета противоречий в управленческой деятельности, как энергию самодвижения социальных объектов, как возможность сознательного воздействия на процесс реализации интересов личности и общества в соответствии с потенциалом того и другого, соотносением в нем этого потенциала с субъективными представлениями о нем, в первую очередь с реальным вкладом личности, социальной группы, общества в их энергию. И дело не только в том, чтобы уйти от идеологизированного взгляда на противоречия, а и в том, чтобы поставить противоречия на службу социальному прогрессу, на утверждение в обществе социальной гармонии в общецивилизационном контексте. В таком видении роли противоречий политика предстает и как инструмент национального согласия, причем как межнационального, так и внутринационального.

Поэтому задача заключается в том, чтобы снимать противоречия на различных горизонтальных и вертикальных уровнях, в элементарном или системном поле. И горизонтальный и вертикальный уровни необходимы для развития части (элемента) и целого (системы). Высшая системность заключена в человеке, и поэтому следует типизировать противоречия конкретной социальной системы через индивидуальный критерий с тем, чтобы не перемещать противоречие из одного социального элемента в другой, а вознести социальное самочувствие личности в абсолютный показатель здорового развития общества.

Так называемые антагонистические противоречия тем самым должны разрешаться на одном из социальных уровней, что принципиально

возможно при гуманистической, общецивилизационной организации общественной жизни и именно с помощью политики, ее договорных возможностей. Иначе говоря, структура политики настолько многоаспектна, что в ней всегда можно найти необходимый для данного случая управленческий способ снятия противоречия, но в определенном, объективно необходимом времени и соответствующем пространстве. При этом не следует увлекаться одной из сторон антагонистических противоречий — борьбой противоположностей, необходимо постоянно помнить, что эта борьба происходит и в рамках глубинного, системного единства. В Украине сегодня это проявляется особенно рельефно, поскольку в украинском обществе глубинное единство на основе объективной национальной идеи является решающим, несмотря на то, что факты системно совместимой антагонистичности имеют место в политической жизни. Даже противоречие между социализмом и капитализмом, которое существует в Украине, не имеет принятой в большевистском варианте трактовки: в Украине параллельно с утверждением капитализма формируется и его социализированный уровень, тот социалистический капитализм, который демонстрируют миру современные развитые государства. Именно такое состояние социализма свидетельствует о его естественно-историческом вызревании в процессе развития цивилизации, а не насильственного строительства на основе диктатуры пролетариата...

Сегодня в Украине возникают и противоречия роста, более того, их можно считать основными, решающими.

В конечном счете все, что происходит сегодня в Украине, — это противоречия роста молодого социального организма, который преодолевает исторические болезни на пути своего национального утверждения. Поэтому задача заключается в том, чтобы с помощью политики освобождать общественный организм от препятствующих этому росту явлений, помогать переходу от казарменного социализма к социализированному капитализму всеми доступными политике средствами в рамках общецивилизированных норм и конституционного поля страны.

Но такое утверждение грешит объективизмом, в данном случае по отношению к противоречиям роста. Поэтому необходимо сделать акцент на субъективной стороне противоречий, так как их здоровое, естественное развитие в условиях “борьбы двух систем” во многом зависит от организационных, управленческих, политических усилий тех сил общества, которые принципиально отстаивают современный капиталистический путь развития Украины, необходимость утверждения демократического, правового, социального государства, того гражданского

общества, которое может существовать только в рамках социальных ценностей.

В этом контексте судьбоносность политики как наиболее эффективного способа этапной самоорганизации украинства представляется той организационной естественностью, на которую следует опираться в управленческой деятельности с тем, чтобы противоречия роста украинского общества были действительно источником наименее болезненного развития, чему в решающей степени должна помочь политика как способ разрешения противоречий.

3.8. Отрицание в политическом развитии

Политический процесс есть постоянное отрицание старого, изжившего себя, не отвечающего основным интересам объекта политики, и созревание и утверждение нового. Однако и это новое со временем перестает отвечать развивающимся потребностям и интересам объекта. Философски это всеобщее явление выражено в законе отрицания, постоянство которого и есть выражение бесконечности развития на основе разрешения противоречий. Для политики важно установить характер отрицания, точно соблюсти его меру и рассчитать последствия, т. е. сделать все возможное, чтобы отрицание было не деструктивным, а напротив, носило в себе максимум конструктивного заряда, который должен включать в себя и элемент преемственности, глубинным основанием которого является спиралевидное развитие.

Все это, в конечном счете, должно служить политическому прогрессу, критериями которого выступают реальное возвышение человека как общественной самооценности, а также темпы развития общественной системы на основе совершенствования, дифференциации и интеграции ее элементов, усложнения связей между ними, информационной насыщенности, что приведет к расширению возможностей развития системы.

В политическом процессе борьба старого и нового обычно воспринимается как революционное явление, что вызывает и соответствующее направление политической деятельности. Поэтому главное здесь — установить подлинность “старости”, совершающейся или совершившейся смерти явления и точность, хотя бы лабораторно прогнозируемую, новизны утверждающегося. В социальных объектах, которыми занимается политика, процессы отживания и зарождения практически полностью являются предметом заботы именно политиков, так как никакая другая сфера деятельности не в состоянии быть достаточно эффективной, чтобы предупредить социальный конфликт или даже рассчитать

процесс его вызревания. Наука здесь — помощник, но не политическое действие, призванное заниматься этим. Поэтому зачастую политические решения принимаются без достаточных научных оснований. Такие основания, как правило, имеют не конкретно политическое, а теоретическое, в лучшем случае методологическое, значение. В этой связи необходима градация науки о политике, введение в ее структуру теоретического, методологического и прикладного знания, которое могло бы всесторонне обеспечивать политическую деятельность.

В конкретной политической деятельности философское отрицание отрицания как закон развития не становится ее методологией, потому что такое отрицание, как правило, лежит в историческом контексте, и принимать решения на основе методологии зачастую означает обыкновенную жестокость. Поэтому этот закон, скорее, выступает как объяснение, но не как аргументация политического действия и постоянно нуждается в прикладном воспроизведении, в конкретной политической практике. Создание соответствующих методик такого воспроизведения — задача и философии политики и самих политиков. А поскольку реальные последствия политических действий могут иметь непосредственное и опосредованное содержание, то в качестве основного аргумента должны выступать реальные интересы социального объекта, его самочувствие, желание или нежелание “делать историю”, а не непосредственное удовлетворение потребностей любыми средствами, если даже конструктивность нового налицо, но требует времени для внедрения или самоутверждения. В социальных объектах политика является также средством здорового прохождения процесса отрицания с тем, чтобы по возможности сохранить все то, что располагает с точки зрения общечеловеческого исторического саморазвития хоть каким-нибудь конструктивным качеством. Это необходимо учитывать и философски, поскольку невозможно утверждение социально нового без использования старого, причем характер и мера его использования зависят от политики и политиков, их философской компетентности и политической ответственности.

В этой связи, конечно, возникает вопрос о политических революциях как проявлении закона отрицания отрицания. Принципиально именно политическая революция — идеальное средство отрицания старого и утверждения нового. Но историческая практика явно не соответствует научному представлению о политических революциях как о способе с помощью политики, политической деятельности утверждать новое качество через “сильную политику”. Но в том-то и дело, что такая “сильная политика” нетипична в истории для самоутверждения нового. Она,

как правило, превращалась в консервативное начало в социальной самоорганизации общества и поэтому не содействовала утверждению нового качества. А эволюционное развитие человечества с помощью сильной политики — одна из наиболее мощных потенций общества. Вооруженное восстание как крайнее средство утверждения социально нового является следствием не только, а зачастую даже не столько, объективной необходимости, сколько слабой, эгоистической политики старого, его нежелания воспользоваться особенностью революционного отрицания в обществе, обусловливаемой человеческим интеллектом, с его способностью к анализу реального состояния объекта и возможностей его развития. Кстати, преимущественно именно в социальном развитии утверждение нового в истории человечества происходило с помощью политики, ее потенциала, причем без вооруженного вторжения в это развитие. Но сделать такой вывод может только выходящая за временные рамки индивидуального человеческого существования научная мысль или политическая мудрость, в соответствии с которыми в основе человеческого коллективного выживания лежит возможность социального согласия с исторической перспективой перерастания его в социальную гармонию. И то обстоятельство, что такое согласие и такая гармония могут утверждаться с помощью политики, и есть основное оправдание ее существования, хотя само наличие политики свидетельствует об отсутствии социальной гармонии. Но речь идет о процессе ее вызревания, в котором участвует политика как содействующая ее развитию. Утвердив социальную гармонию, вернее, участвуя в ее утверждении, политика, таким образом, придет к самоотрицанию, и в этом диалектика ее развития.

В индивидуальной или институциональной политической деятельности отрицание зачастую выступает в искусственно созданной форме, чаще всего в виде приема борьбы, а не объективно детерминированного явления. Когда же в этих видах политической деятельности происходит отрицание, а в дальнейшем и отрицание отрицания на объективной основе развития явления, то конкретное его проявление также может выступать в такой форме. Разобраться в естественности или искусственности такого отрицания можно только с помощью философии политики, которая может установить качество такого отрицания. Конечно, установление качества отрицания происходит с помощью политологического и профессионального знания, но философское его видение обязательно. Это тем более важно, что любая политическая борьба

выглядит как отрицание, но если это борьба именно политическая, то критерий конструктивности, прогрессивности отрицания лежит в общечеловеческих основаниях политики, в ее служении социальному прогрессу, созданию политических условий для реализации прав и свобод личности.

Наиболее сложным в этой связи представляется временное соотношение акта и даже процесса отрицания, а также установления его конструктивного содержания. Как правило, именно политическое отрицание происходит намного быстрее, чем полное утверждение его последствий. Классическим примером здесь выступает политическая революция, социальный конструктивизм которой обозначается позже, по мере строительства тех форм жизни, политические условия для которой этой революцией создавались. В индивидуальном же отрицании зачастую присутствует элемент не точно установленной социальной энергии, а групповая или личностная уверенность в необходимости отрицания — снятие с поста определенного политического деятеля или ликвидация политического института, которые в индивидуальном восприятии связываются с тормозящими факторами развития. Поэтому установление реальной роли политического деятеля или института, создавших своей деятельностью такое мнение, является необходимым условием здорового проявления закона отрицания отрицания в политической деятельности.

В качестве классического свидетельства вся теория роли личности в истории подтверждает изложенное. Конкретнее: в истории человечества не было политических режимов, полностью существовавших вследствие силы личности лидера, в каком бы культовом состоянии она не пребывала. В этой связи, кстати, многие политические течения отказывались от индивидуального террора как решающего средства политической борьбы. Даже антиинституциональные выступления не всегда дают желаемый политический (а тем более социальный) эффект, хотя воздействовать с помощью такой политической борьбы на общее состояние общества можно, и зачастую такое воздействие весьма эффективно.

Существенен вопрос о роли политического отрицания в объективном действии закона отрицания отрицания в обществе. Принципиально следует считать, что само политическое отрицание создает условия для проявления этого закона, может облегчить или затруднить его применение, но считать его решающим, сущностным фактором процесса нельзя. Вместе с тем в политической жизни есть свои сущности, и поэтому политика, политическая деятельность могут выступать и в таком качестве,

но в пределах “собственного цеха”. Основной же объект политики должен выйти на уровень отрицания, и чем выше этот уровень, тем ответственнее роль политиков. Конечно, вызревание отрицания происходит тем эффективнее, чем совершеннее политическое вторжение в данный процесс, но со временем более обстоятельно готовится к любой политической акции и сама политика, в связи с чем ей легче принимать на себя груз ответственности. Поэтому отрицание как временное и пространственное явление всесторонне учитывается в политике.

Таким образом, политическое отрицание тем эффективнее, чем выше уровень отрицания в самом объекте политики, чем более он созрел для восприятия политического отрицания, нуждается в нем и готов к нему.

Однако в массовом восприятии постоянное отрицание старого, изжившего себя представляется как социально-политический, культурный или экономический акт, который наделяется эпитетами типа “радикальное решение”, “революция”, “переворот”, “решительное действие” и т. п.

В Украине сегодня происходят два процесса отрицания. Первый — доведение до исторически логического завершения национально-освободительного движения, победа которого должна увенчаться фактом создания подлинно национального, демократического, гражданского, правового общества на уровне современной социальной цивилизации. Второй — наращивание политической энергии, в первую очередь управленческого корпуса страны, направленной на организацию новой социальной системы путем отрицания (практического снятия) остатков тоталитарной системы в сферах материального и духовного производства, в общественных отношениях, менталитете народа и т. п. Второй процесс отрицания служит первому, хотя не всегда достаточно профессионально и политически зрело.

И все же субъективное, в первую очередь управленческое, отрицание принципиально накладывается на объективный процесс национально-самоутверждения украинства, народа Украины, что и делает этот процесс двуединым. Это и есть гарантия выхода Украины на уровень современного общецивилизационного развития в украинском национальном варианте не только по форме, но и по содержанию.

Изложенное тем более верно, что история украинства — это не только зависимость на протяжении последних трех с половиной столетий, но и славная, высоко эффективная деятельность во всех сферах материальной и духовной культуры, создание общественного потенциала, уничтожение которого невозможно ни в каком политическом состоянии великой нации, что и является сегодня фундаментом под-

вергшегося историческому нападению национального величия. И поэтому отрицание в украинской политике — это расчищение исторических завалов на пути украинства к восстановлению подлинного национального величия, созданию условий для здорового протекания этого процесса. То обстоятельство, что он проходит без социальных потрясений, без стихийного политического действия, свидетельствует о силе общественного потенциала. И это не просто сохранение или использование старого, а постоянное саморазвитие указанного потенциала в рамках тех отношений, которые создаются политиками всех уровней как организационная помощь в саморазвитии, хотя абсолютизировать последнее не следует, поскольку оно не имеет известных временных оснований и может происходить в трагических формах.

Поэтому задача заключается в том, чтобы достаточно демократичными политическими средствами, уверенно опираясь на национальный потенциал, наращивать усилия по адекватизации объективного и субъективного процессов, сделать политику наиболее мощным инструментом организации такой системы, в которой закон отрицания отрицания ляжет в основу самосовершенствования украинства. Поэтому отрицание старого в стране происходит как революционное действие, хотя революция эта имеет национальную особенность: организационно-политическое, экономическое и духовное самоутверждение украинства, украинского эволюционного развития, его “права” быть единственным фактором развития нации, в том числе и политического, и постепенное на этой объективной основе вытеснение всего того, что было искусственно привнесено в украинский потенциал историческими, привходящими обстоятельствами. Это тоже политическая революция, поскольку основной созидательный процесс происходит с решающим участием политики и политиков, методом коренной ломки старых отношений, тем более что они также вошли в украинскую историю как привходящее трагическое обстоятельство. В этом смысле Украина вышла на уровень отрицания в 1991 г. Считать эту дату временным средоточием отрицания нельзя, как нельзя таким образом рассматривать любую дату, поскольку такого типа отрицание, как обретение Украиной государственной независимости, нельзя вообще ограничивать хронологическими рамками. Это процесс нарастающего отрицания, и хронологически его завершение могло произойти как раньше, так и позже...

Вне всяких сомнений, такое отрицание должно было состояться, о чем свидетельствуют, в частности, изложенные выше аргументы.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ В ПОЛИТИКЕ

4.1. Виды знания и политика

Процесс познания объективной реальности порождает знание, как логически изображенное и проверенное практикой следствие познающей деятельности, основывающейся на адекватном отражении практики в сознании человека, и умение применять это знание в той же практике. Степень постижения объективной реальности различна в связи с относительностью или абсолютностью знания, полученного в результате познающей деятельности субъекта.

В политической деятельности как в форме познания может присутствовать весь набор форм знания: житейские, научные, художественные, причем на двух основных уровнях — эмпирическом и теоретическом.

Политик должен исходить, даже независимо от своих мировоззренческих установок, из возможности познания мира, в частности политических отношений. В этой связи философский вопрос об оптимизме, скептицизме и агностицизме во взглядах на само познание решается политиками — субъективно или объективно — однозначно: политик должен положительно относиться к самой возможности познания мира. Но и в политике должно присутствовать скептическое отношение к познанию, порождающее сомнение в правильности знания, что усиливает необходимость дальнейшего проникновения в сущность объекта. Агностицизм же, отрицая единство материального мира, бытия и мышления, снимает саму возможность политической деятельности, эффективность которой в решающей мере зависит от познающей способности политика.

Процесс познания в политике, как правило, предполагает наличие определенных базовых знаний, которые могут быть достаточными для занятия любым видом деятельности. Проверка на практике здесь не имеет даже лабораторных возможностей, поскольку уровень ответственности политика также не имеет “лабораторных” оснований. Не случайно, именно в политике не считается достаточно убедительным метод исторических параллелей, аналогий. Адекватное отражение по-

литических отношений в сознании политика может состояться только в том случае, если в нем будет воспроизведен весь спектр этих отношений, их содержание и сущность, форма, мера, временное и явленное пространство и т. д. Постоянная относительность знания как надежное отношение к возможным его последствиям — принцип познающей деятельности политика. На абсолютное знание политик может претендовать только тогда, когда объект его воздействия функционировал в рассчитанных им политических параметрах. Но такая абсолютность принадлежит только знанию об этом объекте и то с возможно более разносторонним расчетом возможностей его развития во времени и пространстве. После удачной реализации определенного решения это абсолютное знание тут же превращается в относительное даже по отношению к этому же объекту.

Поэтому познающая деятельность политика — это постоянное абсолютное состояние, и только в таком виде присутствует элемент абсолютности политического познания.

Особенно опасна абсолютизация политиком эмпирического знания, в частности той его формы, которую принято называть житейской. К сожалению, политический опыт зачастую выступает в качестве основного критерия оценки возможностей того или иного политика. Причем частота использования этого критерия свидетельствует об уровне политической цивилизованности страны. И здесь выступает такая особенность политики, как абсолютная ответственность, не признающая никаких “оправданий” малейшей политической ошибки. Поэтому эмпирическое познание в политике — это скорее способ конкретного, профессионально не предусмотренного, реального реагирования политика на конкретную действительность, которая по возможности должна быть немедленно осмыслена теоретически, а лучше — предусмотрена прогностически. По отношению к политическим решениям, которые, как правило, принципиально реагируют на явление, ситуацию и располагают большими или меньшими временными возможностями для осмысления, такой теоретический прогноз должен быть нормой познающей деятельности политика.

Сам объект политики предопределяет фактическую невозможность какого бы то ни было иного подхода к познанию деятельности, кроме научного, теоретического. Наличие в познавательном процессе интеллектуального оптимизма или скептицизма, не говоря уже об агностицизме, ни в коей мере не должно касаться практической политики, а должно оставаться в арсенале познания до принятия политического

решения. Если появляется симптом одного из этих подходов, политическое решение следует снять из политического оборота, дабы не допускать ошибки. И чем выше уровень этого решения, тем насущнее необходимость такой методики.

Конечно, против таких утверждений предостаточно возражений, построенных опять же на эмпирическом видении политической деятельности. В истории политики и политической деятельности достаточно фактов, свидетельствующих о том, что практическая политика, даже в верхних эшелонах власти, не пользовалась научными, теоретическими выкладками, а сами политики в подходе к познающей деятельности были либо оптимистами, либо скептиками, либо агностиками и все же политику “делали” и весьма успешно. Талант, интуиция, другие человеческие достоинства как бы заменяли науку, теоретическое осмысление политики. Но можно возразить, что уже на заре политической деятельности человек был способен к интеллектуальной деятельности, и поэтому не надо полагать, что в истории политики были периоды абсолютного эмпиризма. Такое осмысление всегда присутствовало в политическом познании, хотя и с разной степенью практической эффективности, другое дело, насколько оно было научным. Кстати, и сегодняшние, весьма высокие научные возможности человечества далеко недостаточны для превращения политики, политической деятельности в то, чем она должна быть, — принципиально безошибочную деятельность, реализующую через собственные профессиональные механизмы высшие интересы народов.

Поэтому использование в политической деятельности любого другого знания, кроме научного, отрицательно влияет на эффективность политического решения и политического действия, хотя непосредственный эффект может создать иллюзию воздействия на политические отношения всех видов знания, в том числе и религиозного. Но в том-то и дело, что даже использование религии в политике должно иметь научные основания во имя реализации определенных интересов, в том числе и духовных. Здесь также срабатывает категория “интерес”, который реализуется на основе его познания.

Особенностью философии является ее способность проникать во все виды знания. Она — методология любой науки, в том числе и политической. Но и сама политическая наука методологична по отношению к политической деятельности. Здесь возникает плодотворная необходимость взаимосвязи двух методологий: общей и специальной, пропускающей сквозь себя общую, что, однако, не означает возможнос-

ти философии как общей методологии непосредственно воздействовать на объект политической науки: политические отношения, политические институты, политическую деятельность. Этот двойной “прорыв” в политику вызывает, в свою очередь, необходимость выработки теоретических положений, вида знания, которое непосредственно выходит на политику “от имени” философии, особенно если речь идет о политических объектах, нуждающихся в дополнительных усилиях по внедрению в них философии как общеметодологического знания. Таким видом знания и является философия политики.

Но философии политики может быть недостаточно для теоретического осмысления конкретного политического объекта. Поэтому необходимы ее выход на эти объекты и создание соответствующего философского знания. Подобная необходимость была замечена Г. Гегелем, создавшим философию права с выходом на конкретные правовые явления и нормы. И в философии политики такая возможность есть. Целесообразно предложить политикам метод философского использования различных наук при принятии политических решений, использовании художественных знаний, житейского опыта, эмпирических знаний, религии, прогностических знаний и т. п. При этом следует подчеркнуть, что опора на общефилософскую и специальную методологию (политологию) обязательна. Политическое решение, направленное на любой объект, должно быть обеспечено общефилософскими и политологическими основаниями, спроецированными на конкретный политический объект, если, конечно, этот объект не имеет чисто политического содержания.

Например, политическое решение по экономическому вопросу создается на общефилософском знании политологического его осмысления с учетом специфики экономики, экономических отношений. Решение же по политическому вопросу, возникшему в политическом процессе может быть достаточно эффективным на общефилософском и политологическом уровнях. Второе в таком случае выступает как специальное знание, непосредственно обслуживающее политические отношения. Принятие политических решений даже по техническим или моральным проблемам требует опоры на указанную триаду, как на три вида знания, обеспечивающих правильность и эффективность политических решений. Не случайно поэтому во главе политических ведомств, как правило, стоят специалисты по тем объектам, которые они политически “обслуживают”.

В этой связи следует вспомнить прошлое нашей страны, когда считалось достаточным быть преданным революции (партии), чтобы занять политическое, экономическое или духовное “кресло” и управлять конкретными политическими, экономическими или культурными объектами с помощью “революционной интуиции” или политических лозунгов. То обстоятельство, что этими объектами руководила политическая партия, причем ее решения имели правовую силу для всего общества, — свидетельство игнорирования даже в политической деятельности необходимости располагать общеметодологической (философской), политологической и специальной подготовкой для получения права принимать политические решения. К сожалению, такая практика не изжита и сегодня.

Для современной Украины она принципиально неприемлема в связи с особой ролью знания при организации новой социальной системы, поскольку именно оно, в первую очередь в форме политического профессионализма, решает основную задачу: с помощью информационно совершенного национального гения и организационно-энергетических усилий создать то, что мировая цивилизация в различных странах создавала столетиями. Для такого типа созидания в этом двуедином процессе приоритетно знание. Поэтому украинские политики должны владеть знанием на уровне национальных потребностей, что порождает необходимость создания соответствующих национальных парадигм, теорий, наук, в том числе и в особенности национальной науки о политике, украинской политологии. Это должно обеспечить украинскую политику, украинскую политическую деятельность научной информацией об Украине, ее положении и возможностях и стать научным гарантом достаточной эффективности политических решений.

Украинский идеализм здесь выступает не как отрицание материальности мира, а как представление духовности, в особенности национальной, в качестве основного фактора национального утверждения, общественного развития, в частности основания для созидания новой социальной системы на методологических принципах украинской политической культуры, управленческого менталитета нации. Поэтому для Украины метод исторических, внутринациональных параллелей и аналогий специфицируется, воспринимается во многом положительно, с учетом национальной истории, национальной эволюции, их участия в генетическом процессе. Заметим, что сам этот метод в мировой политике не считается достаточно эффективным, а иногда и “оправдательным” для действий, неадекватных научному знанию о политике. Эм-

пирическое, опытное знание для Украины имеет особое значение, с учетом трагизма украинской истории, исторически длительного срока использования украинскими политиками национального опыта, практического отсутствия украинской политологии, которая непосредственно обслуживала бы национальную политическую деятельность. Даже сегодня, несмотря на чрезвычайную потребность украинской политики в наличии такого знания, само создание национальной политологии воспринимается неоднозначно даже в политических верхах, на что неоднократно обращал внимание автор этих строк, в частности в монографии “Сучасна українська політологія” [1].

Сегодня для Украины знание особенно важно и потому, что в период созидания новой социальной системы — этой судьбоносной для народа акции — должна быть (несмотря на внешний идеализм этого утверждения) исключена сама возможность малейшей политической ошибки, что продиктовано самим характером ответственности за достаточно эффективное и безболезненное прохождение этого периода. Гарантия исключения ошибки — в точном научном знании об объекте политического воздействия, в рассчитанном подходе к политике, как основному для сегодняшней Украины средству организации новой системы общественных отношений. Поэтому наука о политике, философия политики, национальная политология наделяются священной миссией спасения великой нации от влияния трагического прошлого. Это возможно осуществить в результате последовательного, достаточно энергичного, научно осмысленного совместного политического действия всего политического корпуса страны, управленцев всех уровней.

Познающая деятельность украинского политика в таком контексте превращается в элемент профессионализма, в постоянную творческую функцию по овладению действительностью, что тем сложнее, чем изменчивее, неопределеннее эта действительность, чем меньше в ней стабильных опор, которые знание могло бы превратить в аксиоматические истины, в научно достоверную методологию, достаточную для политического управления обществом. Поэтому адекватное отражение реальных политических (и не только политических) отношений в “украинском варианте” может состояться только в том случае, если развитие этих отношений будет опережать познающая способность политика, поскольку только такое опережение в состоянии предупредить стихийность в развитии политических отношений путем прогностически рассчитанных

политических решений. Для Украины это обстоятельство является решающим, судьбоносным, по крайней мере, в политическом отношении. Житейская мудрость, как политический опыт в деятельности украинских политиков почти не присутствует, так как инновационность украинской действительности не имеет достаточного опытного обеспечения. Кстати, мировой политический опыт здесь тоже недостаточно показателен, поскольку воспроизводит иное политическое состояние, иную политическую историю, которые могут использоваться лишь с ориентировочной приблизительностью, а не в качестве образца для подражания. Поэтому требование научности для украинской политики само по себе политично, как точно обозначенное условие ее достаточно эффективного воздействия на украинскую действительность, на реформационные процессы, которые составляют ее базовое основание. И поэтому политик в Украине должен быть ученым, профессионалом, а не просто гражданином, преданным делу организации новой социальной системы. Моральная мощь политика — далеко не единственная сила, способная вывести Украину из отсталых стран в передовые, хотя без такой моральной мощи наука об организации украинского капитализма может не дать желаемого эффекта из-за отсутствия достаточного качества и количества ее носителей. Иначе говоря, корпус украинских политиков должен сочетать в себе соответствующую моральную убежденность в правоте украинской национальной идеи с достаточным научным, профессиональным знанием политики как общественного явления и вида деятельности.

4.2. Субъект и объект познания в политике

Для политики принципиально важно представлять структуру субъекта познания, основой которой является все общество, а его элементами — различные социальные общности, группы, индивиды, институты и т. д. В качестве объекта познания выступает фрагмент бытия, который из обычной реальности превращается в познанную реальность, войдя таким образом в структуру сознания (знания) субъекта. Познанный под определенным углом зрения объект превращается, таким образом, в предмет познания, так как во всех своих опосредованиях объект не представляется ни в одном конкретном знании. К тому же социальный объект, которым занят познающий политик, создан людьми, что превращает его одновременно и в субъект, и объект познания. Поэтому в познании особое значение имеют позиция, интересы, способность к необходимым видам познавательной деятельности политика и его умение вплетать результаты этой деятельности в поли-

тические решения, политический процесс, в частности во внутреннюю логику развития самого знания, в его стимулирование, если даже эта логика опережает реальный потенциал саморазвития объекта в данных условиях, в данное время.

Выше указывалось, что политика как познающая структура располагает индивидуальными особенностями. Практическая и теоретическая части политики, конечно, в разной мере используют познающий инструментарий науки. Условия и время подготовки множества политических решений, необходимость в оперативно-политических действиях зачастую не дают возможность познающему субъекту опираться на социологически обсчитанные и теоретически осмысленные основания политических решений. Познающий субъект политики в такой ситуации действует, используя имеющееся у него знание, политический талант, интуицию, политический опыт. Создается впечатление, что при этом им не используется теоретическое знание, не ведется подготовительной работы для принятия политического решения. Но это не всегда так. Все зависит от степени проникновения научного знания в субъект политики, от владения субъектом этим знанием и способности применять его в любой ситуации, если, конечно, ситуация “подвластна” этому знанию. Если этого нет, — необходимо дополнительное знание объекта, дополнительное его изучение, но эта необходимость по отношению к оперативным политическим решениям должна быть минимальной. Задача исследовательских учреждений в сфере политики в том и заключается, чтобы создавать такое знание, которое вооружит политика стратегическим и тактически-операционным инструментарием, хотя гарантии ожидаемой эффективности политических решений заложены не только в знаниях политика.

Объект познания в политике также обладает рядом особенностей. К ним, например, относятся его политическая активность, стремление быть не объектом политики, а ее субъектом, хотя эволюция политической демократии еще не вышла на ту отметку, когда политическое отчуждение уйдет в историю политических отношений. Поэтому в познавательной деятельности субъекта политики объект также превращается в предмет и в этом качестве он не может не быть объектом, так как в любой науке предмет изучения — это всегда и объект изучения, объект познающей деятельности субъекта политики. Понятно, что в политике субъект и объект зачастую меняются местами или одновременно выступают в этих двух качествах, что не может не приводить их к познающей деятельности в любом из этих качеств. Тогда меняются организационные формы познающей деятельности, но предмет ее не меняется: и

объект, и субъект политики могут стать предметом познающей деятельности, хотя ее уровень, конечно же, будет различным.

В политической и духовной жизни общества могут быть ситуации, когда объект познания не подвергается адекватному осмыслению субъекта, более того, сам объект может не понимать необходимости этого осмысления. Такое, например, происходит в нашем обществе: при общем признании факта политизации общества наука, призванная это осмысливать, — политология — не находит должной поддержки, более того, ее кое-где даже запрещают, хотя и своеобразными способами: в вузах ее иногда заменяют другими науками, не дают заявок на преподавание и т. д. При наличии общефилософского знания о необходимости сбалансированного соотношения субъекта и объекта познания в политике, что, по сути, свидетельствует об уровне политики в обществе, нарушение этого баланса становится все более частым явлением. Приведенный пример — далеко не самый показательный. Негативным в этом аспекте выглядит самодовлеющее развитие общества как объекта, особенно политические процессы в нем, лишенные должного познающего вторжения субъектов политики — философов и политологов. Ситуация становится трагической, если такие мыслители не востребованы обществом в силу недостаточного уровня развития его политических деятелей, политической системы в целом. Развитие в таком случае происходит путем проб и ошибок, а общество превращается в полигон для апробации политических, философски и политологически незрелых решений.

В конечном счете политика, политическая деятельность существуют потому, что существует объект политики, по крайней мере, исторически так было с момента их зарождения. Если нет объекта политики, нет и ее субъекта, как нет деятельности вне предмета деятельности. Но объект политики настолько размыт, настолько не определен, что иногда складывается впечатление, что это “кабинетные выдумки”. И действительно, объект политики выкристаллизовывается тогда, когда устанавливается ее субъект, и возникает этот субъект как реализатор интересов объекта, т. е. практически входит в структуру функционирования объекта. Что же произошло в политической жизни общества? Каким образом элемент существования объекта превратился в задающую тон этому существованию структуру? Причем соотношение целого — объекта политики и его части — субъекта политики стало показателем уровня развития основного политического явления — демократии.

При всей убедительности философского положения о том, что социальный объект, которым занят познающий политик, создан людьми,

что превращает его одновременно и в субъект и объект познания, политическая жизнь общества, ее история свидетельствует о том, что само существование политики есть показатель объективной невозможности этого превращения. Те формы превращения, которые известны истории, не следует представлять как его сущность, так как объект в таком качестве появляется только в критические моменты истории или политической повседневности. Теоретико-политические постулаты о народе как творце истории, о политической активности масс, о преодоленном политическом отчуждении, о демократии, самоуправлении и так далее не являются достаточными для объяснения реального положения политики и политиков в общественной жизни. Именно как познающее начало субъект политики является настолько автономным, настолько профессионально и организационно монопольным, что любое другое познающее начало здесь кажется просто неэффективным. Поэтому так слабо звучит “голос народа” в политической жизни, хотя о нем так громко говорят политики, поэтому “политические игры” не превращаются в “цеховые”, профессиональные, когда в любом случае выигрывает объект политики, поскольку сам механизм организации политической деятельности может принять только такого победителя в этих играх, который является более совершенным именно с точки зрения объекта политики.

Познавать ему (объекту) ничего не приходится, так как сами политические механизмы — это уже познанное им и одобренное как соответствующее его интересам и даже идеалам. Все остальное должно быть делом политической техники, которой должны заниматься профессиональные политики. Поэтому познающая деятельность объекта политики должна быть направлена не на личность очередного политика, допустим президента, а на механизмы политики, на контроль за ними. С этой точки зрения избирательная кампания также может быть отнесена к политическим играм, как референдумы и прочие “массово-политические мероприятия”, поскольку познающая деятельность объекта здесь минимально связана с его политическим опытом и максимально зависит от воздействия на него субъекта политики. Несмотря на то, что во всех своих опосредованиях объект не представляется ни в одном конкретном знании, политическое знание может быть достаточным в решении того или иного политического вопроса, иначе политическая деятельность потеряла бы всякий смысл. Здесь просто возникает постоянная задача — включать как можно больше познающего в содержание политических решений таких опосредований.

Может ли в связи с изложенным существовать монополия на политическое знание? Да, может, как в любом другом виде деятельности. Не говоря уже о культуре личности политика (в силу истинного или ложного авторитета), любой политик должен быть профессионально автономным, хотя и работает он на всеобщий, массовый интерес. Установление пределов этой автономности зависит от уровня развитости демократии, политической культуры народа.

В этой связи возникает вопрос о характере познающей деятельности объекта политики, который превращается, таким образом, в субъект познания, в самопознающее образование.

Строго говоря, объект в таком качестве исчезает, превращаясь в предмет самопознания. А это значит, что возникает необходимость, особенно в политическом положении субъект — объект, организационного их расчленения. Это является нормой политических отношений в обществе. Такое расчленение породило политическую деятельность в профессиональной и непрофессиональной формах. Но для познания этого каждый данный раз оказывается недостаточным, особенно тогда, когда политические решения на основе результатов такого познания оказываются недостаточно эффективными. Объект в подобных случаях ищет способы самопознания, но не обычного, постоянно сопровождающего духовную жизнь общества, а такого самопознания, результаты которого рассчитаны на обязательное включение в политические решения и не в виде информации об осмысленных интересах, а в виде императивного знания.

В политической практике это может проявляться во всех формах общественного мнения, организованных или стихийно возникающих выступлениях населения местного или общегосударственного масштаба и т. д. Такое познание зачастую недостаточно полно, научно не аргументировано, если, конечно, объект не выделяет из своей среды субъекта, который сосредоточивается на познании объекта. Но это явление уже существует в форме субъект — объект, теряя, таким образом, качества самопознающего объекта.

Итак, субъект и объект познания в политике возникают в процессе своеобразного политического разделения труда, которое связано не только с разным социальным их статусом, но и с необходимостью организационного вычленения из политического процесса субъекта познания как целесообразной формы осмысления политических интересов и отношений, возникающих в политическом процессе.

В Украине познающий субъект, несмотря на заметное оживление самого бытия как объекта познания, в условиях перехода к новой соци-

альной системе предстает как информационное аккумулирование этого бытия, хотя далеко не всегда адекватное, поскольку входит в аккумулирующий процесс с набором политических интересов не всегда фундаментального социального происхождения. Поэтому превращение объекта познания в предмет часто происходит не как переход в истину, а как содействующая индивидуальному политику информация, осмысленно представленная в этом предмете. Другими словами, предмет превращается в некий ограничитель объекта, что ограничивает, в свою очередь, и познающего субъекта, хотя ему это и выгодно. Но объект протестует против такого познания, что способствует возникновению различных форм политического отчуждения в отношениях “субъект — объект” политики.

В настоящее время развитие Украины по национально-общезивилизационному пути зависит от познающей деятельности субъекта, поскольку сам путь не представлен как последовательное накопление опыта, а внедряется познающим собственную и мировую историю цивилизации субъектом-политиком, что возводит эту деятельность на уровень судьбоносного явления. Причем в структуру познания входит практически любая информация, способная послужить делу организации в стране новой социальной системы. Если же учесть временные ограничители познающей деятельности в связи с необходимостью применять оперативно-стратегические методы политического управления, не имея при этом необходимого времени для точного расчета объекта управления, то станет очевидной причина не всегда достаточно эффективного использования научного знания и даже политического опыта в конкретной политике. Задача познающего субъекта усложняется в Украине и в связи с неординарностью развития, что приводит зачастую к невозможности использовать даже выверенные временем политические истины.

Поэтому процесс познания и полученные в его результате данные нуждаются в постоянном “оживленном” состоянии объекта познания, что и происходит в Украине как в субъекте и объекте познания. В мировой политической практике действует общий закон отчуждения субъекта познания от объекта. В Украине он существенно смягчается в силу действия другой причинно-следственной зависимости — постоянного, все усиливающегося социального нетерпения народа, которое выливается в усиление его познающей деятельности, в желание познать самое себя, а также в поток резких оценок состояния политической деятельности в стране. Это обстоятельство иногда “придавливает” познавательную деятельность субъекта познания, ограничивает ее рамками

“внутреннего обслуживания” политики, вместо того чтобы быть действенным рычагом политического управления обществом, универсальным публичным образованием. Возможно, поэтому так слабо востребована политологическая мысль, в том числе национальная, касающаяся собственно Украины, не говоря уже о ее непосредственном статусе основного политического знания.

Понятие “политическая культура народа” используется больше в политологической литературе, чем в практической политике, особенно в познающей деятельности объекта. Здесь имеет место почти полная уверенность в собственном “президентском” потенциале, и суждения на данном уровне являются массовым явлением. Это свидетельствует о том, что результаты познающей деятельности субъекта познания не находят должного внедрения в объект познания, что ослабляет и то, и другое.

Такому ослаблению содействует и то обстоятельство, что формы объектной познающей деятельности в Украине довольно скудно представлены в ее Конституции, по крайней мере, в прямом правовом выражении, несмотря на то, что реально она выглядит более мощно. И не только более мощно, но и с довольно сильным началом в движении объектной познающей деятельности к существенному ослаблению политического отчуждения между собой и субъектами политики, дабы хотя бы в такой форме сделать более эффективным свое влияние на политическую жизнь украинского общества.

В этой связи познающая деятельность субъекта политики только потому не признается видом профессиональной деятельности, что она касается всего народа, всех профессий, их интересов и поэтому не может претендовать на автономное положение. Познающий субъект, таким образом, видится объектом только как делегированное образование, как “слуга народа”, который не может стоять выше “барина” по уровню развития, что развязывает руки иногда невежественному объекту политики в его оценочном отношении к субъекту политики. Поэтому задача заключается, в данном случае в Украине, в том, чтобы всеми возможными средствами разъяснять разницу между политическим профессионализмом и обычной политической активностью, между познающей деятельностью профессионала и познающей деятельностью объекта профессионального воздействия.

Наиболее мощным средством такого разъяснения в Украине сегодня является постоянная информационная активность субъекта познания, его непосредственное участие в информационном процессе,

целесообразное ограничение количества и особенно качества источников информации, особенно СМИ, которые часто превращаются из средства информации в ее производителя, в создателя политического знания, политического продукта, что далеко не всегда является результатом профессиональной познающей деятельности субъекта политики. Это явление тем более нежелательно в Украине, так как объект познания переполнен собственным опытом познающей деятельности, и расчет на успех у него может быть достаточно точным именно для достижения успеха, а не для утверждения политической истины.

Поэтому, задача заключается в том, чтобы объединить усилия субъекта и объекта познания в политике в таком расчете их возможностей, который целесообразно распределит роли в познающей деятельности и не позволит охлократическому вторжению в этот расчет направить познающую деятельность субъекта и объекта познания в ненужное для страны русло.

4.3. Познание и политическая практика

Для политики и политика в познании важна тройственная функция практики: как источника познания, как способа использования знания, в конечном счете, их смысла и, наконец, как критерия истинности знания.

Политическое осмысление практики и сама практика представляют единство противоположностей, в котором практика играет ведущую роль независимо от уровня осмысления. В последнем может содержаться и конструктивное решение какого-либо практического вопроса, имеющее в таком случае программное значение для развития практики. Лабораторное моделирование в этом отношении — лишь отвлечение от конкретных практических требований, но, в конечном счете, возвращение к ним обязательно. Такая обратная связь корректирует и осмысление, и саму практику. Отсюда органическая, взаимопитающая роль теории по отношению к практике, и наоборот. Теория, таким образом, в том числе и политическое познание, есть часть как материальной, так и духовной практики.

Политическое постижение практики отличается от любого другого тем, что в каждом конкретном случае должно выходить по возможности на более высокий уровень обобщения. Чем более общим потенциалом обладает это обобщение, тем оно политичнее, так как в принципе политика — это обобщение практики, ее типичных потребностей, возможностей существования. И в этом смысле в качестве источника

познания, не говоря уже о политическом решении на его основе, выступает не просто практика, а именно обобщенная практика. В какой форме представлено это обобщение, в данном случае значения не имеет. Конечно, лучше, когда оно состоялось на уровне науки как теоретическое обобщение. Но есть политические решения, особенно оперативные, которые не в состоянии ожидать, и политику приходится принимать внешне чисто практические решения на основе учета конкретной практики. В таком случае практика становится непосредственным источником познания, но определенный уровень обобщения и здесь присутствует и он все же становится источником знания, хотя общая и специальная подготовка политика выступает в такой ситуации в качестве научного, теоретического базиса для принятия политического решения.

Однако в данном случае не следует считать, что политическое решение, возникающее на основе практического учета конкретной практики, легче, естественнее воспринимается и самой практикой, как родственным содержанием, родственной сущностью. Это не так. Осмысленная, обобщенная практика более “практична”, чем ее эмпирический первоисточник, и в этом заложена высшая эффективность науки, в частности философии политики. Не случайно в философии практика рассматривается как способ использования знаний, несмотря на то что она сама является источником этих знаний. Обобщение, наука, теоретическое осмысление — это тоже практика, но практика духовная, и поэтому она не только может, но и должна выступать в качестве основания при принятии политических решений, в политической деятельности.

Обобщенная политическая практика не может в то же время выступать в качестве критерия истинности знания, поскольку это приведет к замкнутости отношений знание — практика — знание. В этом отношении следует выделять политическую практику как автономное образование, как абсолютный критерий истинности знания, то самочувствие политического объекта, которое отвлекается от возможности к самопознанию, предстает как некая система с набором определенных потребностей, удовлетворение которых зависит не только и даже не столько от истинности знания об этих потребностях, но и от других факторов биосоциального (в частности политического) порядка.

Указанное дает основание заключить, что политик не может быть “чистым” практиком, поскольку сама политика — это обобщенное, научное представление о потребностях, интересах объекта политики и возможностях их удовлетворения в определенных условиях. Поэтому каким бы методологическим ключом не пользовался политик, — он

представитель науки, теоретически осмысленного знания, той обобщенной практики, качество и количество которой должно быть достаточным для принятия политического решения.

Функции практики — источник познания, способ использования знания и критерий истинности знания в политической деятельности — не равнозначны. Их соотношение в познавательном политическом процессе и в других “сферах приложения” различно. Наибольшим различием является разная степень эффективности и практической значимости этих функций: функция практики как критерий истинности знания весьма специфична — политической практикой выверять истинность политического знания можно далеко не всегда. Более того, высший смысл, высшая эффективность политики в том и состоит, чтобы предвидеть практику, “предугадывать” ее теоретически, как можно надежнее прогнозировать. Лабораторная проверка как способ практической проверки знания здесь отсутствует, хотя политические деловые игры могут дать определенное представление об истинности политического знания. Во многом заменяет такую лабораторную проверку личный практический опыт политика, и поэтому политический профессионализм — это теоретическое знание, умноженное на опыт, причем выделить значимость каждого из элементов политического профессионализма может только конкретная политическая ситуация, хотя иерархия значимостей определенных качеств политика есть в “кадровом кадрах”.

Но степень ответственности в политике не снижается, тем более, не снимается в зависимости от наличия первого или второго. Именно политика как высшая ответственность не может позволить себе оправдание политика, который совершил политическую ошибку в связи с недостаточной развитостью у него какого-либо из качеств.

Означает ли это, что практика как критерий истинности политических знаний не может быть использована в политике? Конечно, нет. Речь идет о формах ее использования в таком качестве. Этим форм много, но наиболее емкой представляется неприятие или принятие политических решений объектом политики. Политическая история свидетельствует о том, что как первое, так и второе типично для объекта политики. *Высшее проявление* принятия практики в качестве критерия политической истинности решений — политическая стабильность общества, существующая на основе общественного согласия и других факторов прогрессивного содержания. *Высшее неприятие* политической практики — революционная оппозиция, идущая или не идущая к изменению

политических отношений. В целом же структура форм принятия или непринятия практики бесконечна, как бесконечны формы реализации интересов людей, в том числе и политические.

Принципиально важно и максимально эффективное использование в политике функций практики, точное и высокоответственное их “размещение” в познавательном процессе.

В этой связи возникает вопрос о так называемой практической политике. Следует отметить, что такой политики нет. Уже в самой политике как в явлении и в виде деятельности заложен определенный потенциал знания. Даже политический опыт здесь должен использоваться как обобщенное, осмысленное явление, не говоря уже о необходимом уровне общей политической культуры и политического профессионализма, позволяющем политику добиваться успеха.

Для Украины научно достоверное понимание связи познания и политической практики представляется особенно важным, поскольку речь идет о познании как о практике непосредственной и политической, как о его немедленном приложении, ведь и первое, и второе в оригинальном историческом движении — это двуединный процесс, в котором вычленение этих элементов не представляется целесообразным. И в этом состоит особая сложность взаимосвязи познания и политической практики, в которой содержится и положительный и отрицательный заряд.

Положительный заряд проявляет себя в постоянном познающем состоянии политиков при отсутствии традиционной политической информации о развитии политических объектов. В самой организации социальной системы отсутствует готовое знание, поскольку Украина как политическое образование его не выработала. Причем ситуация многократно усложняется тем, что существует мировой социально-политический опыт, уровень развития, который предопределил качество и количество информации, постигаемой (познаваемой) украинским политиком, находящимся в рамках национальных интересов. Эти интересы как политическая практика в познающей деятельности украинских политиков при всей авторитетности международных норм не могут не быть определяющими, решающими, иначе политик не состоится. Поэтому необходимо создание украинской политической науки, украинской политологии, которая была бы настолько практичной, насколько практична взаимосвязь познания и политической практики в украинском политическом процессе.

Обобщение как высшая форма политической мудрости должно войти в свою естественную роль: быть осмысленной практикой, причем настолько “искаженной”, насколько это может быть полезно для политики, для самой возможности использовать обобщение как опыт, как типизированное явление, вышедшее именно в таком виде на уровень политического явления, политической практики.

Однако в Украине даже такого уровня обобщение не успевает состояться, поскольку основное политическое действие имеет дело с неизвестным, часто со спонтанно возникающим, так как украинский опыт — явление не состоявшееся, а текущее, бурно развивающееся, и поэтому каждый данный раз это задача со многими неизвестными, которые именно в таком виде предстают как украинская политическая практика. Иллюзия большей практичности такой политической практики создается немедленным результатом, как правило, положительного характера, и поэтому украинская политическая практика кажется довольно эффективной и динамичной. Но это далеко не так, поскольку сиюминутность политического решения — это опасность, возникающая из-за низкой степени политического обобщения, в качестве объекта которого может выступить другая практика, политическая только внешне. И поэтому крайняя индивидуализация политической практики, постоянный поиск практиков, которые якобы способны чуть ли не своим “политическим талантом” создавать политические решения максимальной эффективности, представляется для Украины объективной необходимостью.

Смена поколений украинских политиков на протяжении исторически мизерного времени суверенного существования Украины — это не показатель ее бурного демократического развития (как это часто представляется), а непосредственность движения украинской политической практики, которая обрела новое, исторически выстраданное дыхание в 1991 г. и не смогла сохранить его в первоизданном виде, отступив под натиском “социалистической традиции” и политической борьбы в условиях самостоятельного, демократического, правового государства.

Такой разворот украинской политической практики является прямым результатом крайне слабой познающей деятельности национально-патриотических сил, не сумевших на гребне всеобщего подъема предложить украинскому обществу созидательную программу развития страны на основе тех принципов, которые объективно возникли в обществе как форма готовности к конструктивному действию в условиях обретенной, наконец, государственной независимости.

Следовательно, украинская политическая практика оказалась волнообразной именно потому, что политический гений национально-освободительного движения не выступил тем “вдохновителем и организатором”, который должен был через познающую деятельность решающим образом повлиять на развитие украинского демократизма в сторону как можно более полной реализации национальной идеи.

Означает ли это, что время упущено и надежды на принципиальное изменение украинской политической практики “канули в Лету”? Ни в кое случае! Время упущено, но не потеряно, поскольку украинский национально-освободительный политический процесс набирает обороты, хотя и в более усложненной форме, чем это могло быть в начале 90-х годов. Об этом свидетельствует то, что многие национально непререкаемые политические ценности уже стали нормой украинской политической жизни, в частности наличие в парламенте демократически последовательного большинства. В результате познающей деятельности оно избрало путь демократической реформации страны, противопоставив себя “революционной” демагогии, которая паразитирует на переходном состоянии страны и ее проблемах. Познание этих проблем — наиболее надежный инструмент воздействия на политическое сознание народа, на формы, темпы и методы его организации для утверждения в Украине общецивилизационных начал жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения.

Практическая политика в таком контексте представляется как союз, системная взаимозависимость познания и политической практики, причем само познание входит в политическую практику как ее достаточно эффективный элемент. Поэтому в украинской политике сегодня познание и политическая практика слились в едином процессе организации в стране новой социальной системы.

4.4. Политика и истина (истинная политика)

Философское представление об истине как адекватной информации об объекте, как о субъективной реальности, свойстве знания, а не самом объекте познания, полностью приложимо и к политике. Истина существует только как настоящее или прошлое в различных формах духовного освоения действительности познающим субъектом. По отношению к будущему истинным нельзя считать ни одно духовное построение. Это может быть только целесообразное допущение или даже

научно доказанный прогноз, который не имеет основных условий функционирования объекта прогноза (познания). Поэтому истина — это объективные характеристики реальности, независимые от нашего сознания, но предлагающие в процессе своего установления и заблуждение как момент поиска истины, в котором есть гносеологические, психологические и социальные основания.

По отношению к истине ложь — это нравственная категория или логически неправильное мышление.

Истина не статичное, а динамичное явление, хотя и представляет собой единство процесса и результата. Она обладает как относительными, так и абсолютными характеристиками, в которых первое — это ограниченно верное знание об объекте, а второе — это тождественность наших представлений об объекте и самого объекта, которые могут опровергаться лишь в процессе жизни, во времени и пространстве. В этом смысле любая истина абсолютно относительна и в то же время — конкретна, поскольку без знания условий ее проявления она теряет смысл.

Установление истины как очевидности, уверенность в истинности знания, внешняя общезначимость, прагматизм, мыслительная убедительность, истина вне субъекта и объекта могут быть восприняты только в связи с практикой, в которой реализуется то или иное положение, так как степень совершенства человеческого мышления может быть определена мерой его соответствия объективной реальности. Поэтому логичность мышления — это логика объективного мира и возможность практического созидания с учетом ее развития и постоянного “посягательства” на истину. Политическая практика в этом смысле — наиболее сложное социальное образование.

Политическая ошибка в таком философском контексте представляется принципиально возможной, поскольку как политика, так и истина это субъективная реальность и степень ее адекватности объективной реальности должна быть установлена в процессе развития практики. Но в том-то и дело, что политическая истина не имеет права на такое происхождение и такое существование. Даже по отношению к объектам прошлого, не говоря уже о существующих в настоящем, эта адекватность — не воспроизведение сущности или содержания объектов, а представление о них как об определенных потенциалах, которые располагают точно установленной политической энергией. Ее напряжение можно рассчитать во времени и в пространстве и таким образом снять саму возможность политической ошибки. Поэтому нельзя

отказывать политике не только в научности прогноза, но и в целесообразности установления в нем истинного знания на основе такого расчета. А поскольку политика имеет дело с крупными величинами, такое системное содержание истинного знания представляется возможным. Конечно, даже в самом строгом научном прогнозе увидеть объективные характеристики будущей политической реальности (с точки зрения истинности знания) невозможно. Но для политики важно установление потенциала будущего, закономерностей его развития исходя из реальных данностей, которые при прочих равных (учтенных) условиях дадут обязательный эффект. Такой прогноз может выступать как часть истинного знания, причем весьма существенная.

Однако поиск политической истины имеет меньше творческих возможностей, чем ее поиск в некоторых других сферах деятельности. Как и всякая истина, политический ее вариант практически формируется не только как планируемое безошибочное политическое явление, но и как процесс этого поиска, который не имеет права на такие естественные вещи как заблуждение, неточность политического расчета, методологическая коррекция и т. п. Во всех случаях искомый результат, породивший неправильное, ошибочное политическое решение, несет такую же ответственность, как и политическое решение. Иначе говоря, он не может быть достаточным оправданием ошибочности политического решения, политического действия.

Общепринятое, по крайней мере, обманное политическое решение, рассчитанное на дезориентацию политического противника или сокрытие информации, имеющей политическое содержание в политической деятельности, не имеет ничего общего с обыденным представлением о лжи. Такое решение не может даже в нравственном смысле оцениваться как ложь, поскольку речь идет о действиях, отражающих разность интересов, политическая открытость которых не содействует или препятствует их реализации. Политическая акция может быть оценена как ложь, даже в нравственном отношении, если речь идет о политических решениях, политических действиях, посягающих на общепринятые политические, экономические или нравственные принципы человеческого общежития. В противном случае — это прием политической деятельности, имеющий народные основания, направленный на согласование интересов народов, отдельных социальных структур или личности. Следование принципам такого согласования — основной гарант искренности и истинности такой политики, политических

решений и политического действия. Хотя, конечно, в политической практике весьма распространена ложь как средство политического самоутверждения, подчинения и насилия, что является нарушением общепринятых принципов международных или социально-структурных политических отношений. Такая ложь, как правило, паразитирует на народном или личностном интересе, искажает его сущность и содержание, и особенно методы его реализации. Это ложь даже не во спасение, поскольку политические интересы реализовать ложью нельзя, по крайней мере, на исторически длительное время, хотя и исторически не длительная ложь и соответствующее ей политическое поведение могут привести к весьма трагичным политическим последствиям. Но в таких случаях имеют место не только ложная политика, но и более основательные социальные факторы.

Политическая деятельность не может не специфицировать столкновение представлений об объекте политики и самого объекта как пространственного или временного явления. Специфика заключается в том, что не только пространство и время, но и иные представления, вызывающие политическую удовлетворенность, могут быть достаточными для принятия нового политического решения. Борьба решений — одна из особенностей политики, а политическая жизнь в конкретном проявлении иногда представляется достаточной в качестве критерия истинности или неистинности знания. Вывести политику и политические решения на широкий практический простор, подвести под них абсолютное время невозможно, и поэтому происходит невольная проверка конкретной практикой, что иногда превращает объект политики в полигон для проверки политических решений, не говоря уже о тех случаях, когда объект политики узнает о неадекватности политики его интересам на этапе последствий.

Политическая логика в таких условиях — это научная аргументация политических идей и решений, политический алгоритм, который содержит в себе лабораторно “проигранную” ситуацию, по крайней мере, ту из них, которая такому конструктивизму подвластна. Поэтому политическое решение и проект его внедрения — минимальный гарант политической безопасности такого решения, его конструктивного воздействия на объект в интересах самого объекта.

Философское представление об истине как адекватной информации о политическом объекте всегда сопровождается тезисом об истинности этой информации. В этом смысле политическая истинность ничем не

отличается от любой другой. Но в международной политической практике сложились определенные нормы, которые выступают в качестве критерия истинности как внутренней, так и внешней политики.

Во внутренней политике истинным является то, что отражает иерархию интересов общества, причем включаются в эту иерархию основные интересы в экономической, политической, социальной и духовной сферах. Степень проникновения политики в эти сферы, эффективность ее воздействия на них и приемы политической “работы” также входят в понятие истинности политики, хотя, понятно, эта степень существенно разнится в зависимости от характера и форм восприятия политики той или иной сферой, необходимости в ней.

Внутренняя истинная политика как адекватная информация об объекте строится на основе научно-политического осмысления прошлого, настоящего и будущего страны, социальной структуры народа, сфер общественных отношений и т. д. На этой основе предпринимается политический расчет как соединение реального и возможного, и в каждом конкретном политическом решении истина присутствует только в таком сочетании. Но возможное здесь не следует путать с будущим, в котором истинное знание состояться не может, хотя возможное как допущение предполагает взгляд на объект как на будущее образование. Будущее в таком контексте — это рассчитанное, даже во многом существующее, качество, которое приобретает динамизм во времени и в пространстве в связи с потенциалом саморазвития среды. Поэтому такое установление возможного, которое при прочих равных условиях по логике политика даст искомый результат, является средством осуществления истинной политики. Политик, познавший логику развития объекта, создавший в процессе ее постижения собственную логику и использующий ее во благо самого объекта, и есть истинный политик. Идеальное знание, идеализированный объект в таком качестве — также истинны, хотя такое знание можно использовать в политическом решении только в максимально напряженной политической обстановке, которая способна энергетически проверить это знание.

Политологическое представление в данном случае дает осмысленный, типизированный или индивидуализированный материал, который является для философского видения истинной политики той конкретикой, которая может оказаться достаточной для всестороннего его использования. Поэтому истинная политика — это политическое решение, возникшее как результат анализа фактов, событий, явлений политической жизни, их политологическое осмысление и философское

(методологическое) обеспечение. Политически лозунговое представление, в которое вмещалась бы политика как истина, ее политический идеологизированный вариант не имеют ничего общего с истинной политикой, которая тем успешнее во внутренней жизни общества, чем больший простор она представляет логике развития самого объекта политики. Поэтому общественные претензии к политикам и есть воздействие логики развития объекта политики на логику самих политиков, от которых объект требует научно осмысленной, политико-логической адекватности, т. е. истинной политики. Во внешней политике принципиально действует тот же “философский механизм”, хотя конкретный объект истинной политики здесь иной, что специфицирует и философское знание как методологию установления истинного в международных отношениях.

В политической деятельности, особенно на индивидуальном уровне, истинность решения может быть оценена как достаточная при наличии в факте, событии или явлении так называемой очевидности. Это “обыденное” политическое знание, построенное в основном на прошлом, опытно видении, внешне выглядит иногда весьма убедительно. Принять политическое решение при внешней очевидности объекта, на который оно направляется, представляется одной из форм адекватности, прямого выхода на истину. Например, совершенно очевидно самоубийственное в современных условиях применение ядерного оружия, и поэтому в последние годы ослаблен поиск дополнительной аргументации в пользу его запрещения и уничтожения. Положение стало очевидным. Или, например, очевидно сегодня для гражданина, допустим Украины, исповедывать украинскую национальную идею, включаться в деятельность по строительству нового государства. И в первом, и втором примерах при всей их очевидности именно в политике как основной форме социальных гарантий развития объекта должна постоянно присутствовать энергия “питания” таких объектов очевидного видения. Только такое постоянство является гарантом истинности политики, “владения ею ситуацией”, препятствует выходу из созидającego политического начала, который чреват общественными деформациями, возможно, даже трагического характера.

Не менее далекой от истинной политики является внешняя общезначимость знания, его претензия на истину. В политическом обиходе такого внешне общезначимого знания много. На нем спекулирует политическая демагогия. В качестве примера такого типа “общезначимости” политики является большевизм, который использовал общезначимое,

общечеловеческое как способ политического самоутверждения через искусственное противопоставление социальных интересов различных слоев общества. В то же время истинная политика здесь состояла в органическом единении на основе сочетания общего, особенного и единичного при ведущем общечеловеческом устремлении к социальной справедливости и ее высшему следствию — материальному и духовному благополучию людей. Именно поэтому научное знание большевизм превратил в прагматическое, поставив его высшей целью так называемое революционное преобразование общества. Политический прагматизм был возведен на уровень истинного знания, а его теоретическое оформление объявлялось единственно верным. Внешняя мыслительная убедительность, политическая логика, не отражающая, не фокусирующая логику исторического процесса, не говоря уже о логике самих политических отношений, субъективно не деформированных, заменили естественную убедительность общечеловеческого движения к высшим формам объективной самоорганизации. В таком движении к истинному знанию, к истинной политике нет ни объекта, ни даже субъекта истинного знания, оно вне этих сторон истины. Такие отношения просто не устанавливаются: носителем “истинного” становится господство, в котором объект господства не воспроизводится, а только учитывается. Слабой формой такого господства является демократия, уровень развития которой может более или менее “истинно” воспроизводить интересы объекта, но всегда известные политические пространства отчуждения остаются.

Украинская политика как истинное знание и действие уже в самом обозначении достаточно точно воспроизводит соотношение политики и истины.

Основной критерий истинности здесь налицо: политика есть адекватное отражение объекта — Украины, ее движения к формам социальной организации и социального благополучия нации в рамках общецивилизационных достоинств современного человечества как системного образования, основным элементом которого является нация (этническое образование). Другими словами, истинная политика — это инструмент национального самоутверждения народов при категорическом условии: в рамках современных общечеловеческих ценностей утверждается высшая из них — самочувствие личности, возможности ее гуманистической самореализации.

Поэтому украинская политика построена на основе органического сочетания первого и второго и ее конструктивизм может состояться

только в этом сочетании, которое есть истина, политическая истина и истинная политика. Последняя — истинная политика — фокусирует первое и второе как деятельное завершение по своей глубинной сущности двух наиболее мощных начал — родового (политика), видового (политическая истина) и деятельного (истинная политика). Утверждать, что они находятся в гармоническом состоянии в украинской политике, по крайней мере, некорректно, поскольку при известной истине — национальном самоутверждении украинства, народа Украины и... (читай выше. — *Б. Г.*), их гармонизация не состоялась, причем расхождения настолько значительны, что деятельная (истинная политика) элементарно с ним (расхождением) не справляется, причем не на базе обычного для политической цивилизации отчуждения, а именно как нарушение того объективного соответствия, в рамках которого только и может наступить состояние сбалансированности украинской политики.

Заблуждение здесь наступает как субъективное отражение несбалансированности, которое в украинской политике периодически наступает в силу незнания собственной энергии несбалансированности, применения к нему общеизвестного опыта (как материального, так и духовного). Поэтому истинная политика в Украине — это постоянный поиск возможностей сбалансированных действий по отношению к внешне несбалансированному состоянию политических отношений, хотя объективный (сущностный) баланс существует как высшая политическая истина, на основе которой развивалось национально-освободительное движение. Экономический и духовный элементы этого движения проявляются и после провозглашения независимости Украины.

Динамизм политической истины и истинной политики как ее деятельного начала все же находится в рамках статичного явления, каким является всеобщий политический интерес народа Украины, расчет которого вполне возможен именно в связи с его строгим истинным содержанием. Логика этого динамизма в Украине однозначна, как однозначны ее потенциал и основные опоры развития. Поэтому задача политиков в поисках истинного политического решения заключается в том, чтобы представлять и рассчитывать украинскую конкретность как реальную, хотя бы очевидную практику — как объективную реальность, которую можно определить как движение украинства от низших форм социальной организации к высшим, через преодоление собственной трагической истории. И поэтому политик в Украине должен профессионально точно постигать украинскую действительность, причем ту, которая имеет не сиюминутное, преходящее состояние, а

достаточно статично воспроизводит украинскую историю и сложившийся на ее основе менталитет народа. Реальность здесь — вся украинская история, которая воспроизводит потенциал нации в постоянном переходе из одного качества в другое, оставаясь в рамках национальной заданности.

Политическая ошибка в этой связи теоретически невозможна, поскольку в качестве истины выступает вся история украинства, логика ее развития, мысленно схваченные в их современном состоянии. Найти вечное и противопоставить его случайному, привходящему, не говоря уже об активно отрицательном, означает установление истинного, которое следует положить в основу политического действия, в частности, политического решения. Два начала — внутреннее и международное — в Украине существуют не только как векторы, ориентирующие на полноту политического действия, но и как едино истинное совмещение, по которому можно судить об истинности политического шага. Любой их аспект может быть решающим, коль скоро Украина находится в состоянии интеграции в мировое, в первую очередь европейское, пространство, что превращает такую интеграцию в истинное движение, в движение по правильному пути. Критерии истинности (правильности) здесь объективируются состязательной слабостью любого другого варианта развития, превращаясь таким образом в гарантию истинности ориентиров украинских политиков. И это не просто существующая политическая целесообразность, а именно вектор развития, и в политическом плане — успех национально-освободительного движения, который может быть обеспечен только на точном расчете его истинности. Поэтому посягательство на это движение — прямое нарушение истинности пути украинства, народа Украины, который необходимо пройти с тем, чтобы приблизиться к более сложной истине — самоутверждению человечества в мире возможной социальной гармонии, к которой оно стремится. Украина в этом смысле — не исключение, а правило, так как ей также известна истина, в частности политическая, и поэтому выбор пути настолько объективирован, что в любом другом варианте происходит стихийное посягательство на истину и истинная политика не получает развития.

Поэтому украинская национальная идея, украинское национально-освободительное движение как наиболее полное ее воплощение превращаются в национальную истину, которая, в свою очередь, предопределяет истинность политики украинских политиков.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

5.1. Чувственный аспект политической деятельности

Органами чувств человека (политика) воспринимается огромное количество информации, которую он через ощущения на уровне восприятия, представления и творческого воображения перерабатывает как субъект политики и в зависимости от важности (или сложности) объекта своего воздействия переводит (или только учитывает) на язык политических решений. Эффективность такого перевода зависит от философской культуры политика: если он в состоянии дать научно достоверную картину роли ощущения в познании и применить тезис об отражении ими объективной реальности, то использование ощущений в такой деятельности будет плодотворным. Только в таком контексте образ и изображаемая им действительность вступают в эффективную для политики связь.

Но чувственное восприятие политической действительности внешне меньше всего импонирует политике, политической деятельности. Напротив, чувственное восприятие, как правило, считается чем-то затрудняющим или искажающим истинное постижение объекта, если, конечно, оно не переведено на язык интеллектуального представления.

В политической деятельности чувственная структура всегда располагается в иерархии постижения действительности ниже, чем другие ее элементы, и весьма непопулярна сама по себе, вне функции обеспечения интеллектуальной деятельности. В этой связи в истории политики и политической деятельности накопилось огромное множество логически необъяснимых политических действий, которые на уровне интеллектуального постижения не воссоздают объективной картины происшедшего, что с необходимостью снимает и саму возможность ее полноценного понимания. Даже одинаковая внешняя политическая информация в чувственной структуре настолько по-разному переходит в интеллектуальное восприятие, что представление о ней переводится на язык политических решений даже с противоположными характеристиками.

Поэтому политическая задача заключается в том, чтобы в каждом конкретном случае находить причинно-следственные зависимости, которые были бы достаточными для объяснения (и оправдания) всех видов достижения желаемого эффекта, в том числе и с помощью чувственной сферы субъекта политики. Даже если субъект политики коллективен, такая сфера присутствует, но обозначить “коллективное политическое чувствование” весьма сложно. Обычно в политической деятельности чувственная сфера используется на персональном уровне, хотя в политическом лексиконе есть такие понятия, как “ощущение приближающейся опасности” (у народа или какой-либо группы людей), “политическое чутье” и др.

И все же жесткие, логически неопровержимые и политически зрелые решения политика, его политическое поведение выступают в качестве основного фактора политической эффективности деятельности, оценивается эта деятельность также с помощью указанных характеристик.

Изложенное иллюстрирует состояние, когда политика руководствуется чувствами, а не вводит чувственное восприятие в структуру общих механизмов познания. Иначе говоря, принятие политических решений только на основе чувств недопустимо. Но существует чувственный аспект политической деятельности, в котором присутствуют ощущения, влияющие на восприятие, представления и творческое воображение. Предельно высокая степень ответственности не позволяет политике и политику непосредственно переводить чувства на язык политических решений. Но они “работают”, и надо знать механизмы этой “работы”.

Политические ощущения, в отличие от их философско-психологических характеристик, нельзя отнести к элементарным психическим явлениям, так как это — отражение свойств предметов объективного мира, возникающее в результате не только непосредственного их воздействия на органы чувств, но и подготовленности этих чувств к такому ощущению. Кора головного мозга как центральная часть анализатора выступает в информационной форме, а вся система анализаторов наделяется функциями субстрата восприятия, дающего возможность отражать структуру внешних предметов. Для политических ощущений важно то, что они выступают в роли признаков объективных свойств внешних предметов на основе известной взаимосвязи между качеством ощущения и свойством самого политического предмета. Поэтому и в политике ощущения могут дать материал для элементарных представлений, но в автономном, а тем более независимом режиме они не ра-

ботают, лишь в случае необходимости соединяясь с политическим восприятием, политическим представлением и политическим воображением.

Политическое восприятие связано преимущественно с апперцепцией, т. е. значительной зависимостью каждого нового восприятия от жизненного опыта политика и меньшей зависимостью от его психического состояния в момент восприятия.

Политическое представление, возникающее на основе восприятия, является чувственно-наглядным, обобщенным образом политического предмета (события, явления, факта). Оно — необходимый элемент политического сознания, так как служит связью значений и смысла понятий с образом предмета, что дает возможность (политику) оперировать этими образами.

Политическое воображение, как и любое другое, — это способность создавать новые чувственные или мыслительные образы на основе преобразования полученных впечатлений.

И первое, и второе, и третье — суть общие свойства человека, и внешне нет необходимости пересказывать простейшие философско-психологические истины. Но в том-то и дело, что добавление слова “политический” должно найти свое более полное объяснение.

Политическое восприятие связано не только с апперцепцией, но и с уровнем информационной подготовки политика, его профессионализмом, с такими личностными качествами, как организаторский талант, государственная мудрость, чувство и условия ответственности, настроенность на механизм политической организации общества, давление объекта политики, который он представляет, и т. д. Восприятие в политике — это уровень политического видения, личная потребность и востребованность политической информации в любом ее виде и способность перерабатывать эту информацию в интересах политики независимо от ее (информации) характера. Воспринимать в политике не означает соглашаться с воспринимаемым и поэтому от психологического неприятия или прития ничего не зависит. Политик как бы возвышается над собственным восприятием, над его сущностью, когда возникает необходимость в оценочном отношении к объекту. Эта оценка должна быть включена в политический контекст, которым только и должен руководствоваться политик. Чем успешнее осуществляется внутренняя работа политика по такому включению, тем успешнее его восприятие помогает принятию или реализации политических решений. Поэтому, например, сдержанность политика в явно оскорбительной ситуации следует оценивать не как обыденное восприятие “пощечины”, а только как политическую целесообразность в конкретных условиях, хотя и в такой

ситуации существуют известные ограничители. Спокойное выслушивание неприятных для политики страны, института или отдельного политика выступлений также следует представлять не как обиденное восприятие, а только как необходимое политическое поведение, выгодное в данных условиях и т. п. Практически политик воспринимает любую информацию, анализирует ее и использует только в интересах политики. Личный мотив здесь должен быть исключен, даже если его проявления объективно провоцирует характер информации. На этой основе и появился один из основных постулатов политики: *обществом должны управлять не люди, а законы.*

Политическое представление также имеет свою специфику. Обобщение, которое предшествует представлению, обязательно имеет место при определении политичности или неполитичности объекта (факта, события, явления). Обобщение связывает политическую зрелость, профессионализм политического деятеля с тем “материалом”, который является объектом внимания, помогает создавать на этой основе образную модель будущего решения или характера действий. Представления недостаточно для полноты решения, но оно может служить исходным пунктом обобщения. Профессионализм в данном случае и есть способность применять профессиональное знание, состоящее в первую очередь из специальных понятий, представлений о предмете, его образной характеристики, созданной тем же профессионализмом. Критерием правильности этого применения является политическая зрелость решения, его практическая эффективность.

Политическое воображение в этой связи возникает на основе политического представления, и чем это представление основательнее, истиннее, тем более “работоспособным” оно оказывается. Из представления политическое воображение извлекает его внешне невидимый потенциал, связывая его не только с действительным, но и с возможным, зачастую не имеющим прямых связей. Воображаемый политический объект — это образ его будущего поведения, который создает политический резерв, постоянно используемый при нерассчитанном политическом действии. В конкретном проявлении это может быть первое впечатление от политической встречи, личного политического контакта, логически домысленное движение ситуации или шага политического коллеги или оппонента, мыслимое или чувственное изображение возможных последствий того или иного политического состояния и т. п. Поэтому чем выше культура чувств и мыслительной деятельности политика, тем политически эффективнее их участие в подготовке и реализации политических решений.

В Украине ощущение политической реальности проявляется как эволюция национального отторжения от тех агрессивных обстоятельств, которые навязывались украинству как зависимому образованию на протяжении столетий. Растущее чувство национальной раскрепощенности породило (и порождает) национальный позитив, который выступает в качестве источника адекватных политических действий. Переходя в форму представления, ощущение превращается в фактор национального самоутверждения за счет анационального, отбирая таким образом из ощущений то, что может служить источником правильных политических представлений.

Сюда включается и национальное воображение, которое по мере укрепления национального суверенитета все более активно превращается в осознанное политическое поведение. Возникающий на этой основе политический образ, как плод творческого воображения, в украинской политике носит ментальный характер, превращающий любое политическое действие в факт реализации чувства национальной целесообразности. И несмотря на то что чувственный аспект политической деятельности может находиться на втором плане, в Украине наиболее полно в чувственном виде выражается национальное достоинство, сопровождавшее украинство и украинских политиков на протяжении нескольких столетий национального унижения. Поэтому в корпусе украинских политиков политическое чутье, ощущение опасности для самого существования Украины как суверенного государства существуют часто даже без их логического воспроизведения. И это не стихийность национальной самореализации, а постоянно сопровождающее его чувство справедливости результатов исторического развития, которое вывело Украину на полноценное элементное существование в системе национальных элементов современного человечества.

5.2. Политическое мышление

Кроме чувственного восприятия мира существует и его мысленное восприятие, которое учитывает первое, но не сводится к нему, а рождает нечто свое, располагая собственными познавательными возможностями. Вместе с тем союз чувственного и мыслительного практически нерасторжим, так как чувственное созерцание так же необходимо человеку, а тем более политику, как и осмысленное восприятие.

Собственные же познавательные возможности мышления в политике обычно противопоставляются чувственному восприятию, более того, эмоции в политике, как правило, суть свидетельство нелогичности, неразумности политического поведения. Поэтому основное внимание должно уделяться собственно мыслительной деятельности, которая представляет собой процесс целенаправленного отражения свойств предметов и явлений в суждениях, понятиях, теориях, научных концепциях и т. д. Результат такого процесса — мыслительное постижение объективной реальности и созидание на его основе определенных идей, взглядов, позиций. Поэтому и политическое мышление есть логически устроенный поиск указанных свойств, который предопределяется как логикой самих свойств, так и собственной логикой, каждый раз в опосредовании объекта в этой логике. Отсюда опредмечивание и распределенное объектов и вывод их на конкретные объекты или на закономерности их функционирования и развития. Но и то, и другое выступают в качестве целого, как мыслительная деятельность, основными видами которой являются абстрагирование и обобщение. Реализация этих видов мышления происходит в формах понятия, суждения и умозаключения, причем умозаключение, в свою очередь, выступает в формах индукции и дедукции (видение общего, состоящего из частного, и частного в общем).

Все это позволяет организовать логичное мышление, основным критерием которого является логика самого объекта, причем эта логичность может быть как диалектической, так и формальной. Первая — это содержательное мышление, вторая — мышление структурное, отвлеченное от конкретного содержания. Поэтому в философии диалектика рассматривается и как теория познания, и как логика, хотя тождества мышления и объективного мира не существует.

Политическое мышление использует весь арсенал приемов и методов мышления, который включает в себя анализ и синтез, абстрагирование и идеализацию, обобщение и ограничение, абстрактное и конкретное, историческое и логическое, аналогию, моделирование, формализацию и математизацию.

Особенностью политического мышления является то, что политик должен постоянно фокусировать в своей мыслительной деятельности не только непосредственный объект, но и интерес к этому объекту сил, им представляемых. А отсюда и постоянное ориентирование политической мысли, и стремление (как индивидуальное, так и коллективное) к воздействию на этот интерес для его же пользы. Поэтому и политичес-

кая логика включает в себя не только отраженную политиком логику объекта, но и логику восприятия этого объекта теми, кого представляет в политике тот или иной политический деятель. Поэтому политик стремится повлиять так же как на интерес на логику восприятия объекта субъектами, которых он представляет.

Двусторонняя логичность мышления политика отражается и на таком мыслительном процессе, как абстрагирование. Политическая абстракция — это абстракция, объектом которой выступает абстракция более низкого уровня, поскольку политическое представление об объекте или интересе объекта — это уже абстракция, но нуждающаяся в переводе на язык политической идеи, взгляда, позиции, наконец, решения. Поэтому переход от политического абстрагирования к политическому обобщению, даже если речь идет о единичном объекте, — необходимое условие развития логики политического мышления.

Политическая абстракция и политическое обобщение, кроме того, не имеют статистического обоснования, поскольку для политики количественные основания абстракции и обобщения принципиального значения не имеют, так как в политике любой количественный показатель может оказаться достаточным для абстрагирования, обобщения и принятия политического решения. Потенциал объекта здесь представляет собой количественную и качественную меру, достаточную и для абстрагирования, и для обобщения. Поэтому они и выступают постоянно как выведение общего из частного и частного из общего, т. е. в форме индукции и дедукции как равноценных политических мыслительных результатов. Причем политически каждый из них представляется в процессе, а не только как некая политическая самоценность, ибо именно процесс развития первого и второго может сыграть весьма существенную роль в политическом процессе, в политических отношениях.

Содержательность политического мышления на такой основе означает прямое воспроизведение причинно-следственных зависимостей в развитии объекта политики, но его формализация здесь — не только саморазвитие логики, не только отвлечение от конкретного содержания мышления, но и прямое обслуживание вторым первого. Отсюда постоянное стремление политического мышления к возможно более объемному формализованному знанию, к “осушению” содержания, к созданию и накоплению политических форм, среди которых конкретные политические отношения немедленно находили бы свою, адекватную. Конституция, нормы международного права — одно из наиболее убедительных свидетельств этого.

Политический анализ как форма мыслительной деятельности предполагает изучение взаимодействующих структур и нахождение в них тех связей, которые могут дать политический эффект в настоящем или будущем. Мысленное расчленение объекта при политическом анализе дает эффект только в том случае, если это расчленение возможно в реальном функционировании объекта, иначе практическая политика не состоится. Синтез располагает теми же возможностями.

В другом положении находится мыслительная политическая идеализация. Именно в политике необходим максимум реальных оснований для идеальных построений, которые в таком случае выступают как прогноз, но с одним условием: этот прогноз допускает включение в идеализированный образ тех свойств или признаков политического объекта, которые логически вытекают из его расчетного потенциала. При прочих равных условиях прогноз может состояться, но эти условия могут не сложиться, что обязательно следует учитывать. Поэтому здесь возникает связь с такой мыслительной операцией, как восхождение от абстрактного к конкретному, от “бедности” мысли к богатству реального содержания объекта. Задача политика в таком мыслительном процессе заключается в том, чтобы идеальное построение не приводило к политическому прожектерству, чтобы в нем присутствовало историческое и логическое, причем, чтобы они “работали” на саму возможность конкретного политического действия.

Особое место в системе политического мыслительного инструментария занимает аналогия. В политике она принципиально исключается в связи с высочайшей ответственностью политического решения, политической деятельности вообще, так как аналогия, по крайней мере внешне, есть облегченный путь постижения истины, нахождения искомого решения. Аналогии в политической деятельности считают даже опасными. Однако было бы неправильным исключать само допущение политических аналогий, так как они могут быть средством “экономии” политического мышления, допускающим в поведении объекта некий повтор, что позволяет переносить во времени некоторые свойства состоявшегося поведения объекта на настоящее или даже будущее его поведение. Политическая ошибка в аналогии может быть только в том случае, если аналогия будет положена в основу решения как достаточное представление. В наборе же мыслительного инструментария она бесполезна.

В политической деятельности весьма распространено моделирование как мысленное представление о потенциале объекта, его саморазвитии и развитии в связи со средой в обозримом будущем и обозри-

мом пространстве. В качестве модели могут выступать программа политической партии, государственный план, экономическая модель и т. п. Как правило, политическое моделирование предметно. Оно воспроизводит характеристики объекта с реальным и возможным содержанием, выделяя в нем структурные и функциональные элементы с тем, чтобы установить возможные связи между ними на основе определенных теоретических или гипотетических построений, создающих методологию модели, ее ограничители.

В мышлении отражаются связи и отношения между предметами и явлениями объективной действительности. Оно в состоянии отражать их сущность, являясь высшей формой отражения действительности. И поэтому язык как непосредственная действительность мысли так важен в политической деятельности.

Политический язык — это такая форма отражения действительности, которая берет на себя ответственность за состояние объекта, им отражаемого, за максимально возможное в данное время и в данных условиях воспроизведение основных его характеристик. Обобщенной формой политического языка являются политические науки, знание которых выступает в качестве элементарно необходимого условия политической деятельности. Профессиональный политический язык в этом смысле также естествен для политической деятельности, как и в любом другом виде профессиональной деятельности, так как специализация знаний на основе общественного разделения труда породила и соответствующую языковую форму — политический язык. Он имеет международный статус, выражающий международность политических отношений. Система политических и правовых наук была бы невозможна без такого языка, как и политическая деятельность в целом. Поэтому мировое сообщество стремится к его унификации, ко все большему наполнению политического языка тем словарным составом, который не только отражал бы современные политические реальности, но и опережал их, давал бы словарный простор для их развития.

Особенностью политического языка является то, что он вынужден функционировать не только как профессиональное образование, но и как общедоступная форма знания, поскольку объект, им отражаемый, — это всеобщий интерес, который постоянно “стремится” контролировать свою реализацию. Поэтому в политическом языке (как и в языках других наук) существует собственно “цеховой” язык и язык, рассчитанный на понимание и использование непрофессиональной (по отношению к политике) частью населения. Разумеется, это не единый

политический язык, словарный состав которого по-разному используется в профессиональной и обыденной средах.

Украинский политический менталитет выступает в связи с изложенным как противоречивое образование, которое несет в себе традиционный мыслительный уклад. Последний сложился под воздействием колониально зависимого общественного устройства, в том числе советского, и глубинного национального протеста против этой зависимости. Декоративная национальная самостоятельность, предложенная большевизмом, только усугубила национальную трагедию, добавив к процессу распада нации коммунистическую демагогию.

Поэтому политическое мышление в современной Украине имеет две основные формы, которые соревнуются между собой под эгидой объективного национального менталитета как антипода политическому “разнообразию” мышления, возникшему на базе противоречивости пути украинства в мир естественного существования наций.

Осмысленное восприятие украинской действительности политиками также противоречиво, что порождает политическую борьбу в их среде, хотя высший интерес нации заключен в политическом созидании единства, которое сегодня выступает в качестве основного условия сохранения и укрепления независимости Украины. Целенаправленное отражение политиками процесса развития противоречий должно входить в логически стройный ряд, который должен быть предложен как определенный набор национальных истин, предопределяющих политическое мышление украинских политиков. Здесь не столько важна их логика, уровень политического мышления самого политика, сколько логика украинского движения, логика реальных отношений, которую политик переводит на язык политических решений. Она, и только она, гарантия здорового развития нации, интегрированной в мир цивилизации, основу которого составляют высокоразвитые страны, вышедшие на историческую отметку — образование социально справедливого общественного устройства, направленного на создание всех необходимых условий для самореализации личности.

Задача политического мышления украинских политиков заключается в двуедином действии, одновременно направленном на бескровное изъятие всего того, что веками мешало самоутверждению украинства, и организацию нового общественного порядка, в котором украинство сумеет постоянно реализовывать свою сущность.

И то, и другое вполне поддается приемам и методам мыслительной деятельности. Но украинский способ их включения в политическую

деятельность несколько отличен от своего академического двойника в развитых политических системах.

Анализ в украинской политической деятельности имеет особое, скоротечное содержание, поскольку его использование происходит в условиях неопределенного динамизма общественных отношений, который не позволяет постигать себя аналитически в полном объеме, с учетом всех качественных и количественных характеристик, ему свойственных, тем более в необходимом времени и пространстве. Поэтому скороспелость анализа, указанные ограничители создают не всегда адекватную информацию, снижающую эффективность политического решения. А отсутствие традиционной системной информации существенно дополняет эту картину.

Для того чтобы такой негативный эффект “не улучшал” своих позиций, необходим политический профессионализм, подготовленный к любой политической ситуации, к любому состоянию объекта и поэтому не страдающий отрицательной сиюминутностью, отношением к политическому анализу, как к индивидуальной способности познания, определения его реального и потенциального состояния и т. п. Профессиональная аналитическая деятельность части украинских политиков привела к созданию ряда аналитических и правовых документов, помогающих Украине находиться в рамках мировой политической цивилизации.

Синтезирующий метод политического мышления для украинских политиков выступает в качестве этапной процедуры, временного показателя, часто итогового приема, который как и анализ “зажат” украинской социальной неопределенностью. Но тем почетнее задача украинских политиков: найти такие синтетические формы познания и овладения информационным потенциалом политического объекта, которые достойны обобщения как живой возможности прямого использования в политической деятельности.

Наиболее эффективно синтез в качестве метода познания, приема мышления представлен во взгляде на украинскую политическую жизнь как на многовековой процесс вызревания, становления и укрепления украинского этноса, эволюция которого с неизбежностью вела к постоянной борьбе за право быть самим собой, без вторжения отрицательных, разрушающих нацию политических факторов. Поэтому современное использование в мыслительной деятельности синтеза — это фундаментальное представление об украинстве, как о части человечества, состоящего из системы национальных элементов. Именно такое синтетическое видение Украины дает наибольший политический

эффект, поскольку позволяет делать политику в рамках исторической заданности, на которую претендует украинство как великая нация.

Такое использование синтеза как метода мышления возможно в самом мыслительном процессе только на уровне известной абстракции, которая тем производительнее, чем выше ее уровень. Если при этом не происходит отрыва от объекта познания, мыслительной деятельности, то следует признать такое утверждение “законным” и класть его в основу характеристики украинской политики, как набора национально аксиоматических положений, составляющих методологию национального мышления. То обстоятельство, что этот набор иногда воспринимается как идеализированная данность, означает лишь то, что абстракция закрепляет внешне “оторванную от жизни” идеализацию украинства как воспроизведение его жизнеутверждающего потенциала, зажато политической историей настолько, что среднему гражданину иногда кажется, что Украина никогда не выйдет на уровень высокоразвитых государств.

Однако идеализация как прием и метод мышления наиболее импонирует украинству, поскольку позволяет опираться на национальную духовность как на основной, по сути решающий фактор существования и развития нации.

В этой идеализации абстрактное и конкретное взаимодействуют с такой силой, с такой мерой убедительности, что можно смело говорить об украинском идеализме, в котором восхождение от абстрактного к конкретному нашло свой классический образец. Украинское национально-освободительное движение сегодня представлено как абстракция, постоянно “рвущаяся” к конкретному, которое на ее основе захватывает все более мощные позиции, несмотря на неровность и даже политическую непоследовательность политического поведения этого движения.

Именно в украинском национально-освободительном движении, представленном сегодня на уровне абстракции, историческое как известная данность постоянно превращается в логическое, в момент истины, что еще раз подтверждает духовную (и политическую) правоту украинства в его стремлении к самоутверждению в мире высокоразвитых наций. А это означает наличие национальной логики, охарактеризованной Т. Шевченко словами “у своїй хаті своя правда”.

Политическая аналогия как прием и метод мышления в Украине работает только в оперативном режиме, в процессе принятия конкретных политических решений. Она существенно ослабляется на уровне общенациональном, поскольку трагическая оригинальность украинской

истории и современного состояния не допускают сравнений, использование которых в политике особенно опасно, если они не полностью отражают явления, факты, события национального порядка на уровне тождества с явлениями, факторами, событиями в ином национальном образовании. Поэтому в выступлениях украинских политиков постоянно звучат возражения против слепого, бездумного копирования мирового опыта создания суверенных независимых государств.

Наконец, в политическом мышлении украинских политиков используется моделирование как прием организации новой социальной системы. Эти модели также не имеют исторического прецедента, поскольку касаются оригинального объекта — Украины, и поэтому чем органичнее они для страны, тем успешнее их использование в политической деятельности.

5.3. Эмпирический и теоретический уровни политического мышления

В политике постоянно происходят фиксация фактов и их сущностное познание. Первое является эмпирическим, второе — теоретическим осмыслением. Но и в том, и в другом способах исследования обязательно присутствует проблема как заданный самому себе вопрос, а она, в свою очередь, задает программу, реализация которой зависит от правильно проведенного наблюдения и эксперимента, в том числе мысленного, хотя и сам эксперимент располагает возможностью проверить гипотезу или выявить неожиданные данные.

В этой связи в политике особенно важен факт как действительное событие, зафиксированное нашим сознанием и воспроизведенное в какой-либо материальной форме (запись, съемка, свидетельство многих людей — подтвержденные научно достоверным измерителем и т. п.). Факт — строительный материал любой мыслительной деятельности, но он должен быть профильтрован, состоять из определенного набора, имеющего связь и нужную цельность.

Этот набор более убедителен, если основывается на теории, но наиболее ценным является факт, который не известен познающему субъекту. Поэтому значительное место в понимании фактов занимает их описание, установление достоверности и точности наблюдений, эксперимента, а отсюда и их объяснение, хотя для его всесторонности существует вначале гипотеза как интуиция познающего, ее вероятностный потенциал.

Один из наиболее ощутимых результатов такого подхода к эмпирическому постижению объекта — создание концепции или теории, в том числе политической. Обоснованная как система знаний, она должна отражать существенные свойства объекта и располагать такими качествами, как непротиворечивость, целостность. Теория также должна включать в себя описание закономерностей, причинно-следственных зависимостей и детерминантов того или иного явления. Основной источник развития теории — ее эмпирические основания, которые постоянно пополняются и могут “заставить” теорию пересмотреть самое себя или даже отказаться от собственного содержания.

В структуру теории, политическую в том числе, входят эмпирическая база, набор принятых ключевых положений, логика теории, выведенные положения, законы и прогностический потенциал. Венцом теоретического развития является революция в познании, которая характеризуется сменой научной парадигмы. И, наконец, в теоретическом знании важен потенциал предвидения, которое особенно в политике должно быть построено не на предчувствии или предугадывании, а на эмпирически и теоретически обоснованном предположении о возможном эффекте развития объекта или его поведения. Только на такой основе возможны прогнозирование, предсказание и организация будущего развития объекта, в частности поведения человека или группы людей. Более того, такое прогностическое знание может лечь в основу реального процесса изменения политики, ее приведения в соответствие с научно установленными новыми возможностями политического развития объекта.

Политический факт может быть достаточным основанием для принятия решения, поскольку специфика факта, имеющего политическое содержание, в том и состоит, что оно (это содержание) есть отражение такой сущности, которая сама по себе именно как политическое образование достаточна для начального, первичного, вывода о ее определенной всеобщести. Иначе такой факт не следует квалифицировать как политический. Поэтому любой политический факт принципиально является проблемным, если по нему необходимо принимать решение. Соотношение эмпирического и теоретического здесь может быть только способом познания сущности факта, которого, однако, достаточно для вывода о правильности постижения факта. Конечно, нельзя считать равнозначным эмпирическое и теоретическое осмысление политического факта: второе, конечно, более эффективно. Но именно в политике момент отвлечения от политического объекта, программное его изображение на основе суммы наблюдательных и экспериментальных данных

могут оказаться менее эффективными в силу особого значения динамичности в развитии политических фактов, тем более фактов, имеющих политически судьбоносное значение.

Уже сама оценка факта как политического есть свидетельство того, что он предстал пред мыслительной деятельностью политика как некое образование, имеющее необходимые причинно-следственные зависимости, и генезис этих зависимостей уходит в толщу основных политических отношений, свойственных данному обществу, политическому институту или политическому явлению. Поэтому констатация политического факта — это не только и даже не столько собрание строительного материала для принятия политического решения, сколько собрание материала для установления подлинной политичности самого факта, от чего различные эмпирические приемы по собиранию фактов, которые применяются в обычном поиске, как правило, недостаточны для квалификации эмпирического материала как политического факта.

В этой связи политологическая теория, предлагающая научные выкладки для точного определения политичности факта, имеет существенное значение для правильного понимания природы факта. Эти выкладки, однако, могут оказаться недостаточными, так как они — теоретическое осмысление известных фактов. Основная же задача теоретического знания по отношению к политическим фактам состоит не в том, чтобы самой быть непротиворечивой, целостной, отражать основные свойства объекта, а в том, чтобы создавать теоретические “просторы” для установления политичности факта и прогностический потенциал для их вхождения в систему познанных закономерностей, осмысленных причинно-следственных зависимостей, научно допускаемых детерминантов возникновения политических фактов. Чем больший простор политология создает для такого “функционирования” фактов, тем надежнее эмпирический базис политики. Если же научная теория такие просторы не создает, то большое количество политических фактов остается неизвестным, что затрудняет осуществление политической деятельности, особенно если эти факты принципиально опрокидывают основные постулаты науки или научной гипотезы.

Поэтому практическая политика должна руководствоваться реальным жизненным материалом, а также устанавливать, по крайней мере, в виде научного допущения, основные, магистральные, пути развития. Особенно такое допущение необходимо в связи с возможностью революционного скачка в политическом познании, который постоянно вызывает и совершается в силу прямого, непосредственного взаимодействия между политической теорией и политической практикой как

наиболее наукоемкой частью общественных отношений. Общенаучная смена научной парадигмы в таких случаях в политической теории происходит весьма специфично. В ней обязательно присутствует политический интерес как объект-фундамент любого типа теоретического переосмысления, в том числе и революционного скачка в политическом познании. В этом смысле интерес выступает как общечеловеческое начало политической преемственности, и только новое его содержание может кардинально изменить политическую парадигму.

Но политическая парадигма как образец решения исследовательской задачи именно в политике должна быть постоянно открытым образцом, на который ориентируются различные политические доктрины, и принимают ее только в соответствии с реальными возможностями функционирования и развития того политического объекта, на который направлена та или иная теория, та или иная политическая деятельность.

Теоретическое знание в политике становится достаточно практичным, если располагает необходимым научным потенциалом. Для этого в нем должно присутствовать в первую очередь объяснение политического явления, события, факта, которое позволяло бы раскрыть связи между ними, их сущность, что достигается использованием общенаучных приемов, таких как дедукция, аналогия, описание, сравнение, составление модели, объяснение через закон или систему законов, генетическое, функциональное или структурное объяснение и т. д.

Практичность теоретического знания во многом зависит от его предсказательного потенциала, т. е. от возможностей с его помощью предвидеть ход политического развития, его последствия. В основе такого потенциала теории лежит знание законов развития объекта. Политическое развитие в этом смысле — наименее поддающееся прогностическому предвидению явление, но именно по отношению к нему эта необходимость наиболее настоятельна. Поэтому в политической теории крайне важно учесть всю сумму знаний об объекте политики, синтезировать эти знания до кондиции, достаточной для всестороннего теоретического охвата действительности, связанной с данным политическим объектом.

Но для принятия политического решения и объяснение, и описание, и предвидение должны опираться на прочный фундамент, который был бы надежной базой, гарантирующей верность теоретического знания, а отсюда и его практическую эффективность. Таким фундаментом является методологическое знание, методология как функция теории.

Метод как “душа и понятие содержания” (Г. Гегель) объективен. Он существует в самом явлении, но взят в идеальном, субъективном преломлении, что свидетельствует о его относительно независимом от действительности состоянии. В современной науке используются эксперимент, гипотеза, аналогия, восхождение от абстрактного к конкретному, системно-структурный метод и другие общие методы, отражающие единство законов бытия и законов познания, мышления, единство онтологии и гносеологии. Но метод, в отличие от истины, отражает предмет не прямо и непосредственно, не адекватно, а опосредованно, через теории, абстрактно выражающие сущность данного предмета, хотя, понятно, что не любой уровень развития теории достаточен для ее использования в качестве метода, как между теорией и методом не существует тождества: теория — это орудие действия, общественной практики, а метод — это инструмент познания, прием научного исследования.

Таким образом, метод, как и созданная на его основе теория, имеют эмпирические и теоретические основания, теорию в теории.

Эмпирические данные играют в науке особенно большую роль на стадии зарождения и формирования теории. В политике эта стадия возникает как необходимость определить объект познания, выделить его из общей политической действительности. При этом имеется в виду такое его качество, как саморазвитие, причем саморазвитие объекта как предмета теоретического осмысления, имеющего временные и пространственные характеристики. Уровень и характер имеющегося знания по данному предмету в политике далеко не всегда может быть учтен, как и по отношению к предметам из других сфер общественной или естественной жизни. Здесь обязательно имеет место оригинальная политическая ситуация, которая требует адекватного осмысления, и “подтягивание” исторического политического опыта далеко не всегда плодотворно. Не случайно бытует такое выражение: “исторические аналогии в политике — не лучший способ постижения политической истины”.

Определяя политический предмет, следует иметь в виду основную идею теории, сквозь призму которой будет “просмотрен” и сам предмет, и на этой основе можно создавать эмпирическую базу политического исследования. Такая заданность существует в виде политического интереса, заложенного в основной идее будущей теории. Этот эмпирический базис в политическом исследовании состоит, в отличие от других видов исследования, не только из осмысленных, научных, но и из “голых” фактов, поэтому следует учитывать их связь и динамизм развития. Причем, политическая теория тем надежнее, чем большее сущностное проникновение в факты состоялось в процессе ее формирования.

Поэтому результаты такого проникновения следует использовать как опосредованную практику, заключенную в понятиях, законах, теориях, категориях и т. п., так как каждый конкретный политический факт всегда неполон. Более того, он может быть по-разному истолкован. Чтобы этого не произошло, необходимо исходить из того, что эмпирический базис теории нельзя представлять как “чистую эмпирию”, не располагающую теоретическим фундаментом. Уже сам уровень развития субъекта познания, в данном случае политика, и есть своеобразный “теоретический фундамент” эмпирического базиса.

На этой посылке зачастую строится обыденное представление о возможностях политических лидеров и даже политических функционеров, хотя желаемая связь здесь состоит в том, чтобы это было конструктивное вмешательство в политическую теорию, но отнюдь не использование ее в политической практике в зависимости от этого уровня, даже опытного представления о нем. Только сам характер содержания и практическая эффективность политического решения могут быть достаточными для такой связи.

Известно, что в политической деятельности особо ценится практичность теории, практичность политического мышления. Эта функция теоретического знания выходит на критерий его истинности, в конечном счете, целесообразности. Но связь теории с практикой носит двусторонний характер. С одной стороны, сама теория формируется в процессе практической деятельности, а с другой — практическая деятельность осуществляется на основе теории. Эмпирическое и теоретическое здесь и есть выражение такой двусторонности, взаимовлияния.

Поэтому политику, политическую деятельность нельзя осуществлять, не опираясь на связь эмпирического и теоретического. Более того, политическая эмпирия сама по себе уже есть осмысленное знание на уровне политических понятий, представлений и оценок. Но именно политическая эмпирия и только она может претендовать на определенную теоретичность, поскольку оценка эмпирического материала как политического уже само по себе есть элемент теоретического постижения действительности. Поэтому так называемая практическая политика не может быть одновременно и теоретической политикой, хотя степень теоретического осмысления политических фактов, событий, явлений может быть разной. Чем глубже и разностороннее такое осмысление, тем эффективнее и сама политика, политическая деятельность.

Для украинских политиков это особенно важно, поскольку политический эмпиризм и теоретический уровень политического мышления в Украине находятся в соревновательном, а иногда даже в конкурирую-

щем состоянии, что вызвано отсутствием как мирового, так и национального опыта организации современной социальной системы и крайней недостаточностью соответствующих научных разработок, посвященных эволюции украинской политической независимости в контексте принципов современной политической цивилизации [1]. Поэтому украинская политика так слабо обеспечена теоретически, а теория политической деятельности преимущественно заимствуется из иностранных источников. Если же учесть, что теория должна включать в себя описание закономерностей, причинно-следственных зависимостей и детерминантов явления, то становится очевидным, что необходимо теоретически осмысливать основное явление, которое должно в первую очередь интересовать ученого: это состояние своей страны, своего народа, своей нации, в данном случае Украины, закономерности ее становления как суверенного государства, в том числе закономерности политические.

Эмпирический уровень политического мышления в таком контексте и есть состояние нации, государства, общественных отношений, которые в Украине находятся в переходном качестве, что особенно усложняет отбор эмпирического материала для разработки политических решений любого уровня. В украинском политическом мышлении весьма заметно господство факта, конкретного события и поэтому их политическая оценка часто вытекает из интересов определенных групп, что существенно усложняет их теоретическое осмысление. Поток законодательных актов, политических решений, управленческих действий, не говоря уже о программах политических партий, не обеспечивается фундаментальным теоретическим знанием, придающим политике высшую эффективность. Примечательно, что в отличие от России, которая устами Б. Ельцина назвала целью своей политики содействие становлению народного капитализма в стране, Украина такую цель не обозначила. Считать же статью Конституции, в которой Украина названа демократическим, правовым, социальным государством, достаточно полным обозначением цели ее развития нельзя. Поэтому политика в Украине проявляет себя преимущественно в экономических выкладках, в обычном хозяйствовании, что для такой страны, тем более находящейся в переходном состоянии, явно недостаточно, коль скоро в ней происходит беспрецедентная историческая акция: организация новой социальной системы в обход естественной исторической эволюции, которая необходима для ее создания. Исходя из того что в профилактичности политики заложен высший ее смысл, несовершенным следует считать тип политической деятельности, который построен на реагировании на

свершившиеся факт, событие, т. е. на пассивном к ним отношении по сравнению с активным теоретическим обеспечением не только известной данности, но и теоретическим ее предвидением. В установлении возможного содержания движения, факта, события и представлено теоретическое обеспечение уровня политического мышления.

В Украине политическая теория, опирающаяся на эмпирический материал, настолько пестра и разноречива, что ее однозначное использование весьма затруднено, что, в свою очередь, отражает факт политического плюрализма, который в переходном обществе не всегда действует социальной целеустремленности страны, по крайней мере, объективной. Причем этот плюрализм — не суть украинского движения к высотам современной цивилизации, а во многом искусственное построение, не отражающее плюрализма интересов народа Украины. Создается впечатление неадекватности политической деятельности реальным политическим отношениям, а это означает использование политики в узкоклановых целях.

Поэтому украинской политике не достает той теоретической базы, которая должна отражать унитарность украинской государственности, подчинение политики и политиков высшему государственному интересу, зафиксированному в Конституции Украины. Только при создании такой базы появится единство идейного разнообразия в стране как в демократическом образовании. Здесь теория непосредственно включена в политическую практику, в которой она сама превращается в эмпирическое обоснование политических решений, политического мышления, т. е. происходит процесс практического переплетения эмпирического и теоретического, хотя это не означает наличия права на определение любого политического действия как теоретического. Но в Украине, где от политиков постоянно требуют объяснений чуть ли не каждого политического шага, теория должна быть открытой и понятной всем для того, чтобы она могла существовать как “мозговой центр” политической системы. Украинский политический опыт сегодня достаточен для гарантированного воздействия на состояние политического мышления. Он имеет многовековой фундамент и внешне вполне теоретичен для использования в политической деятельности. Но современные политические пристрастия украинских политиков часто настолько сиюминутны, что создается впечатление их отрыва от собственных национальных корней. А именно в них заложен успех любого политического действия, и поэтому политический исторический опыт не представляется даже в научно осмысленном виде как достоверная, эмпирическая теория. Тем более она не признается как руководство к действию уже

потому, что Украина современная якобы имеет мало общего с Украиной даже начала XX ст., что распространяется и на политический менталитет народа.

Но в том то и дело, что это внешнее впечатление, поскольку не было в Украине глубинного состояния, в котором она не стремилась бы, по крайней мере объективно, к самостоятельности, к независимости как этнический социум, имеющий собственную историю, собственную эволюцию и т. п.

Особенностью современной политической деятельности в Украине является откровенное возвышение так называемой практической политики, что вызвано социальным нетерпением народа, находящегося на пути социального выбора через собственный опыт.

Именно эмпирическое мышление — основной тормоз развития украинства в переходных условиях, поскольку в качестве эмпирического используется не весь исторический опыт Украины, а опыт личностный, групповой и даже общенародный, но в определенных временных рамках, преимущественно собственный. Это явление тормозящее, так как использует в качестве опыта ту “живую” жизнь, которую прожило то или иное поколение. Даже историческое как теоретически осмысленное не учитывается в таком способе политического мышления. Более ценной представляется теория современности, а в современность вкладывается сиюминутность, конкретная социальная данность, поучительность которой не может быть достаточной для понимания характера социального существования, тем более на индивидуальном уровне.

Поэтому необходимо как можно более полное представление о связи времен в Украине, о ее истории как эволюционном процессе самоутверждения украинства в Украине и в мировом общецивилизационном пространстве. Возможно, формирование украинской парадигмы политики потому и испытывает трудности, что она предлагается, как “современный” взгляд на политику, политическое состояние украинства без глубокого анализа естественных исторически сложившихся национальных опор его существования и развития. Органическая связь времен как детерминация современного состояния и судьбы Украины не стала предметом глубоких раздумий, хотя именно в ней заложена философия украинского бытия, которую так блестяще изложил Н. Костомаров в “Книгах битія українського народу” [5].

Таким образом, эмпирическое и теоретическое мышление в Украине находятся в органически прикладном состоянии и постоянно проявляют себя как однородные способы постижения действительности с одинаковым интеллектуальным статусом, что вызвано оригинальным переходным состоянием объекта, на который они направлены.

5.4. Творчество в политике

Политическое мышление и политическая деятельность, по крайней мере их достаточная эффективность, зависят от творческого потенциала и творческого отношения политического деятеля к делу. Несмотря на заданность политики и политической деятельности, продиктованную интересами тех, во имя кого осуществляется политика, они могут успешно реализовываться только при условии принятия неординарных решений, неповторимости как политического видения, так и конкретных политических шагов по разрешению противоречий, на которые направлено творчество. Причем в политике особенно важно не допускать творчества вне конкретного практического эффекта, творчества в решении, которое замыкается на самом себе. Поэтому необходимо точное определение существа отрицания, которое сопровождает творчество при разрешении противоречий, тем более если такое отрицание ведет к конфликту. Политику, как и любому деятельному индивиду, для творчества необходим определенный уровень воображения, выступающий в традиционной репродуктивной и продуктивной форме как с воспроизведением прошлого, так и с конструированием нового образного видения объекта. Это необходимые атрибуты творческого мышления, имеющие свои пределы, устанавливаемые объективной реальностью. Последнее касается и фантазии, хотя ее ограничители не имеют оснований, заложенных в реальной действительности.

Творчество в политике характеризуется также интуитивным проникновением в ситуации, в объекты политики, движение которых (объектов) может не поддаваться логически определенному вмешательству, систематизированному осмыслению. Информация о них может быть интуитивной, что позволяет даже в политике иногда пользоваться таким отражением действительности, как чувственная и интеллектуальная интуиция, непосредственность которой особенно важна для принятия оперативных политических решений, несмотря на то, что сам процесс формирования решения анализируется после его реализации. Для политика интуиция не опасна, как принято думать, поскольку она не антипод логическому мышлению, а его разновидность, отражающая профессиональный опыт индивида в том числе и в подсознательной форме. В этой связи и в политике имеет огромное значение творческое вдохновение, которое возникает на основе всех видов творческой активности свободной личности, включенной в процесс исторического творчества.

Политическое творчество тем эффективнее, чем больший простор недостижимых для политических решений “территорий” оно охватывает. Такой простор всегда существует, поскольку ни одно политическое решение не в состоянии охватить всю сложность политической ситуации, какой бы внешне простой она не была. Но специфика политического творчества в частности состоит в том, чтобы реализовать, “приложить” политическое решение, которое всегда имеется в структуре политической деятельности. Созидание нового в политике — это, как правило, деятельность по оптимизации функционирования определенного уровня решения в соответствии с заданными интересами объекта. В этом смысле политическое творчество разворачивается в рамках политической заданности, на известном политическом пространстве и желательном для объекта политики времени. Даже высшие политические решения как продукты творчества появляются как результат такой заданности. Поэтому творческий переворот в политическом видении состоит не в открытии новых свойств материи, каких-то тайн природы, а в адекватном отражении вызревающего или уже состоявшегося переворота в политических отношениях, в политических интересах личности, социальной группы или общества. Чем раньше такое видение состоится и чем пронизательнее оно будет, тем эффективнее политика, тем большим творческим потенциалом она располагает. Творческое воздействие на объект политики заключается в этой связи с тем, чтобы, не стремясь к внедрению своего видения в политические отношения, не навязывая его объекту политики, как можно более всесторонне выразить политические интересы объекта политики и вернуть их ему в виде творческих вариантов удовлетворения этих интересов выраженных в политических решениях.

В таком методологическом ключе политическое творчество — это служебная функция, способ реализации политических интересов, поскольку ни одно, даже самое совершенное политическое решение не в состоянии само по себе быть достаточно эффективным: оно постоянно требует внедренческой активности, внедренческого творчества. Это, так сказать, организационное творчество, творчество в пределах известных интересов и известных возможностей, и его следует считать основным, базовым основанием творчества в политике.

Но существует политическое творчество, которое питает и это базовое основание, и все его формы. Без него невозможно политическое творчество и даже сама политика как вид деятельности. Речь идет об особом положении в структуре политического творчества таких явлений, как политический гений, политический талант, политический вождь

дизм, да и сама философия политики как творческое осмысление политических отношений во всех их проявлениях. Этот вид политического творчества направлен на постоянное созидание необходимых организационных просторов для движения общества, подавляющая часть которого при любом уровне развития демократии стоит вне профессиональной политики, вообще политики как вида деятельности, хотя любой демократический режим обрушивает на политическое творчество достаточно демагогии.

При всей разработанности проблемы роли личности политика, преимущественно политического лидера, представляется необходимым дать ей такую философскую интерпретацию, которая послужила бы делу практического использования философии политики в реальной политической деятельности, в тех современных условиях, которые до сих пор общественная мысль продолжает связывать с демократией, как с высшей формой народовластия.

Именно в демократических формах народовластия постоянно существует социально-политический парадокс, который из-за стереотипности мышления продолжает увлекать общественное сознание, тем более что эта стереотипность мышления постоянно подогревается политическими институтами для создания иллюзии участия масс в управлении обществом. В этом парадоксальном состоянии исторически находились все демократические режимы, поскольку политическое отчуждение народа от власти, политики всегда было нормой жизни. Современные демократии в этом смысле не исключение: уровни их развития разнятся в зависимости от объективных оснований функционирования, но любой из них предполагает такое отчуждение, снятие которого невозможно до тех пор, пока не уйдут с исторической арены сами политические отношения, а отсюда и институты, и деятели, их обслуживающие, а точнее, владеющие политикой как профессионально производимым продуктом, включая, как и в любом производстве, владение технологией, информацией, “снабжением и сбытом”, подготовкой кадров и т. д.

Именно на этом, а не на так называемом народном волеизъявлении, зиждется необходимость в политическом гении, политическом таланте, политическом лидере (вожде) и т. п. И то, что исторически ни одно общество не обходилось без такой политической самоорганизации, свидетельствует о ее объективности, хотя (и это тоже чуть ли не норма политической жизни) общество постоянно “недовольно своим правительством”, обсуждает, а чаще осуждает действия своего поли-

тического лидера (коллективного или индивидуального), считает для себя возможным участвовать в политической работе, несмотря на “отсутствие диплома” о политическом образовании. Разве это не парадокс, что, несмотря на очевидность потребности в политическом профессионализме, его реальном существовании, практически независимо от “народного волеизъявления”, продолжают демократические игры, неискренность которых естественно вытекает из этого парадокса. Поэтому реальная политика так мало похожа на народное волеизъявление, так часто вынуждена себя открывать как вид деятельности, который в народном волеизъявлении может присутствовать только как делегированное образование, но отнюдь не как форма непосредственного участия в политике. И поэтому постоянное, реальное, исторически сложившееся упование на “верхи”, на вождя, на политический гений, талант является нормой политической жизни. Невольное выделение части общества, берущей на себя бремя управления, обязанность синтезировать и организовывать реализацию всеобщего интереса, предлагать обществу программы развития, создавать правовые нормы его жизнедеятельности или управлять им “по наследству”, узурпировать управленческие (властные) функции и т. д. — общая закономерность политических отношений. Никакой уровень демократизма не снимает хотя бы одну из этих форм политической самоорганизации общества, а в основе его также лежат различные уровни политического (управленческого) отчуждения. Возможно, не следует называть это отчуждением, а просто формой организации управления обществом, видом деятельности, выступающим как в профессиональной, так и в непрофессиональной форме, и поэтому имеющим свой монополизм, несмотря на делегационное происхождение. Но поскольку это не обычный вид деятельности, а деятельность по реализации общенародного интереса, одним из инструментов которой является власть, претензии к этому виду деятельности, требования к нему несравненно выше, чем к любому другому. И поэтому гений, талант, состояние ответственности, особенно ее правовых реальных механизмов, здесь представляются чуть ли не как необходимое условие занятия политической деятельностью, причем правоту такого подхода не оспаривает история и не может оспорить никакая демократия.

В этой связи философское обоснование места и роли в политических отношениях политического гения, таланта, лидера, способного к высокоэффективному политическому творчеству, к индивидуальному политическому творчеству вообще, представляется одной из наиболее насущных практических задач философии политики.

Как известно, творчество в политике выступает в коллективной и индивидуальной формах.

Коллективная форма политического творчества — это различные народные, коллективные движения, ломающие сложившиеся организационно-политические стереотипы или отжившие политические режимы. К коллективным формам политического творчества относится и институциональная творческая деятельность, если она имеет демократические основания, а не является коллективным обслуживанием подготовки персональных политических решений.

Однако коллективная форма творчества в политике практически всегда персонифицирована, хотя зачастую в творческом потоке не указывается непосредственный автор политической идеи, а иногда и программы. В отличие от результатов такого творчества политические решения, как правило, имеют прямые указания на авторство, тем более, что они тоже, как правило, имеют ответственного за их принятие и реализацию. Поэтому охлократические политические решения в системе демократии требуют своего правового оформления и не используются как политически творческий продукт.

Отсюда следует, что наиболее эффективной формой творчества в политике является индивидуальное политическое творчество. Исторически именно оно было, есть в настоящее время и будет в обозримом будущем основным “поставщиком” политической творческой продукции, определяя тем самым во многом успех или неудачу той или иной политики, репутацию того или иного политического деятеля. Даже “ум миллионов, который рождает нечто такое, на что не способен самый выдающийся гений” (В. Ленин), в конечном счете, индивидуализирован, но авторство скрывается в потоке взаимно совпадающего интереса, выраженного во внешне коллективной идее. Поэтому демократия как политическая организация общества более наукоемкое “политическое производство”, чем иные формы организации, так как она включает в себя механизмы реализации индивидуального политического творчества, не замыкается на “гении монарха”, “властелина” и т. п.

Но и в демократических обществах свойство индивидуализации — высшее проявление творческого гения человека, и поэтому общество делает все возможное для его ответственного проявления. Более того, оно включает способность к политическому творчеству в профессиональные характеристики политического деятеля, хотя зачастую и гиперболизирует ее. Культ политической личности — прямое тому подтверждение. Но в нем одновременно философия и роли, и места индиви-

дуального политического творчества в жизни общества. Основное философское определение этой роли относится к сложившемуся веками отношению общества к реальным индивидуальным возможностям политиков и тем политическим иерархическим структурам, творческий потенциал которых также оценивается не по реальным возможностям, а по месту в политической системе общества; персонально — по занимаемому креслу в этой системе. Творческие возможности политического деятеля определяются по принципу: “если он сидит в этом (как правило, “высоком”) кресле — значит не дурак, значит человек, способный к политическому творчеству”. (Здесь исключаются общественные подходы к наследственной политической деятельности или к другим ее формам, не связанным с демократическим волеизъявлением.)

В истории политики политическое творчество осуществлялось в высших эшелонах власти, хотя любой политический деятель занимался им уже хотя бы в силу того, что высшие политические решения могли быть достаточно эффективными только при условии творческого их использования в соответствии с особенностями конкретной политической обстановки, конкретного объекта политики. И все же исторически сложилась своеобразная организационная иерархия политического творчества, определенные его уровни, каждый из которых существенно отличался (и отличается) по степени ответственности за результаты политического творчества, за его соответствие интересам тех, кого представляет тот или иной политик. Объективно иначе и быть не может, поскольку сама политическая система общества предполагает, что объемы и характер деятельности высших и низших политических деятелей, существенно разнятся. Понятно, что политическое творчество президента страны в этом смысле резко отличается по своей значимости для страны от политического творчества политика местного масштаба, хотя, с точки зрения политического гуманизма, их место в иерархии политических ценностей равнозначно. Но в реальной политике первый влияет на все население страны, второй — на его часть, причем в русле влияния первого, и поэтому в какой-то мере перекладывает часть своей ответственности на первого, не отвечая на своем уровне за его деятельность. Не случайно в политической истории осуждаются высшие политические руководители, а масса так называемых рядовых воспринимается как исполнительская. Так было с осуждением гитлеровского режима, так идет процесс осуждения большевистского режима, деятельности КПСС, политических действий бывших правящих сил в странах Восточной и Юго-Восточной Европы и др.

Поэтому представляется наиболее плодотворным философское осмысление политического творчества высших эшелонов власти, его места и роли в политической жизни страны.

Внешне рисунок кажется довольно простым: есть известный интерес, умноженный на количество и качество его носителей, на основе чего вырабатывается решение, возникающее как результат усилий политика по приведению этого интереса в соответствие с объективными возможностями его реализации.

Но в том-то и дело, что это приведение не пассивно: именно в политике оно включает в себя и организацию самого интереса, и механизмы его реализации, в первую очередь государственно-правовые, и состыковку с другими интересами, не говоря уже о выработке на этой основе политических программ, путей развития, прогностического расчета и т. д., что вызывает необходимость в выделении особого отряда работников, именуемых политическими деятелями. И как в любом виде деятельности, в “политическом цехе” есть более и менее талантливые лица, занимающие более и менее ответственные посты. В этой политико-организационной иерархии наиболее ответственным уровнем политического творчества является творчество представителей высших эшелонов власти, лидеров, руководителей высших государственных, экономических, духовных органов.

Но наличие высших эшелонов власти, коллегиальных по своей организационной структуре, во всех обществах сопровождается персонализацией политических функций, возникающих, как правило, в результате реального политического демократизма или реального политического лидерства. И первое, и второе приводит к созданию институтов главы государства, лидера нации, высшего руководителя и т. д. Причем практически всенародное психологическое упование на его личностные качества, постоянное ожидание улучшения жизни, поставленное в зависимость от гения высшего руководителя, становится нормой политического сознания населения. Даже в ортодоксально демократическом государстве ожидание такого улучшения от президента более распространено, чем ожидание от коллегиального органа — парламента. Любой, даже избранный самым демократическим способом президент — глава исполнительной власти — становится фактически главой государства, по сути, политическим лидером народа.

Именно это обстоятельство порождает особую ответственность такого лидера за политическое творчество, за решения, которые он принимает как результат такого творчества. Существование в демо-

кратической политической системе проверки соответствия деятельности высшего должностного лица конституции страны, законам, принятым ее парламентом существенно не сужает поле его политического творчества. Если высшее должностное лицо имеет достаточно сторонников для поддержки его творчества в соответствующих государственных, партийных и других структурах, то это поле может стать практически неограниченным, и только уровень социального напряжения в обществе может стать действенным контрольным фактором его эффективности. Подтверждением тому является политическая революция в октябре 1917 г. в России, политическая революция в апреле 1985 г. в СССР, не говоря уже о многочисленных политических революциях, возникших как результат политического влияния так называемых признанных лидеров, в политической истории человечества. Ведь не оспаривается уже сегодня вывод о том, что революция 1917 г. — результат организационно-политического влияния большевизма, в первую очередь В. Ленина и его ближайших соратников, а процесс революционного распада СССР и кардинального изменения существовавшего в нем общественного строя, который впоследствии смел и того, кто его начал, — по инициативе М. Горбачева и его сторонников.

Эти исторические примеры свидетельствуют о том, какой ценой расплачиваются народы за “высшее” политическое творчество, как часто они становятся социальным полигоном, на котором апробируются результаты такого творчества.

Но это, так сказать, политическое творчество, ведущее к крупным, кардинальным социальным потрясениям, иногда даже на основе массового психоза, к чему, например, привел свой народ А. Гитлер и его сторонники, оболванившие низменной идеей миллионы людей, что стоило человечеству около 100 млн человеческих жизней.

Более распространено и чаще повторяется текущее политическое творчество, творчество в обыденном созидании. Здесь высшие политические решения появляются как результат иерархически организованного творчества, когда, например, указ президента воспринимается населением более заинтересованно, чем самая талантливая политическая концепция лица, не имеющего отношения к власти. Политическое творчество становится должностной функцией. “Президент не сделал”, “Президент не изменил положение”, “ничего не изменилось к лучшему с приходом к власти нового Президента” и т. п. — высказывания весьма распространенные, особенно в переходные периоды,

когда население ожидает кардинальных перемен к лучшему в своей жизни, причем именно ожидает и, в первую очередь, не от своих дополнительных усилий, а именно от руководства страны, ее президента, главы государства, лидера нации, т. е. от политического творчества, новой организационной идеи, неординарного решения, программы, концепции, теории, учения.

О важности этого уровня политического творчества, свидетельствует то, что оно зачастую опрокидывает наши представления о законах общественного развития, об эволюции, когда общество через своих лидеров пытается нарушить естественное движение от низших форм самоорганизации к высшим. Сегодня в Украине предпринимается попытка выйти на общецивилизационный путь развития на основе самоорганизации народа в соответствии с программой развития, разрабатываемой политическими деятелями. Здесь явное нарушение объективных законов общественного развития, которые, выдержав пренебрежительное отношение к себе со стороны бывшего советского руководства, возвращаются естественно-историческим путем. Мудрость украинских политиков заключается в понимании того, что субъективное игнорирование большинством указанных законов развития может быть поправлено субъективной организацией общества, возвращающегося к своим естественным корням, путем предоставления ему необходимых организационных просторов для налаживания общечеловеческих экономических, политических и духовных отношений.

Но эта деятельность не означает, что политическое творчество в истории человечества и сегодня служит лишь благородной идее. Однако при всех условиях организация общества, при которой объект политики (народ, нация, группа людей) попадает в зависимость от политического творчества избранных ими же политических деятелей (приобретающих такой рычаг влияния на общество как власть, обеспечивающих свое творчество этой властью и внедряющих его результаты в жизнь) и считает это нормой жизни, — конечно же, является парадоксальной, но иная политическая организация общества невозможна, коль скоро это организация политическая. Политика возникает как делегирование прав, как наделение правами и, в основном, как властное обретение прав, и поэтому творчество в ней становится властно обеспеченной нормой. Судьбоносность политического творчества, таким образом, превращается в постоянную возможность трагического исхода, если демократические нормы и механизмы народного контроля и неприятия результатов

этого творчества не будут хотя бы элементарно эффективными. До настоящего времени такого не знала даже самая развитая демократия, и поэтому поиск путей гарантированного ограждения народа от негативного политического творчества остается одной из важнейших задач политического творчества. Должны уйти из политической жизни такие явления, как неработающие законы и жалобы самих парламентариев на это обстоятельство, так называемые непопулярные меры руководства страны, возможность посылать на смерть своих граждан без всенародного участия в принятии решений, чреватых такими последствиями (например, советская афганская авантюра, за которую никто не понес уголовной ответственности), откровенное политическое отчуждение от власти основной массы населения, привлекаемой к политике только во время выборов будущих носителей власти, и т. п.

Наконец, необходимо такое общественное устройство, в котором политическое творчество стало бы внутренней профессиональной формой деятельности, но в жестких пределах демократически установленных политических и правовых норм. Их более совершенная реализация была бы высшим назначением политического творчества, а превращение его в судьбоносное явление могло состояться только в рамках накопления обществом и его политическими институтами необходимого творческого материала для изменения и основного, и оперативного права как главного демократического волеизъявления. Для этого необходимо правовое государство, в котором будут управлять не люди, а законы, нормы.

Для украинской политики творчество имеет особое значение, поскольку сама украинская политика, с помощью которой организовывается новая социальная система, не имеет себе равных в истории. Поэтому творчество в украинской политике — это постоянный поиск путей организации общественных отношений, находящихся в переходном состоянии. А это значит, что творчество в украинской политике непосредственно входит в структуру политической деятельности как ее обязательное свойство. Любое политическое действие в таком контексте приобретает характер неординарности, коль скоро оно отвечает потребностям Украины как восходящего государства, ее целевым установкам.

Для украинской политики творчество представляется в двух аспектах. Первый из них заключается в создании достаточного политического продукта, в частности, в правовой форме, для обеспечения необходимой эффективности политических решений. Второй аспект состоит в

профессионально зрелом умении внедрять этот продукт в политическую деятельность, в политическую практику, которая, как известно, именно в Украине имеет судьбоносное для страны значение.

Особенно сложным является вопрос соотношения политического творчества народа и политиков.

Политическое творчество украинского народа сегодня состоит в том, чтобы постоянно решать двуединую задачу: стремиться к таким видам деятельности, которые способствовали бы созиданию новой социальной системы, или одновременно бороться против собственного казарменно-социалистического “я” и быть достаточно политически зрелым, чтобы делегировать в политические институции тех граждан, которые в состоянии обеспечить (организационно и интеллектуально) сам процесс созидания этой системы. Политическая гениальность здесь проявляет себя в историческом выборе, который народ Украины сделал, хотя рецидивы прошлого продолжают оказывать влияние на его политический менталитет и политическое поведение, что существенно снижает эффект деятельного участия политиков и политической деятельности в организации новой социальной системы.

И все же при глубинной решающей роли народа в созидании новой социальной системы в Украине творчество наиболее эффективно в политике конкретных политических деятелей. Поэтому естественным представляется взгляд народа на политиков, как на “делателей” его истории, организаторов современной социальной структуры движения украинства к высшим формам социальной жизни, к материальному и духовному благополучию.

И действительно, упование на управленческий корпус страны, его верхний эшелон — Верховную Раду, Президента, Кабинет Министров превращается в фактор, детерминирующий их политическое творчество, которое тем эффективнее, чем оно, вернее — его плоды, органичнее для народа. Поэтому задача заключается в том, чтобы сделать творческими любые политические действия, направленные на реализацию интересов народа и исключить в политическом творчестве индивидуальное самоутверждение политика, если это самоутверждение противоречит самоутверждению народа в рамках процесса политической организации в Украине норм жизни социализированного капитализма.

Таким образом, творчество в украинской политике — обязательная составляющая ее функционирования и политической деятельности политиков, призванных реализовывать ее в заданном для Украины направлении — к достижению уровня высокоразвитых стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философия политики как философское, методологическое обеспечение политики и политической деятельности призвана быть научным гарантом их эффективности, а в известной мере — и гарантом безошибочности при принятии политических решений.

На политику “работают” многие науки, но философия политики в данном механизме влияния занимает фундаментальное место. Сложность творческого поиска в этом отношении заключается, в первую очередь, в том, чтобы определить в каждом конкретном политическом шаге оптимальный режим использования философского знания, возможно более содержательно соотносить научно-практический потенциал понятийного аппарата философии и политики, философии и политологии.

При этом следует реально представлять сами возможности использования философии в политике. Таких основных возможностей, по крайней мере, две. Первая из них — философская подготовка политика, его умение в каждом конкретном случае опираться в своей деятельности на философское знание. Это весьма сложное умение. Оно тем совершеннее, чем органичнее в личности политика состоялся “союз” специального и философского знания, его специальной и философской подготовки. Вторая возможность менее сложна, так как она предполагает использование философского знания при подготовке преимущественно институциональных политических решений. Эта подготовка имеет свои стадии, информационные и организационные механизмы и т. д. В таком варианте, имеющем более широкие пространственные и временные рамки, привлечение наук, в том числе и философии, к подготовке политических решений происходит как естественный процесс, коль скоро политики заинтересованы в оптимальном воздействии на объект политики. И то, что в Украине зачастую политические решения не обладают должной степенью эффективности, свидетельствует лишь о том, что указанная практика подготовки политических решений еще не стала нормой. Помочь превратить ее в норму и призвана предлагаемая книга.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаєвський Б. А.* Сучасна українська політологія. — К., 1999.
2. *Гегель Г.* Работы разных лет: Т. 1, 2. — М., 1970–1971.
3. *Гегель Г.* Философия права. — М., 1990.
4. *Копнин П. В.* Диалектика как логика и теория познания. — М., 1972.
5. *Костомаров М.* Книги битія українського народу. — Нью-Йорк, 1967.
6. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права / Соч. — М., 1955. — Т. 1.
7. *Рудницький С.* Чому ми хочемо самостійної України. — Львів, 1994.

Предисловие	3
Глава 1. Философия и политика	8
1.1. Философия политики как наука	8
1.2. Соотношение понятийных аппаратов философии и политики	11
Глава 2. Связь и развитие — основные принципы диалектики политики	16
2.1. Общая связь и взаимодействие в политике	16
2.2. Идея политического развития	25
2.3. Принцип историзма в политике	33
2.4. Причинность и объективная целесообразность в политике	40
2.5. Системность в политических отношениях и политической деятельности	48
Глава 3. Категории и законы философии в политике	57
3.1. Сущность и явление в политике	58
3.2. Политическая необходимость и случайность	67
3.3. Возможность, действительность и вероятность в политике	74
3.4. Часть и целое в политике	82
3.5. Политическое содержание и политическая форма	88
3.6. Качество, количество и мера в политике	94
3.7. Политические противоречия и гармония в политике	101
3.8. Отрицание в политическом развитии	108
Глава 4. Теория познания в политике	114
4.1. Виды знания и политика	114
4.2. Субъект и объект познания в политике	120
4.3. Познание и политическая практика	127
4.4. Политика и истина (истинная политика)	132
Глава 5. Философия политического мышления	141
5.1. Чувственный аспект политической деятельности	141
5.2. Политическое мышление	145
5.3. Эмпирический и теоретический уровни политического мышления	153
5.4. Творчество в политике	162
Заключение	173
Список использованной и рекомендуемой литературы	174

У пропонованій монографії розглянуто зв'язок філософії і політики, проаналізовано теоретико-практичне застосування філософських знань у конкретній політичній діяльності, вплив філософської культури політиків на процес прийняття політичних рішень і забезпечення їх ефективності. Аргументується ідея одержання безпомилкових рішень за допомогою основних категорій діалектики.

Для студентів, викладачів, а також усіх, хто цікавиться питаннями політики і філософії.

Навчальне видання

Гаєвський Борис Аркадійович

ФІЛОСОФІЯ ПОЛІТИКИ

Монографія

(Рос. мовою)

Редактор *О. І. Калашникова*

Коректори *С. Г. Агдаєва, Г. В. Мисливець*

Комп'ютерна верстка *А. Б. Нефедов*

Оформлення обкладинки *Я. С. Уласік*

Реєстраційне свідоцтво ДК № 8 від 23.02.2000

Підп. до друку 15.05.01. Формат 60×84/₁₆. Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 10,3. Обл.-вид. арк. 9,5. Тираж 1000 пр. Зам. №

Міжрегіональна Академія управління персоналом (МАУП)
03039 Київ-39, вул. Фрометівська, 2, МАУП